

**Управление систематизации законодательства
и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение практики и правовых позиций
международных договорных¹ и внедоговорных органов,
действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по
вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при
назначении им наказания
в виде административного выдворения**

(по состоянию на 1 августа 2018 г.)

2018 г.

---

¹ Включая Европейский Суд по правам человека (далее – также Европейский Суд, Суд).

Оглавление

Правовые позиции	4
Общие вопросы	4
Оценка риска того, что в государстве, куда осуществляется административное выдворение, в отношении лица могут быть применены пытки, иные формы недопустимого обращения	11
Вопросы вмешательства в право лица на уважение частной (личной) и семейной жизни при назначении лицу административного наказания в виде административного выдворения	27
Обеспечение национальной безопасности при назначении административного наказания в виде административного выдворения.....	38
Оценка риска того, что в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица может быть допущено нарушение права на свободу и личную неприкосновенность	41
Воздержание от административного выдворения при наличии временных обеспечительных мер Европейского Суда по правам человека (статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)	42
Практика международных договорных органов.....	44
I.a Международным договорным органом установлено нарушение права лица не подвергаться пыткам, иным формам недопустимого обращения в случае его административного выдворения.....	44
выдворение в <i>Афганистан</i>	44
<i>практика Комитета против пыток</i>	45
выдворение в <i>Бангладеш</i>	48
выдворение в <i>Китайскую Народную Республику</i>	50
выдворение в <i>Демократическую Республику Конго</i>	51
выдворение в <i>Кыргызскую Республику</i>	53
выдворение в <i>Исламскую Республику Иран</i>	54
выдворение в <i>Италию</i>	57
выдворение в <i>Нигерию</i>	62
выдворение в <i>Пакистан</i>	64
<i>практика Комитета против пыток</i>	64
выдворение в <i>Сирийскую Арабскую Республику</i>	68
выдворение в <i>Республику Таджикистан</i>	72
выдворение в <i>Республику Узбекистан</i>	74
выдворение в <i>Эритрею</i>	79
выдворение на <i>Ямайку</i>	80

I.б Международным договорным органом установлено отсутствие нарушения права лица не подвергаться пыткам, иным формам недопустимого обращения в случае его административного выдворения...	81
выдворение в <i>Армению</i>	81
выдворение в <i>Бельгию</i>	82
выдворение в <i>Болгарию</i>	84
выдворение в <i>Гамбию</i>	86
выдворение в <i>Индию</i>	87
выдворение в <i>Казахстан</i>	88
выдворение в <i>Китайскую Народную Республику</i>	89
выдворение в <i>Ливан</i>	91
<i>практика Комитета против пыток</i>	91
выдворение в <i>Палестину</i>	93
выдворение в <i>Республику Кыргызстан</i>	93
выдворение в <i>Республику Узбекистан</i>	94
выдворение в <i>Сенегал</i>	96
выдворение в <i>Сирийскую Арабскую Республику</i>	97
выдворение в <i>Сомали</i>	101
<i>практика Комитета по ликвидации дискриминации</i>	<i>в</i>
<i>отношении женщин</i>	101
выдворение в <i>Судан</i>	104
выдворение в <i>Швецию</i>	106
выдворение в <i>Эфиопию</i>	107
<i>практика Комитета по ликвидации дискриминации</i>	<i>в</i>
<i>отношении женщин</i>	107
выдворение в <i>Шри-Ланку</i>	109
II.а Международным договорным органом установлено нарушение права лица на уважение семейной жизни в случае его административного выдворения	119
выдворение в <i>Грузию</i>	119
выдворение в <i>Ирак</i>	123
выдворение в <i>Исламскую Республику Иран</i>	124
выдворение в <i>Казахстан</i>	126
выдворение в <i>Камерун</i>	128
II.б Международным договорным органом установлено отсутствие нарушения права лица на уважение семейной жизни в случае его административного выдворения	130
выдворение в <i>Грузию</i>	130
выдворение в <i>Китайскую Народную Республику</i>	133
выдворение в <i>Республику Узбекистан</i>	135
выдворение в <i>Соединенные Штаты Америки</i>	136

Правовые позиции²

Общие вопросы

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации³

Сложившаяся прецедентная практика Европейского Суда предусматривает, что *согласно общепринятому международному праву и договорным обязательствам, в том числе вытекающим из Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], государства-участники вправе контролировать въезд, проживание и выдворение иностранцев...* Кроме того, Конвенция и [П]ротоколы к ней не предусматривают права на политическое убежище (пункт 124 постановления от 23 сентября 2010 г. по делу *Искандаров против Российской Федерации*).

[П]онятие «высылка» является автономным, независимым от любого определения, содержащегося в национальном законодательстве. Исключая экстрадицию, *любая мера, принуждающая иностранца покинуть территорию, на которой он законно проживал, является «высылкой»* по смыслу статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 79 постановления от 5 октября 2006 г. по делу *Болат против Российской Федерации*).

Суд подчеркивает, что статья 1 [П]ротокولا № 7 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]⁴ относится явным образом к иностранным гражданам, *«на законных основаниях проживающим на территории какого-*

² В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.

³ Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека, принятых *по делам в отношении Российской Федерации*, получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суда по правам - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

⁴ В силу упомянутого конвенционного положения «1. Иностранец, *на законных основаниях проживающий на территории какого-либо государства*, не может быть выслан из него иначе как во исполнение решения, принятого в соответствии с законом, и должен иметь возможность:

- a) представить аргументы против своей высылки,
- b) пересмотра своего дела, и
- c) для этих целей быть представленным перед компетентным органом или одним или несколькими лицами, назначенными таким органом.

2. Иностранец может быть выслан до осуществления своих прав, перечисленных в подпунктах «а», «b» и «с» пункта 1 данной статьи, если такая высылка необходима в интересах общественного порядка или обусловлена соображениями национальной безопасности».

либо государства»⁵ (пункт 97 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

Сфера применения статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] распространяется на иностранцев, «законно проживающих» на территории конкретного государства. В деле двух лиц, которые находились на территории Швеции по однодневной туристической визе и безуспешно пытались получить политическое убежище, Европейская Комиссия выразила точку зрения о том, что «иностранец, чей срок визы или вида на жительство закончился, не может быть признан как «законный житель» в стране» (пункт 76 постановления от 5 октября 2006 г. по делу *Болат против Российской Федерации*).

[О]пределение понятия «законный житель» содержалось в Пояснительном докладе к Протоколу № 7 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] и других международных документах⁶ (пункт 77 постановления от 5 октября 2006 г. по делу *Болат против Российской Федерации*).

⁵ По мнению Европейского Суда «ничто в материалах дела не свидетельствует о том, что заявитель правомерно въехал на российскую территорию, чтобы остаться, и что он имел «законно обоснованное ожидание» получить разрешение на пребывание....; из материалов дела не следует, что он, как и утверждают Власти, имел разрешение на временное пребывание до 19 февраля 2012 года. Кроме того, Суд отмечает, что заявитель имел поддельный паспорт в момент, когда он был задержан российскими органами власти, и что этот факт, в числе прочих, послужил основанием для его последующего осуждения по уголовному делу. Кроме того, на взгляд Суда, тот факт, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации на момент принятия постановления о выдворении в его отношении, не делал пребывание заявителя «правомерным» в смысле статьи 1 Протокола № 7 Конвенции» (пункт 97 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

⁶ 51. В пояснительном докладе определена форма применения статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции:

«9. Статус «имеющий место жительства» подразумевает неприменение требований статьи 1, касающихся иностранцев, которые прибыли в порт прибытия или другой пункт въезда, но еще не прошедших иммиграционный контроль, или кто имеет право въезда на территорию государства с целью только транзита или ограниченного периода пребывания не для постоянного места жительства...

Этот статус имеет юридическую силу во внутригосударственном законодательстве государств-участников. Таким образом, внутригосударственное законодательство определяет законные условия, которые должны быть выполнены лицом, пребывающим на территории конкретной страны.

Иностранец, имеющий разрешение на въезд и пребывание согласно определенным требованиям, например, определенный период пребывания, и тот, кто больше не соблюдает эти требования, не может считаться законно пребывающим в стране».

52. Далее в пояснительном докладе даются определения понятия «законное пребывание», содержащегося в других международных документах:

Статья 11 Европейской конвенции о социальном и медицинском обслуживании (1953 г.)

«а) Пребывание иностранного гражданина на территории одной из Договаривающихся Сторон считается законным по смыслу настоящей Конвенции, если он имеет действующее

*Договаривающиеся Стороны обладают дискреционным правом выносить решение о высылке иностранца, находящегося на территории их государства, но это полномочие должно осуществляться таким образом, чтобы оно не нарушало права человека, гарантированные Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод]... В пункте 1 этой статьи Протокола № 7 к Конвенции установлено в качестве основополагающей гарантии то, что лицо может быть выслано только «в случае принятия решения в соответствии с законом». К этому положению не может быть сделано исключений. Согласно Пояснительному докладу к Протоколу № 7 к Конвенции понятие «право» снова отсылает к внутригосударственному законодательству конкретного государства. Следовательно, решение должен принимать компетентный государственный орган власти в соответствии с положениями существующего законодательства и соответствующими процессуальными нормами (пункт 11 Пояснительного доклада Протокола № 7 к Конвенции) (пункт 81 постановления от 5 октября 2006 г. по делу *Болат против Российской Федерации*).*

*[П]роцедуры высылки иностранцев не касаются определения «гражданского права» в целях пункта 1 статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]. Тот факт, что постановления о выдворении попутно оказывают сильное влияние на частную и семейную жизнь лица или на его возможность трудоустройства, не может быть достаточным для того, чтобы судебное разбирательство затрагивало гражданские права, защищаемые пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Такие постановления представляют собой специальную меру пресечения в целях иммиграционного контроля и, следовательно, также не касаются определения уголовного обвинения заявителя в целях пункта 1 статьи 6. Тот факт, что они могут налагаться в контексте уголовного судопроизводства, не может изменить их по сути превентивный характер (пункт 121 постановления от 20 декабря 2016 г. по делу *Бердзенишвили и другие против Российской Федерации*).*

разрешение на пребывание или иной предусмотренный законодательством соответствующей страны документ, разрешающие находиться на ее территории...

b) Пребывание считается незаконным с момента принятия любого решения о высылке данного лица, если отсрочка его исполнения не предусматривается».

Раздел II Протокола к Европейской конвенции о месте постоянного проживания (1955 г.)

«a) Правила, регулирующие въезд, проживание и передвижение иностранцев, а также их права заниматься коммерческой деятельностью не должны быть затронуты настоящей Конвенцией, если они ей не противоречат.

b) Считается, что граждане Договаривающейся Стороны проживают на территории другой Стороны на законных основаниях, если они подчиняются упомянутым правилам».

Практика Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания

В соответствии с Двадцатью принципами насильственного возвращения, принятыми Комитетом министров [Совета Европы] 4 мая 2005 года, постановления о высылке должны во всех случаях быть основаны на решении, которое соответствует национальному законодательству и процедурам, а также обязательствам, принятым на себя в соответствии с международным гуманитарным правом. Постановление о высылке должно передаваться в письменном виде заинтересованному лицу. Кроме того, необходимо предусмотреть возможность обжалования такого постановления, а сама высылка не должна проводиться до принятия решения по такой жалобе. На этой стадии процедуры также необходимо гарантировать помощь со стороны адвоката и переводчика (пункт 95 Десятого Общего доклада Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Опубликован в 2009 году. СРТ/Inf(2009)27-part).

Практика Комитета по правам человека⁷

[С]татья 13 [Международного пакта о гражданских и политических правах]⁸ применима ко всем процедурам, имеющим своей целью обязательный выезд иностранца, независимо от того, называется ли в национальном законодательстве это действие высылкой или используются другие термины. Если подобные процедуры влекут за собой арест, то могут также применяться гарантии, предусмотренные Пактом в отношении лишения свободы (статьи 9 и 10)... Как правило, высланному иностранцу должно быть разрешено выехать в любую страну, которая согласится принять его. *Конкретные права, зафиксированные в статье 13, предусматривают защиту лишь тех иностранцев, которые законно находятся на территории государства-участника. Это означает, что положения национального*

⁷ Переведенные на русский язык тексты решений и иных документов договорных и внедоговорных органов, действующих в рамках Организации Объединенных Наций, включая Совет ООН по правам человека, выдержки из которых приведены в настоящем Обобщении, размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>

⁸ В силу статьи 13 Пакта «[и]ностранец, законно находящийся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, может быть выслан только во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом, и, если императивные соображения государственной безопасности не требуют иного, имеет право на представление доводов против своей высылки, на пересмотр своего дела компетентной властью или лицом или лицами, специально назначенными компетентной властью, и на то, чтобы быть представленным для этой цели перед этой властью лицом или лицами».

законодательства, касающиеся условий въезда в страну и пребывания в ней, должны приниматься во внимание при определении сферы такой защиты и что их действие не распространяется на лиц, незаконно въехавших в страну, и иностранцев, превысивших срок пребывания в стране, установленный законом или указанный в их виде на жительство. Однако если вопрос о законности въезда иностранца в страну или его пребывания в ней является спорным, то любое решение по этому вопросу, ведущее к его высылке или депортации, должно приниматься в соответствии с положениями статьи 13. Именно компетентные органы государства-участника, действующие в духе доброй воли и осуществляющие свои полномочия, должны применять и толковать внутреннее законодательство, соблюдая при этом такие требования Пакта, как равенство перед законом (статья 26) (пункт 9 Замечания общего порядка № 15. Положение иностранцев в соответствии с Пактом. Принято Комитетом по правам человека на его 27-й сессии (1986 г.).

Статья 13 [Международного пакта о гражданских и политических правах] непосредственно регулирует лишь процедуру, а не основания для высылки из страны. Однако, поскольку она допускает высылку из страны только «во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом», ее цель, безусловно, заключается в предотвращении произвольной высылки. В то же время она предоставляет каждому иностранцу право на решение его дела в индивидуальном порядке и поэтому принятие законов или решений о коллективной или массовой высылке противоречило бы положениям статьи 13. По мнению Комитета, такое понимание подтверждается другими положениями, касающимися права на представление доводов против высылки, на пересмотр решения компетентной властью или каким-либо назначенным ею лицом и права быть представленным перед этой властью или лицом. *Иностранцу должны быть предоставлены все возможности использовать имеющиеся у него средства судебной защиты с целью воспрепятствовать его высылке, с тем чтобы во всех случаях это право имело действенный характер.* Принципы статьи 13, касающиеся предоставления доводов против высылки и права на пересмотр дела компетентной властью, могут не соблюдаться лишь в том случае, если этого требуют «императивные соображения государственной безопасности». Дискриминация различных категорий иностранцев в применении статьи 13 не допускается (пункт 10 Замечания общего порядка № 15. Положение иностранцев в соответствии с Пактом. Принято Комитетом по правам человека на его 27-й сессии (1986 г.).

[П]роцедуры, касающиеся высылки иностранцев, не подпадают под определение «прав и обязанностей в рамках гражданского процесса» по смыслу положений пункта 1 статьи 14 [Международного пакта о гражданских и политических правах], а скорее регулируются положениями статьи 13 Пакта⁹.

⁹ См. сообщения № 2007/2010, *Й.Й.М. против Дании*, Соображения, принятые 26 марта 2014 года, пункт 8.5; № 1494/2006, *А.К. и ее дети, С., М. и Е.Б. против Нидерландов*, Решение о

Кроме того, статья 13 обеспечивает просителям убежища определенные формы защиты, предусмотренные статьей 14 Пакта, но не право на обжалование в судах¹⁰ (пункт 7.3 Соображений Комитета по правам человека от 13 июля 2016 г. по делу *А и Б против Дании*).

Практика Комитета по ликвидации расовой дискриминации

[Государства обязаны] обеспечить, чтобы законы, касающиеся депортации, и другие формы выведения неграждан из-под юрисдикции государства-участника не являлись дискриминационными по своим намерениям или последствиям и не осуществлялись по признаку расы, этнического или национального происхождения и чтобы неграждане имели равный доступ к эффективным средствам правовой защиты, включая право на оспаривание распоряжений о высылке, и имели возможность эффективно пользоваться такими средствами правовой защиты (пункт 25 Общей рекомендации ХХХ о дискриминации неграждан. Принята Комитетом по ликвидации расовой дискриминации на его 65-й сессии (2005 г.)).

[Государства обязаны] обеспечить, чтобы неграждане не подвергались коллективной высылке, особенно в ситуациях, когда отсутствуют достаточные гарантии того, что были учтены личные обстоятельства каждого из данных лиц (пункт 21 Общей рекомендации ХХХ о дискриминации неграждан. Принята Комитетом по ликвидации расовой дискриминации на его 65-й сессии (2005 г.)).

Практика Комитета по правам ребенка

Комитеты напоминают о том, что в ... *международных и региональных договорах по правам человека запрещается коллективная высылка и содержится требование о том, что каждый случай высылки рассматривается и решается в индивидуальном порядке при эффективном соблюдении всех процессуальных гарантий и права на доступ к правосудию. Государствам-участникам следует принять все необходимые меры в целях недопущения коллективной высылки детей и семей мигрантов (пункт 47 Совместного замечания общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции. Размещено 16 ноября 2017 г. CMW/C/GC/3–CRC/C/GC/22).*

неприемлемости, принятое 22 июля 2008 года, пункт 8.4; и № 1234/2003, *П.К. против Канады*, Решение о неприемлемости от 20 марта 2007 года, пункты 7.4 и 7.5.

¹⁰ См. сообщение № 2288/2013, *У. против Дании*, Соображения, принятые 22 июля 2015 года, пункт 6.4; и Замечание общего порядка № 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункты 17 и 62.

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Государства имеют право решать, кому давать право на въезд и на пребывание на их территории. Однако когда человек пересекает международную границу, применяется ряд прав, особенно если этот человек ходатайствует о получении статуса беженца (A/62/263). Хотя государства имеют право задерживать иностранцев до их депортации, важно обеспечить надлежащие гарантии до осуществления любой депортации, чтобы, в частности, избежать возвращения человека в страну, где существует опасность жестокого обращения с ним (принудительное возвращение) (пункт 42 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 29 апреля 2016 г. A/HRC/31/65).

Хотя все государства обладают суверенным правом обеспечивать охрану своих границ и регулировать свою миграционную политику, они должны обеспечивать уважение прав человека мигрантов при принятии и осуществлении национальных иммиграционных законов. Государство обязано вне зависимости от правового статуса мигранта обеспечивать соблюдение основных норм в области прав человека и с достоинством обращаться со всеми мигрантами. Комитет по правам человека, который следит за осуществлением Международного пакта о гражданских и политических правах, давно отмечает, что в докладах государств зачастую не учитывается то, что каждое государство-участник должно обеспечить права, предусмотриваемые в Пакте, «всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам». Государства несут обязательство и, по существу, обязанность уважать и защищать права человека всех лиц, находящихся на его территории, как граждан, так и неграждан, независимо от того, как они прибыли в страну, и независимо от их миграционного статуса. В целом права, закрепленные в Пакте, распространяются на всех лиц, независимо от принципа взаимности, их гражданства или отсутствия такового (пункт 14 Доклада Специального докладчика по вопросу о правах человека мигрантов Размещен 25 февраля 2008 г.).

Оценка риска того, что в государстве, куда осуществляется административное выдворение, в отношении лица могут быть применены пытки, иные формы недопустимого обращения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

*Выдворение Договаривающимся Государством может привести к возникновению вопроса в соответствии со статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] и, следовательно, повлечь за собой ответственность этого государства в соответствии с Конвенцией, если были продемонстрированы серьезные основания полагать, что заинтересованное лицо в случае выдворения столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции (пункт 117 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).¹¹*

Оценка того, имеются ли веские основания полагать, что заявитель может быть подвергнут обращению, противоречащему статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], неизбежно требует, чтобы Европейский Суд оценил условия в принимающей стране с точки зрения норм данного положения Конвенции... Указанные стандарты предполагают, что *жестокое обращение, с которым, по утверждениям заявителя, он столкнется в случае возвращения, должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы относиться к сфере действия статьи 3 [Конвенции]*. Оценка этого уровня относительна, и зависит от всех обстоятельств дела (пункт 119 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

При определении того, было ли доказано, что заявителю в случае выдворения угрожает реальная опасность пострадать от обращения, противоречащего статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], Суд рассмотрит этот вопрос в свете всех представленных ему материалов или, при необходимости, материалов, полученных *proprio motu*¹² ... Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств в соответствии со статьей 3 Конвенции по делам такого рода заключается в действии, подвергаящем лицо угрозе жестокого обращения, факт существования угрозы должен оцениваться прежде всего с учетом тех фактов, *которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент выдворения*

¹¹ «[С]татья 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] подразумевает обязательство не высылать данное лицо в эту страну... Тем не менее, речь не идет о вынесении решения или об установлении ответственности принимающей страны в соответствии с общим международным правом, с Конвенцией или по иным основаниям» (пункт 118 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

¹² По собственной инициативе.

(пункт 120 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

В принципе, именно заявитель должен представить убедительные доказательства того, что существуют серьезные основания полагать, что в случае применения оспариваемой меры он подвергнется реальной опасности пострадать от обращения, противоречащего статье 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]... Если такие доказательства приведены, то от Властей ожидается, что они развеют любые сомнения по этому поводу (пункт 121 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

Что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд постановил по нескольким делам, что он может придать определенное значение информации, содержащейся в последних докладах независимых международных организаций по защите прав человека и неправительственных организаций... В то же время, одна лишь возможность жестокого обращения по причине неустойчивой ситуации в принимающей стране сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 122 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

Когда источники, доступные Суду, описывают общую ситуацию, утверждения заявителя по конкретному делу требуют подтверждения другими доказательствами (пункт 123 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

[О]бщая ситуация насилия, как правило, сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] в случае выдворения...; однако он [Европейский Суд по правам человека] никогда не исключает вероятность того, что общая ситуация насилия в стране назначения является настолько напряженной, что создает реальную опасность того, что выдворение заявителя в эту страну обязательно повлечет нарушение статьи 3 Конвенции. Тем не менее, Суд принимает такой подход только в самых тяжелых случаях общего насилия, где существует реальная угроза жестокого обращения попросту в силу того, что по возвращении лицо станет объектом этого насилия (пункт 119 постановления от 15 октября 2015 г. по делу *Л. М. и другие против Российской Федерации*).

[Р]иск всеобщего насилия, плачевная гуманитарная ситуация и отсутствие возможности переехать внутри страны без угрозы жестокого обращения могут привести к выводу о нарушении статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], если только не будет доказано, что особые обстоятельства, такие как могущественный клан или семейные связи, могут

обеспечить защиту лица (пункт 120 постановления от 15 октября 2015 г. по делу *Л. М. и другие против Российской Федерации*).

При оценке интенсивности конфликта... Суд применил следующие критерии...: «Во-первых, применяют ли стороны конфликта методы и тактику ведения войны, повышающие риск жертв среди гражданского населения, либо направленные непосредственно против гражданского населения; во-вторых, получило ли использование таких методов и/или тактик широкое распространение среди сторон конфликта; в-третьих, носят ли боевые столкновения локальный или широкомасштабный характер; и, наконец, количество убитых, раненных и перемещенных в результате боевых действий гражданских лиц» (пункт 121 постановления от 15 октября 2015 г. по делу *Л. М. и другие против Российской Федерации*).

Суд отметил, что «хотя эти критерии¹³ не должны [были] рассматриваться, как исчерпывающий перечень, который должен применяться во всех последующих делах», они создают «достаточный показатель для оценки уровня насилия... в контексте этого конкретного дела»... [В деле «*Суфи и Элми против Соединенного Королевства*»]... Суд обратил внимание на «беспорядочные бомбардировки и военные наступления, осуществляемые всеми сторонами конфликта, неприемлемое количество жертв среди гражданского населения, существенное количество лиц, перемещенных внутри города и за его пределы, и непредсказуемый и широкомасштабный характер конфликта» (пункт 122 постановления от 15 октября 2015 г. по делу *Л. М. и другие против Российской Федерации*).

*[Т]огда как отсутствие обращения лица за предоставлением убежища немедленно после прибытия в другую страну имеет значение для оценки достоверности его утверждений, выводы внутригосударственных органов в отношении необращения за предоставлением статуса беженца в надлежащий срок, как таковые, не опровергали его утверждения в соответствии со статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... Во-вторых, Суд подчеркивает, что критерий, определенный для предоставления статуса беженца, не идентичен использованному для оценки риска обращения, противоречащего статье 3 Конвенции (пункт 43 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Эгамбердиев против Российской Федерации*).*

Что касается судебного разбирательства по вопросу об административном выдворении заявителя, Суд отмечает, что сфера рассмотрения внутригосударственными судами была ограничена установлением того факта, что присутствие заявителя в России являлось незаконным. В связи с этим Суд повторяет, что *с учетом абсолютного характера статьи 3 [Конвенции о*

¹³ См. (выше) пункт 121 постановления Европейского Суда по правам человека от 15 октября 2015 г. по делу *Л. М. и другие против Российской Федерации*.

защите прав человека и основных свобод], невозможно сравнивать риск жестокого обращения с основаниями для высылки (пункт 44 постановления от 26 июня 2014 г. по делу Эгамбердиев против Российской Федерации).

[С]уществование национального законодательства и ратификация международных соглашений, гарантирующих уважение основополагающих прав, сами по себе, не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения, когда... надежные источники сообщили о практиках, используемых органами власти и явно противоречащих принципам Конвенции (пункт 132 постановления от 28 мая 2014 г. по делу Акрам Каримов против Российской Федерации).

Что касается предоставленных властями Узбекистана гарантий, на которые ссылаются власти, кроме того, что они приведены в общих терминах и не подтверждены доказательствами существования механизма исполнения или мониторинга..., Суд усматривает, что они были предоставлены для целей судебных разбирательств по вопросу о выдаче, которые были полностью прекращены, и такие гарантии не имели прямого отношения к разбирательствам по вопросу о высылке (пункт 133 постановления от 28 мая 2014 г. по делу Акрам Каримов против Российской Федерации).

*Практика Европейского Суда по правам человека по делам
в отношении третьих государств*

[С]традание, вызванное болезнью, может относиться к сфере действия статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], если оно усугубляется обращением или рискует им усугубиться из-за условий содержания под стражей, высылки из страны или иных мер, за которые власти могут нести ответственность... Однако это не препятствует проверить жалобу заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в тех случаях, когда источник риска запрещенного обращения в принимающей стране проистекает от факторов, которые не могут прямо или косвенно ставить вопрос об ответственности публичных властей этой страны (пункт 175 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).¹⁴

[И]ностранцы, подлежащие высылке, в принципе не могут претендовать на какое-либо право оставаться на территории Договаривающегося Государства для того, чтобы продолжать пользоваться медицинской, социальной или иной формой помощи и услуг, предоставляемых возвращающим государством (пункт 176 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

¹⁴ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» /Под ред. Ю.Ю. Берестнева. Специальный выпуск № 1 / 2 0 1 7.

[В]ажно избежать нарушения справедливого баланса, присущего всей Конвенции, между требованиями всеобщего интереса общества и требованиями защиты основных прав человека (пункт 178 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

[П]рименение статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] только в тех случаях, когда человек, которому грозит высылка, может вскоре умереть, как было в его практике после вынесения [п]остановления по делу «*N. против Соединенного Королевства*», лишает иностранцев, которые серьезно больны, но состояние которых менее критично, пользы этого положения Конвенции (пункт 181 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

Европейский Суд считает, что «другие крайне исключительные случаи» по смыслу его [п]остановления по делу «*N. против Соединенного Королевства*»..., которые могут поднять вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], следует понимать как ситуации, связанные с выдворением тяжело больного человека, когда имеются существенные основания полагать, что этому лицу, хотя и не грозит неизбежная опасность скончаться, но из-за отсутствия соответствующего лечения в принимающей стране или отсутствия доступа к такому лечению может угрожать реальная опасность подвергнуться серьезному, быстрому и необратимому ухудшению состояния его здоровья, приводящему к интенсивному страданию или значительному сокращению ожидаемой продолжительности жизни. Европейский Суд отмечает, что эти ситуации соответствуют высокому порогу для применения статьи 3 Конвенции в случаях, касающихся выдворения тяжело больных иностранцев (пункт 183 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

[В] делах, касающихся высылки иностранцев, [Европейский Суд] не рассматривает сам жалобы о международной защите и не проверяет, как государства контролируют въезд, проживание и высылку из страны иностранцев. В силу статьи 1 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] *основная ответственность за осуществление и обеспечение соблюдения гарантированных прав и свобод лежит на органах власти государств, от него тем самым требуется изучить опасения заявителей и оценить с точки зрения статьи 3 Конвенции риски, с которыми они столкнутся в случае возвращения в принимающую страну.* Механизм подачи жалоб является субсидиарным по отношению к внутригосударственным

системам, обеспечивающим защиту прав человека.¹⁵ Этот субсидиарный характер сформулирован в статье 13 и пункте 1 статьи 35 Конвенции (пункт 184 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу *Папошвили (Paposhvili) против Бельгии*).

[В] подобных случаях обязанность властей в соответствии со статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] по защите неприкосновенности лиц в первую очередь осуществляется посредством соблюдения надлежащих процедур, позволяющих проводить такое изучение (пункт 185 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу *Папошвили (Paposhvili) против Бельгии*).

[В] контексте этих процедур именно заявители должны представлять доказательства, способные продемонстрировать, что есть существенные основания полагать, что, если обжалуемая мера должна быть исполнена, то они подвергнутся реальному риску обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] .... В этой связи следует отметить, что профилактической цели статьи 3 Конвенции присуща определенная степень предположений и речь не идет о том, чтобы требовать от соответствующих лиц предоставлять четкие доказательства их утверждений о том, что они подвергнутся запрещенному обращению (пункт 186 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу *Папошвили (Paposhvili) против Бельгии*).

*Если подобные доказательства представлены, то власти возвращающего государства должны в контексте внутренних процедур устранить любые сомнения, вызванные этими доказательствами.... Предполагаемый риск должен подвергаться тщательному анализу..., в ходе которого власти возвращающего государства должны учитывать предсказуемые последствия выдворения из страны соответствующего лица в принимающем государстве с учетом общей ситуации там и личных обстоятельств человека... Оценка риска, как определено выше..., должна включать рассмотрение информации из общих источников, таких как доклады Всемирной организации здравоохранения или авторитетных неправительственных организаций, медицинские справки соответствующего человека (пункт 187 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу *Папошвили (Paposhvili) против Бельгии*).*

---

¹⁵ «Субсидиарность (от лат. *subsidiarius* – вспомогательный) – организационный и правовой принцип, согласно которому задачи должны решаться на самом низком, малом или удаленном от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно. В контексте функционирования европейского правозащитного механизма субсидиарность означает, что Европейский Суд играет вспомогательную роль в том смысле, что в деле защиты прав человека основную роль должны играть соответствующие органы власти государств – участников Конвенции (примеч. редактора).» (см. Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» /Под ред. Ю.Ю. Берестнева. Специальный выпуск № 11/2017).

[В]оздействие выдворения из страны на соответствующее лицо должно оцениваться путем сравнения состояния его здоровья до выдворения и того, как оно будет развиваться после передачи его принимающему государству (пункт 188 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

[В]ластям возвращающего государства необходимо в каждом конкретном случае проверять, является ли уход, как правило, существующий в принимающем государстве достаточным и надлежащим на практике для лечения заболевания заявителя, чтобы предотвратить угрозу обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].... Таким критерием является не уровень обслуживания, существующий в возвращающем государстве, а необходимость установить, будет ли помощь в принимающем государстве эквивалентной или уступающей той, которая предоставляется системой здравоохранения в возвращающем государстве. Также невозможно вывести из статьи 3 Конвенции право получать конкретный вид лечения в принимающем государстве, который недоступен остальному его населению (пункт 189 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

Власти должны также учесть, в какой степени соответствующее лицо фактически имеет доступ к этой помощи и возможностям в принимающем государстве. В этой связи Европейский Суд отмечает, что... он ставил под сомнение доступность медицинской помощи... и указывал на необходимость учитывать стоимость лекарств и лечения, наличие социальной и семейной сети помощи и расстояния, которые приходится преодолевать для получения доступа к необходимой медицинской помощи (пункт 190 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

Если после того, как соответствующая информация была изучена, остаются серьезные сомнения относительно влияния на лицо выдворения из страны, ввиду общей ситуации в стране и (или) обстоятельств лица, возвращающее государство должно получить индивидуальные и достаточные гарантии от принимающего государства в качестве предварительного условия выдворения о том, что надлежащее лечение будет доступно заинтересованному лицу, чтобы оно не оказалось в ситуации, противоречащей требованиям, предусмотренным в статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 191 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу Папошвили (Paposhvili) против Бельгии).

Европейский Суд подчеркивает, что в случаях, касающихся выдворения тяжело больного человека, событие, которое ведет к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и влечет за собой ответственность возвращающего

государства по статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], заключается не в отсутствии медицинской инфраструктуры в принимающем государстве. Аналогичным образом данное обстоятельство не является вопросом какого-либо обязательства возвращающего государства по устранению различий между его системой здравоохранения и уровнем медицинского обслуживания, существующим в принимающем государстве, путем предоставления бесплатного и неограниченного медицинского обслуживания всем иностранцам, не имеющим права находиться в пределах его юрисдикции. *Ответственность, возникающая в соответствии с Конвенцией в подобных делах, состоит в ответственности возвращающего государства ввиду действия, в этом случае высылки, которое приведет к тому, что лицо будет подвергнуто риску обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции* (пункт 192 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу *Папошвили (Paposhvili) против Бельгии*).

[Ф]акт того, что третья соответствующая страна является Договаривающейся Стороной Конвенции, не имеет решающего значения. Хотя Европейский Суд согласен с властями государства-ответчика в том, что возможность заявителя возбудить производство по возвращении в... [принимающем государстве] является в принципе наиболее целесообразным средством правовой защиты в соответствии с конвенционной системой, он отмечает, что власти в возвращающем государстве не освобождаются в связи с этим от своей обязанности превенции согласно статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 193 постановления Большой Палаты от 13 декабря 2016 г. по делу *Папошвили (Paposhvili) против Бельгии*).

Практика Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания

Из запрета на пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание вытекают обязательства не высылать лицо в страну, в отношении которой есть существенные основания считать, что в отношении данного лица существует реальный риск подвергнуться там пыткам или иным формам жестокого обращения. Соответствующим образом, *незаконные мигранты должны иметь практический доступ к процедуре подачи ходатайства о предоставлении убежища (или к иной процедуре дающей право на проживание в стране), которая гарантировала бы как конфиденциальность, так и объективный и независимый анализ положения прав человека в других странах; следует проводить индивидуальную оценку риска плохого обращения в случае высылки в страну происхождения или в третью страну*. ЕКПП¹⁶ озабочен тем, что в некоторых странах срок подачи ходатайства о предоставлении убежища ограничен законом определенным количеством дней с даты прибытия в страну

¹⁶ Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

или помещения в место содержания под стражей; заявления, поданные после этого крайнего срока, не рассматриваются. Такой подход увеличивает вероятность того, что лица будут высланы в страну, где им угрожает реальный риск подвергнуться пыткам или иным формам плохого обращения (пункт 93 Десятого Общего доклада Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Опубликовано в 2009 году. CPT/Inf(2009)27-part).¹⁷

Практика Комитета по правам человека

Комитет считает необходимым учитывать обязанность государства-участника в соответствии с пунктом 1 статьи 2... [Международного пакта о гражданских и политических правах] обеспечивать всем лицам, находящимся на его территории и под его юрисдикцией, признанные в Пакте права, в том числе при осуществлении процесса высылки неграждан¹⁸. Комитет... напоминает о том, что *государства-участники обязаны не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории в тех случаях, когда неизбежным и предсказуемым последствием высылки будет являться реальная угроза причинения непоправимого вреда, предусмотренного в статье 7 Пакта, либо в стране, в которую осуществляется высылка, либо любой другой стране, в которую это лицо может быть выслано впоследствии*¹⁹. Комитет также отметил, что опасность должна существовать лично для человека²⁰ и что существует высокий порог для представления серьезных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда²¹. Таким образом, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение с правами человека в стране происхождения автора²² (пункт 9.2 Соображений Комитета по правам человека от 26 марта 2014 г. по делу *X. против Дании*).

¹⁷ Режим доступа: <https://rm.coe.int/16806cce88>

¹⁸ См. принятые Комитетом Замечания общего порядка № 6 и 20; см. также сообщение № 1544/2007, *Мехрес Бен Абде Хамида против Канады*, Соображения, принятые 18 марта 2010 года, пункт 8.2.

¹⁹ Замечание общего порядка № 31 о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта (2004 год), пункт 12; см., в частности, сообщение № 1544/2007, *Мехрес Бен Абде Хамида против Канады*, Соображения, принятые 18 марта 2010 года, пункт 8.7; сообщение № 692/1996, *A.P.X. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 года, пункт 6.14.

²⁰ Сообщение № 692/1996, *A.P.X. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 года, пункт 6.6.

²¹ Сообщение № 1883/2008, *X. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 года, пункт 5.18.

²² Там же.

Комитет ссылается на свои решения, согласно которым... следует придавать важный вес проведенной государством-участником оценке, [поскольку,] как правило[,] *именно суды государств – участников Пакта должны оценивать факты и доказательства по каждому конкретному делу, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна отказу в правосудии*²³ (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 26 марта 2014 г. по делу *X. против Дании*).

Тот факт, что авторы могут столкнуться с трудностями по возвращении, сам по себе не означает, что они окажутся существенно уязвимыми – в условиях, значительно отличающихся от условий многих других семей, – чтобы сделать вывод о том, что их возвращение в Болгарию представляло бы нарушение государством-участником своих обязательств по статье 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах]²⁴ (пункт 8.6 Соображений Комитета по правам человека от 13 июля 2017 г. по делу *Р.И.Х. и С.М.Д. против Дании*).

Практика Комитета против пыток

Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка № 1 (1997) о применении статьи 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания], в соответствии с которым *при оценке степени угрозы применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этой угрозы не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности*²⁵, Комитет отмечает, что бремя доказывания лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит «предвидимая, реальная и личная» опасность. Комитет... напоминает, что согласно положениям своего [З]амечания общего порядка № 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, хотя одновременно не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу (пункт 9.3 Решения Комитета против пыток от 2 мая 2014 г. по делу *С.Ц.Л. против Австралии*).

²³ См., в частности, там же и сообщение № 541/1993, *Эррол Симмс против Ямайки*, Решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 года, пункт 6.2.

²⁴ См., например, сообщение № 2569/2015, *Б.М.И. и Н.А.К. против Дании*, Соображения, принятые 26 октября 2016 года, пункт 8.6.

²⁵ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 44 (A/53/44 и Согг.1), Приложение IX, пункт 6.

В связи с утверждением заявителя по статье 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток по возвращении в страну его происхождения. При оценке такой опасности Комитет должен учитывать все соответствующие соображения в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека... Комитет напоминает, что целью такой оценки является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую оно подлежит возвращению. Следовательно, наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием для принятия решения о том, что после возвращения в эту страну тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток; должны быть приведены дополнительные основания, подтверждающие, что соответствующему лицу будет лично угрожать такая опасность. Напротив, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что какое-либо отдельное лицо не может быть подвергнуто пыткам в конкретных обстоятельствах его положения (пункт 8.2 Решения Комитета против пыток от 14 мая 2014 г. по делу *Никмеддин Альп против Дании*).

Практика Комитета по ликвидации расовой дискриминации

[Государства обязаны] обеспечить, чтобы неграждан не возвращали или не высылали в страну или на территорию, где для них существует риск подвергнуться серьезным нарушениям прав человека, включая пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание (пункт 27 Общей рекомендации XXX о дискриминации неграждан. Принята Комитетом по ликвидации расовой дискриминации на его 65-й сессии (2005 г.)).

Практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин

[П]ринцип недопустимости принудительного возвращения по сути означает, что государство не вправе возвращать лиц на территорию, где они могут подвергаться преследованиям, в том числе в связи с гендерными формами и основаниями для такого преследования... [П]ринцип недопустимости принудительного возвращения является важнейшим компонентом убежища и международной защиты беженцев. Комитет... напоминает о своих решениях, в соответствии с которыми статья 2 d) Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] включает обязательство государств-участников ограждать женщин от реального, личного и предсказуемого риска

подвергнуться серьезным формам гендерного насилия, независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства-участника²⁶.... [Н]асилие по признаку пола является формой дискриминации в отношении женщин и включает в себя действия, которые причиняют ущерб и страдания физического, психологического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы²⁷ (пункт 6.4 Решения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 17 февраля 2014 г. по делу *Н. против Нидерландов*).

*[С]огласно международным нормам в области прав человека принцип невыдворения налагает на государства обязанность воздерживаться от возвращения лиц в юрисдикцию, в которой они могут подвергнуться серьезным нарушениям прав человека, в частности произвольному лишению жизни или пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Принцип невыдворения также является неотъемлемым элементом процедуры предоставления убежища и системы международной защиты беженцев²⁸. Суть этого принципа заключается в том, что государство не может заставить человека вернуться на территорию, где он или она может подвергнуться преследованиям, в том числе по гендерным признакам и мотивам. Гендерные формы преследования представляют собой преследование, направленное против женщин как таковых или несоразмерно затрагивающее женщин (пункт 8.6 Решения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 2 марта 2015 г по делу *И.В. против Дании*).*

[В] соответствии с пунктом d) статьи 2 Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] государства-участники должны воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством. *Эта обязанность действовать позитивно предполагает обязательство государств-участников защищать женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия, независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства-участника: если государство-участник принимает решение в отношении лица под его юрисдикцией, неизбежным и предсказуемым последствием*

²⁶ См., например, сообщение № 33/2011, *М.Н.Н. против Дании*, Решение от 15 июля 2013 года, пункты 8.5–8.10; и сообщение № 35/2011, *М.Е.Н. против Дании*, Решение от 26 июля 2013 года, пункты 8.4–8.9.

²⁷ См. пункт 6 Общей рекомендации № 19.

²⁸ См. статью 33 (запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения (выдворения)) Конвенции 1951 года о статусе беженцев.

которого станет нарушение прав этого лица по Конвенции в другой юрисдикции, то государство-участник само может стать нарушителем Конвенции. Например, государство-участник само нарушит Конвенцию, если оно вышлет обратно то или иное лицо в другое государство в ситуации, когда можно было предвидеть, что это повлечет за собой серьезные акты гендерного насилия. Возможность предвидения последствий означала бы, что государство-участник допустило нарушение, даже несмотря на то что последствия наступят только через некоторое время. Степень серьезности гендерного насилия определяется обстоятельствами каждого конкретного дела и оценивается Комитетом в индивидуальном порядке исходя из существа дела при условии, что автор сообщения представил на рассмотрение Комитета достоверные доводы, достаточным образом обосновав свои утверждения²⁹ (пункт 8.7 Решения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 2 марта 2015 г по делу *И.В. против Дании*).

[В] соответствии с недавно принятой рекомендацией № 32 общего порядка по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин, статьи 1–3, пункт а) статьи 5 и статья 15 Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин] *устанавливают обязательство государств-участников обеспечивать, чтобы женщины не подвергались дискриминации на протяжении всего процесса рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища с момента прибытия на границу*. Женщины, ищущие убежище, вправе рассчитывать на соблюдение их прав в соответствии с Конвенцией; они имеют право на недискриминационное и уважительное отношение и уважение их достоинства на протяжении всей процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища... Комитет также напоминает о том, что гендерный подход должен применяться на всех этапах процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища и что ищущим убежище женщинам, в ходатайстве которых о предоставлении убежища отказано, необходимо обеспечить достойное и недискриминационное возвращение (пункт 8.9 Решения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 2 марта 2015 г по делу *И.В. против Дании*).

Практика Комитета по правам ребенка

Комитет [по правам ребенка] напоминает, что в его [3]амечании общего порядка № 6 говорится, что *государства не должны возвращать ребенка в ту или иную страну, если имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность того, что ему может быть причинен непоправимый вред*, например, но не исключительно, такой, какой оговорен в

²⁹См. сообщение № 33/2011, *М.Н.Н. против Дании*, Решение о неприемлемости, принятое 15 июля 2013 года (то есть после регистрации настоящего сообщения), пункт 8.10.

статьях 6 и 37 Конвенции [о правах ребенка]; и что такие обязательства по недопустимости принудительного возвращения применяются вне зависимости от того, совершаются ли серьезные нарушения прав, гарантированных в Конвенции, негосударственными субъектами и носят ли такие нарушения целенаправленный характер или же являются косвенным следствием тех или иных действий или бездействий. Оценку степени риска таких серьезных нарушений следует проводить с учетом факторов возраста и пола³⁰. В этом контексте Комитет рекомендует государствам в процессе оценки ходатайств о предоставлении статуса беженцев «учитывать эволюционирующий характер международного права прав человека и беженского права, а также конструктивную связь между ними, в том числе позиции, разработанные УВКБ в ходе осуществления своих наблюдательных функций по Конвенции о беженцах 1951 года. В частности, определение понятия «беженец», содержащееся в этой Конвенции, нужно толковать с учетом факторов возраста и пола, а также особых мотивов, форм и проявлений преследований, которым подвергаются дети. Преследования со стороны родственников, досрочный призыв на военную службу, торговля детьми для целей проституции и сексуальная эксплуатация или калечащие операции на женских половых органах – таковы некоторые примеры особых форм и проявлений преследований, которым подвергаются дети и которые могут служить причиной для предоставления статуса беженца, если такие акты имеют отношение к одному из оснований, указанных в Конвенции о беженцах 1951 года. Поэтому в контексте национальных процедур рассмотрения ходатайств о предоставлении статуса беженцев государства должны уделять самое пристальное внимание таким особым формам и проявлениям преследований, которым подвергаются дети, а также насилию по признаку пола³¹» (пункт 11.3 Соображений Комитета по правам ребенка от 25 января 2018 г. по делу *И.А.М. против Дании*).

В совместной [О]бщей рекомендации № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин/замечании общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка указанные комитеты отметили, что практика калечащих операций на женских половых органах может иметь различные непосредственные и/или долговременные последствия для здоровья³². Указанные комитеты рекомендовали государствам-участникам обеспечить в их законодательстве и политике, касающихся иммиграции и предоставления убежища, признание того, что основанием для предоставления убежища является риск подвергнуться вредной практике или преследованию в результате

³⁰ См. Замечание общего порядка № 6 Комитета, пункт 27, и Общую рекомендацию № 32 (2014) Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин, пункт 25.

³¹ См. Замечание общего порядка № 6 Комитета по правам ребенка, пункт 74.

³² См. совместную Общую рекомендацию № 31 (2014) Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин/Замечание общего порядка № 18 (2014) Комитета по правам ребенка по вредной практике, пункт 19.

ее применения. Государствам также было рекомендовано дифференцированно подходить к каждому конкретному случаю предоставления защиты родственнику, сопровождающему девочку или женщину³³ (пункт 11.4 Соображений Комитета по правам ребенка от 25 января 2018 г. по делу *И.А.М. против Дании*).

Государствам-участникам следует соблюдать обязательства по невыдворению, вытекающие из международного права прав человека, гуманитарного, беженского и обычного международного права³⁴. Комитеты подчеркивают, что принцип невыдворения толкуется международными органами по правам человека, региональными судами по правам человека и национальными судами в качестве имплицитной гарантии, вытекающей из обязательства уважать, защищать и выполнять права человека. *Этот принцип запрещает государствам высылать лиц со своей территории независимо от миграционного статуса, гражданства, убежища или иного положения этих лиц, если им будет угрожать опасность причинения непоправимого вреда в случае возвращения*, включая преследования, пытки, серьезные нарушения прав человека или иной непоправимый вред (пункт 45 Совместного замечания общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции. Размещено 16 ноября 2017 г. CMW/C/GC/3–CRC/C/GC/22).

Комитеты уже указывали³⁵, что *государства обязаны воздерживаться от того, чтобы отказывать ребенку во въезде через границу или возвращать его в ту или иную страну при наличии серьезных оснований полагать, что существует реальная опасность того, что либо в стране, в которую намечается переселение, либо в любой стране, в которую ребенок может быть впоследствии переселен, ему может быть причинен непоправимый вред, например, но отнюдь не исключительно, такой, какой оговорен в статьях 6 (пункт 1) и 37 Конвенции о правах ребенка*. Такие обязательства по недопустимости принудительного возвращения применяются вне зависимости от того, совершаются ли серьезные нарушения прав, гарантированных в Конвенции, негосударственными субъектами и носят ли такие нарушения целенаправленный характер или же являются косвенным следствием тех или

³³ Там же, пункт 55.

³⁴ Статья 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года, статья 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и статья 16 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений.

³⁵ См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка № 6 (2005), пункт 27, и Комитет по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, замечание общего порядка № 2 (2013) о правах трудящихся-мигрантов, не имеющих постоянного статуса, и членов их семей, пункт 50.

иных действий или бездействия государств-участников (пункт 46 Совместного замечания общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции. Размещено 16 ноября 2017 г. CMW/C/GC/3–CRC/C/GC/22).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Специальный докладчик с обеспокоенностью отмечает рост числа сообщений об отказе государств, в том числе государств – участников Конвенции о статусе беженцев, предоставить защиту просителям убежища, опасаящимся возвращения в страну своего происхождения из-за страха преследований по причине их религии или убеждений. Это включает в себя практику принудительного возвращения беженцев, опасаящихся преследований по признаку расы, религии, национальности или принадлежности к определенной социальной группе или на основании политических убеждений. *Как отмечали различные международные механизмы, включая Комитет по правам человека, Комитет против пыток и Европейский [С]уд по правам человека, международным правом предусмотрен строгий запрет на принудительное возвращение: статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 3 Конвенции против пыток и статья 3 Европейской конвенции о правах человека не допускают исключений.* Вышеупомянутые договорные органы, а также Европейский [С]уд по правам человека подтвердили, что принцип недопустимости принудительного возвращения носит характер *jus cogens* в случае, если просителю убежища грозит серьезная опасность пыток и соответствующего жестокого обращения (пункт 53 Доклада Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений. Размещен 17 января 2017 г. A/HRC/34/50).

Специальный докладчик... настаива[ет] на том, чтобы государства-участники в полном объеме применяли статью 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания], согласно которой ни одно государство-участник не должно высылать, возвращать («*refouler*») или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток, и чтобы при определении наличия таких оснований уполномоченные органы принимали во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих

достоинство видах обращения и наказания. Размещен 14 февраля 2017 г. A/HRC/34/54).

Специальный докладчик полностью поддерживает давнюю практику и правовую доктрину и отмечает, что *абсолютный запрет принудительного возвращения, содержащийся в Конвенции... [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания], является более сильным, чем тот, который нашел отражение в беженском праве и закреплен в статье 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года.* Этот абсолютный запрет означает, что люди не могут быть принудительно возвращены даже в тех случаях, когда в соответствии с Конвенцией 1951 года или национальным законодательством они не могут претендовать на статус беженцев. Таким образом, предусмотренный в Конвенции запрет принудительного возвращения не должен увязываться с решением вопроса о предоставлении статуса беженца или просителя убежища, с тем чтобы гарантировать уважение основного права на свободу от пыток или других видов жестокого обращения даже в тех случаях, когда беженское право ограничивает действие принципа, запрещающего принудительное возвращение³⁶11 (пункт 38 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 14 февраля 2017 г. A/HRC/34/54).

Вопросы вмешательства в право лица на уважение частной (личной) и семейной жизни при назначении лицу административного наказания в виде административного выдворения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Хотя важнейшей целью статьи 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] является защита лица от незаконного вмешательства со стороны государственных органов власти, при этом могут быть и положительные³⁷ обязательства, неотделимые от эффективного «уважения» семейной жизни. В обоих контекстах следует соблюдать справедливое равновесие между конкурирующими интересами лица и общества в целом; и в обоих контекстах государство пользуется определенными пределами усмотрения (пункт 69 постановления от 9 апреля 2015 г. по делу *Мурадели против Российской Федерации*).

[В]мешательство в право лица на уважение личной и семейной жизни будет являться нарушением [с]татья 8 Конвенции [о защите прав человека и

³⁶ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20, пункт 9. См. также пункт 7 резолюции 70/146 Генеральной Ассамблеи и резолюцию 16/23 Совета по правам человека.

³⁷ Позитивные.

основных свобод], если только оно не «предусмотрено законом», преследовало законную цель или цели, указанные в пункте 2 [с]татья 8 Конвенции, и было «необходимо в демократическом обществе» в том смысле, что было пропорционально поставленным целям (пункт 52 постановления от 6 декабря 2007 г. по делу *Лю и Лю против Российской Федерации*).

Задача Суда при осуществлении своей надзорной функции заключается не в том, чтобы выполнять функции национальных органов власти, а в том, чтобы проверять решения, в свете всего дела, которые они приняли в пределах своей свободы усмотрения. При этом Суду необходимо убедиться, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, закрепленными в его прецедентной практике и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке фактов, относящихся к делу. В самом деле, установлена прецедентная практика в соответствии с пунктом 2 статьи 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], что вмешательство должно являться «необходимым в демократическом обществе» и в связи с этим поднимается процессуальный вопрос, а также вопрос по существу. Процессуальные гарантии доступные частному лицу будут эффективнее при определении государством-ответчиком, в рамках правового регулирования, пределов предоставленной ему свободы усмотрения. В частности, Суд должен рассмотреть, являлся ли процесс принятия решения, повлекшего вмешательство государства-ответчика, справедливым и обеспечивающим надлежащее соблюдение интересов частного лица, защищенных статьей 8 (пункт 48 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Габлишвили против Российской Федерации*).

Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] не гарантирует как таковое право иностранца въезжать в страну или проживать в ней. Согласно установившемуся международно-правовому законодательству и своим договорным обязательствам государство имеет право контролировать въезд иностранных граждан на свою территорию... *Если речь идет об иммиграции, нельзя считать, что [с]татья 8 Конвенции накладывает на государство общее обязательство уважать решение женатых пар на выбор места совместного проживания и санкционировать воссоединение членов семьи на своей территории...* Однако выдворение лица из страны, в которой проживают близкие члены его семьи, может составлять вмешательство в право на уважение семейной жизни, гарантированное пунктом 1 [с]татья 8 Конвенции (пункт 49 постановления от 6 декабря 2007 г. по делу *Лю и Лю против Российской Федерации*).

Статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не может толковаться как гарантирующая, как таковая, право на определенную категорию вида на жительство. Если внутригосударственное законодательство закрепляет несколько категорий видов на жительство, Европейский Суд должен проанализировать правовые и практические

последствия выдачи определенного вида на жительство. Если вид на жительство позволяет его владельцу проживать на территории выдавшей разрешение страны и свободно осуществлять право на уважение личной и семейной жизни, предоставление такого вида на жительство является в принципе достаточной мерой для того, чтобы отвечать требованиям указанного положения. В таких случаях Европейский Суд не уполномочен решать, должен ли лицу быть предоставлен тот или иной правовой статус, поскольку этот выбор отнесен исключительно на усмотрение властей государства (пункт 49 постановления от 6 декабря 2007 г. по делу *Лю и Лю против Российской Федерации*).

Что касается миграции, статья 8 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] не может рассматриваться в качестве налагающей на государство общее обязательство по уважению выбора места проживания семейной парой или по разрешению воссоединения семьи на его территории. Тем не менее, в случае, когда дело касается семейной жизни, а также иммиграции, рамки обязательств государства по допуску на свою территорию родственников лиц, проживающих на его территории, изменяются в соответствии с особыми обстоятельствами соответствующих лиц и общественной заинтересованности. Факторами, которые принимаются во внимание в данном контексте, являются пределы, в которых семейная жизнь фактически разрывается, рамки связей в государстве-участнике Конвенции, наличие непреодолимых препятствий в отношении пребывания семьи в родной стране соответствующего иностранного гражданина, и вопрос о том, имеются ли факторы иммиграционного контроля (например, история нарушений иммиграционного законодательства) или случаи несоблюдения общественного порядка, которые перевешивают в сторону принятия решения о запрете на въезд (пункт 70 постановления от 9 апреля 2015 г. по делу *Мурадели против Российской Федерации*).

Относимый критерий для оценки Европейским Судом *необходимости* высылки в демократическом обществе был... сформулирован следующим образом ...:

«57. Даже если статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не предусматривает абсолютного права любой категории иностранцев не быть высланными, прецедентная практика Европейского Суда прямо указывает на существование обстоятельств, при которых высылка иностранца составляла бы нарушение этого положения... Европейский Суд выработал ряд относимых критериев...:

- характер и тяжесть правонарушения, совершенного заявителем;
- длительность пребывания заявителя в стране, из которой он высылается;
- срок, истекший после совершения нарушения, и поведение заявителя в течение этого срока;
- гражданство различных заинтересованных лиц;

- семейная ситуация заявителя, в частности, длительность брака и другие факторы, свидетельствующие о реальности семейной жизни данной пары;

- знал ли супруг о нарушении в момент вступления в семейные отношения;

- имеются ли дети от брака, и если да, их возраст; и

- серьезность сложностей, с которыми столкнется супруг в стране, в которую высылается заявитель.

58. Европейский Суд хотел бы особо выделить два критерия, которые всегда могут подразумеваться...:

- интересы и благополучие детей, в частности серьезность сложностей, с которыми дети заявителя могут столкнуться в стране, в которую высылается заявитель; и

- прочность социальных, культурных и семейных связей со страной пребывания и страной назначения» (пункт 41 постановления от 11 февраля 2010 г. по делу *Закаев и Сафанова против Российской Федерации*).

Хотя указанные выше критерии³⁸ должны способствовать применению национальными судами статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в делах о выдворении, *значение, придаваемое тому или иному критерию, будет различным в зависимости от особых обстоятельств каждого дела* (пункт 80 постановления от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).

[Д]олжны быть учтены такие факторы, как уровень нарушения семейной жизни, уровень связей в государстве-участнике, существуют ли непреодолимые препятствия для проживания семьи в родной стране для одного или более из них и существуют ли там факторы иммиграционного контроля (например, случаи нарушения иммиграционного законодательства) или соображения общественного порядка, свидетельствующие в пользу исключения... Другим важным фактором может стать вопрос, началась ли семейная жизнь после того, как конкретные лица были предупреждены о том, что иммиграционный статус одного из них делал сохранение семейной жизни в принимающей стране изначально рискованным (пункт 82 постановления от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).

[В]ыдворение члена семьи является самой крайней формой вмешательства в право на уважение семейной жизни. Любое лицо, которому угрожает риск вмешательства такой степени, должно иметь в принципе право на определение соразмерности и обоснованности такой меры независимым судом с учетом соответствующих принципов статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. Гарантии, предусмотренные Конвенцией, требуют, чтобы соответствующее вмешательство являлось не только законным,

---

³⁸ См. (выше) пункт 41 постановления от 11 февраля 2010 г. по делу *Закаев и Сафанова против Российской Федерации*.

но также соразмерным преследуемой законной цели, с учетом особых обстоятельств дела, и чтобы положения внутригосударственного законодательства не толковались и не применялись способом, несовместимым с обязательствами государства в соответствии с Конвенцией (пункт 52 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Габлишвили против Российской Федерации*).

*[Н]аложение запрета на проживание на неопределенный срок является чрезмерно строгой мерой, которую Суд счел несоразмерной преследуемой законной цели в множестве ранее рассмотренных дел (пункт 59 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Габлишвили против Российской Федерации*).*

По мнению Европейского [С]уда, *право должностных лиц применять меру в виде выдворения может создавать важное средство предотвращения серьезных и неоднократных нарушений иммиграционных правил. Схема применения национального иммиграционного законодательства, которая... основана на административных санкциях в виде выдворения, не нарушает статью 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]. В любом случае Европейский [С]уд не должен абстрактно рассматривать соответствие иммиграционных процедур Конвенции, но должен убедиться конкретно, какое влияние оказало применение таких процедур на права заявителя, предусмотренные статьей 8 Конвенции (пункт 93 постановления от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).*

*[Р]ебенок, рожденный от брачных отношений, в силу самого закона является частью этой «семьи» с момента его рождения и в связи с ним... Таким образом, между ребенком и его родителями существует связь, составляющая семейную жизнь. Наличие или отсутствие «семейной жизни» - по существу вопрос факта, зависящий от реального существования на практике близких личных связей, например, проявляемый интерес и признание отцом ребенка до и после рождения (пункт 70 постановления от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).*

*[В]опрос о том, имел ли заявитель личную и/или семейную жизнь в значении пункта 1 статьи 8 Конвенции, должен быть рассмотрен с учетом его положения в то время, когда оспариваемая мера была к нему применена (пункт 74 постановления от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).*

Европейский Суд указывал в делах, касавшихся высылки оседлых мигрантов, что, поскольку статья 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] защищает право на установление и развитие отношений с иными людьми и окружающим миром и иногда может охватывать вопросы социальной идентичности лица, следует признать, что *совокупность социальных связей*

*между оседлыми мигрантами и обществом, в котором они проживают, частично составляет понятие «личной жизни» в значении статьи 8 Конвенции... Несмотря на наличие или отсутствие «семейной жизни», высылка оседлого мигранта, таким образом, составляет вмешательство в его право на уважение «личной жизни». В то же время от обстоятельств конкретного дела зависит, на каком аспекте Европейскому Суду будет необходимо сосредоточить свое внимание: «семейной жизни» или «личной жизни» (пункт 194 постановления от 5 июня 2012 г. по делу *Шакуров против Российской Федерации*).*

*Что касается понятия «семейной жизни», Европейский [С]уд напоминает, что согласно его прецедентной практике понятие семьи в значении статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] включает в себя не только зарегистрированные супружеские отношения, но и другие «семейные» связи, которые предусматривают, что их участники живут совместно вне законного брака (пункт 69 постановления от 27 сентября 2011 г. по делу *Алим против Российской Федерации*).*

*[Х]отя в статье 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не содержится прямых процессуальных требований, процесс принятия решений, ведущий к вмешательству, должен быть справедливым и должен обеспечивать надлежащее соблюдение интересов частного лица, охраняемых статьей 8 Конвенции (пункт 34 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Каменов против Российской Федерации*).*

*[В] тех случаях, когда речь идет о детях, необходимо учитывать их законные интересы, а национальные органы, принимающие решения, должны, в принципе, принимать во внимание и оценивать доказательства на предмет практической целесообразности, осуществимости и соразмерности любой высылки родителя, не являющегося гражданином страны, с целью обеспечения эффективной защиты и важного значения законных интересов детей, непосредственно затрагиваемых данным обстоятельством (пункт 39 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Каменов против Российской Федерации*).*

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

В практике Суда по применению норм Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в отношении мер по выдворению и экстрадиции основное значение постоянно уделялось понятию «семейной жизни», которое толковалась, как распространяющееся на фактическую «семейную жизнь», которую ведут на территории государства-участника Конвенции закономерно проживающие там иностранцы, причем понятие семьи в «семейной жизни»

обычно ограничивается *core family*³⁹.... Однако Суд также постановил, что Конвенция не предусматривает права, как такового, начать и вести семейную жизнь в конкретной стране (пункт 94 постановления Большой Палаты от 9 октября 2003 г. по делу *Сливенко против Латвии*).⁴⁰

*Суд отмечает, что предметом его рассмотрения всегда должны быть оспариваемые решения национальных властей и юридические основания, по которым они принимались. Он не может учитывать какие-то альтернативные юридические основания, представленные правительством-ответчиком с целью обосновать соответствующие действия, если эти основания не отражены в решениях компетентных национальных властей или не являются их неотъемлемой частью (пункт 103 постановления Большой Палаты от 9 октября 2003 г. по делу *Сливенко против Латвии*).*

*[Международный] договор⁴¹ не может служить достаточным основанием для того, чтобы лишить Суд его полномочия рассмотреть вопрос о том, имело ли место вмешательство в осуществление прав и свобод заявителя в свете положений Конвенции, и если да, то было ли такое вмешательство обоснованным (пункт 120 постановления Большой Палаты от 9 октября 2003 г. по делу *Сливенко против Латвии*).*

*Суд далее отмечает, что в своей практике постоянно относил выдворение проживших в стране длительное время жителей к вопросам «личной жизни», а также «семейной жизни», придавая в этом контексте определенное значение степени социальной интеграции соответствующих лиц (пункт 95 постановления Большой Палаты от 9 октября 2003 г. по делу *Сливенко против Латвии*).*

Мера, которая является вмешательством в осуществление прав, гарантированных пунктом 1 статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], может рассматриваться как «необходимая в демократическом обществе», если она была предпринята в ответ на насущные социальные потребности и если использованные средства соразмерны преследуемым целям. Национальные власти пользуются определенной свободой усмотрения в этом вопросе. Задача Суда заключается в том, чтобы установить, обеспечивали ли оспариваемые меры справедливый баланс между затрагиваемыми интересами, а именно защищенными Конвенцией правами физических лиц, с одной стороны, и интересами

---

³⁹ Англ. «малая, нуклеарная семья, т.е. родители и дети» – прим.перев.

⁴⁰ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94137>

⁴¹ В рассматриваемом случае речь шла о Договоре между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода от 30 апреля 1994 г.

общества, с другой (пункт 113 постановления Большой Палаты от 9 октября 2003 г. по делу *Сливенко против Латвии*).

Практика Комитета по правам человека

[В] тех случаях, когда одна часть семьи должна покинуть территорию государства-участника, в то время как другая часть будет иметь право оставаться на этой территории, соответствующие критерии для оценки того, может ли быть объективно оправданным конкретное вмешательство в семейную жизнь, должны рассматриваться, с одной стороны, в свете значимости выдвигаемых государством-участником причин для высылки соответствующего лица и, с другой стороны, той серьезности положения, в котором в результате этой высылки окажется семья и ее члены⁴² (пункт 7.6 Соображений Комитета по правам человека от 15 июля 2016 г. по делу *Д.Т. против Канады*).

Комитет напоминает о принципе, согласно которому *во всех решениях, затрагивающих ребенка, наиболее важным соображением является обеспечение его наилучших интересов* (пункт 7.10 Соображений Комитета по правам человека от 15 июля 2016 г. по делу *Д.Т. против Канады*).⁴³

---

⁴² См. *Мадаффри против Австралии*, пункт 9.8.

⁴³ Комитет считает, что в рассматриваемом случае государство-участник не учло в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка автора и что вследствие этого его вмешательство в семейную жизнь автора и последующая недостаточная защита, предоставленная ее семье, вызвали чрезмерные трудности для автора и ее сына. Вынесение постановления о высылке автора поставило автора перед выбором: оставить своего семилетнего ребенка в Канаде или поставить его под угрозу отсутствия медицинской и образовательной поддержки, от которых он зависит. Комитету не было представлено никакой информации, указывающей на то, что ребенок может воспользоваться какой-либо альтернативной сетью поддержки взрослых в Канаде. В связи с этим вполне разумно было предположить, что автор заберет своего сына с собой обратно в Нигерию, в результате чего он будет лишен требуемой социально-образовательной поддержки. С учетом возраста и особых потребностей сына автора оба варианта, с которыми столкнулась семья – сын, который остается один в Канаде, или возвращение автора в Нигерию, – не могут рассматриваться в качестве отвечающих его наилучшим интересам. Тем не менее государство-участник надлежащим образом не объяснило, ни почему его законная цель обеспечить соблюдение своей иммиграционной политики, в том числе требование к автору направить ходатайство на получение постоянного вида на жительство за пределами Канады, должна быть важнее наилучших интересов ребенка автора, ни то, каким образом такая цель могла бы оправдать те трудности, с которыми столкнулась семья в результате решения о высылке автора. С учетом всех обстоятельств данного дела Комитет считает, что решение о высылке автора представляет собой несоразмерное вмешательство в семейную жизнь автора и ее сына, которое не может быть оправдано в свете приведенных государством-участником причин для высылки автора в Нигерию (пункт 7.10 Соображений Комитета по правам человека от 15 июля 2016 г. по делу *Д.Т. против Канады*).

Комитет пришел к выводу о том, что высылка автора привела к произвольному вмешательству в право на семейную жизнь в нарушение пункта 1 статьи 17,

В том что касается утверждения по статье 24 [Международного пакта о гражданских и политических правах], Комитет считает, что *принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты*, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта⁴⁴ (пункт 7.12 Соображений Комитета по правам человека от 15 июля 2016 г. по делу *Д.Т. против Канады*).⁴⁵

Комитет напоминает свое [З]амечание общего порядка № 16, согласно которому *понятие семьи должно истолковываться широко*⁴⁶. Оно охватывает не только семейный дом состоящих в браке или совместно проживающих лиц, но и в целом отношения между родителями и детьми⁴⁷. Комитет не может исключать, что автор и его сын имели семейные отношения помимо биологической связи между ними, поскольку по постановлениям Федерального суда магистратов автору было разрешено поддерживать с ним контакты, но они не были реализованы по ряду причин, в том числе из-за натянутых отношений автора с его бывшей партнершей и его содержания в иммиграционном изоляторе (пункт 11.8 Соображений Комитета по правам человека от 26 марта 2015 г. по делу *М. Дж. К. против Австралии*).

[В] статье 23 Международного пакта о гражданских и политических правах семья признается естественной и основной ячейкой общества⁴⁸, а статья 17 предусматривает право каждого человека на защиту от произвольного или незаконного посягательства на неприкосновенность этого права⁴⁹. Комитет напоминает... о своей правовой практике, в соответствии с которой *могут быть случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи оставаться на его территории будет представлять собой вмешательство в семейную жизнь этого лица в нарушение статей 17 и 23*⁵⁰.

рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 23 Пакта, в отношении автора и ее сына.

⁴⁴ См. *Бахтияри против Австралии*, пункт 9.7.

⁴⁵ В свете своих выводов по статье 17 и пункту 1 статьи 23 Пакта Комитет считает, что вынесенное в отношении автора решение о высылке автора нарушило статью 24, поскольку при этом для *А.А.* не было обеспечено необходимых мер, на которые он имеет право в качестве ребенка со стороны государства-участника.

⁴⁶ См. Замечание общего порядка № 16, пункт 5. См. также сообщение № 1959/2010, *Варсаме против Канады*, Соображения от 21 июля 2011 года, пункт 8.7.

⁴⁷ См. сообщение № 417/1990, *Балагер Сантакана против Испании*, пункт 10.2.

⁴⁸ Замечание общего порядка № 19, пункт 1.

⁴⁹ Замечание общего порядка № 16, пункт 1.

⁵⁰ См. сообщения № 1959/2010, *Уорсейм против Канады*, Соображения, принятые 21 июля 2011 года, пункт 8.7; № 930/2000, *Вината против Австралии*, Соображения, принятые 26 июля 2001 года, пункт 7.1; № 1011/2001, *Мадафферри против Австралии*, Соображения,

Комитет отмечает..., что *сам факт проживания членов семьи на территории какого-либо государства-участника отнюдь не гарантирует автору право вновь въехать на территорию этого государства*. Согласно правилам, касающимся иммиграции, государство-участник может, преследуя законную цель, отказать в праве въезда. Однако это дискреционное право не является безграничным и не может произвольно применяться. Комитет напоминает, что, для того чтобы любое вмешательство в семейную жизнь можно было считать допустимым в соответствии со статьей 17, такое вмешательство должно отвечать одновременно ряду условий, указанных в пункте 1, т.е. оно должно быть предусмотрено законом, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и быть разумным в конкретных обстоятельствах данного дела⁵¹ (пункт 7.2 Соображений Комитета по правам человека от 23 июля 2014 г. по делу *Тимур Ильясов против Казахстана*).

Комитет считает, что, если решение государства-участника подразумевает обязательный выезд из страны отца семейства, в составе которого имеется несовершеннолетний ребенок, а также вынуждает семью выбирать, следует ли ей сопровождать отца или оставаться в государстве-участнике, то оно должно рассматриваться в качестве «вмешательства» в дела семьи, по меньшей мере в обстоятельствах, когда, как в данной ситуации, в любом случае будут иметь место существенные изменения в давно установившейся семейной жизни⁵²... С учетом этих обстоятельств Комитет считает, что приведшее к данной ситуации решение государства-участника отказать автору в выдаче визы является вмешательством по смыслу статьи 17... [Международного пакта о гражданских и политических правах] (пункт 10.3 Соображений Комитета по правам человека от 26 марта 2015 г. по делу *Мансур Лигаэй и другие против Австралии*).

[П]онятие «произвольности» включает в себя элементы неуместности, несправедливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры⁵³. Комитет считает, что нарушение давно установившейся семейной жизни накладывает на государство-участника дополнительное бремя с точки зрения процедуры, ведущей к такому нарушению (пункт 10.4 Соображений Комитета по правам человека от 26 марта 2015 г. по делу *Мансур Лигаэй и другие против Австралии*).

приняты 26 июля 2004 года, пункт 9.7; № 1222/2003, *Биахуранга против Дании*, Соображения, принятые 1 ноября 2004 года, пункт 11.5; и № 1792/2008, *Дофен против Канады*, Соображения, принятые 28 июля 2009 года, пункт 8.1.

⁵¹ См. Замечание общего порядка № 16, пункты 3.4; сообщения № 930/2000, *Вината против Австралии*, Соображения, принятые 26 июля 2001 года, пункт 7.1; и № 1246/2004, *Гонсалес против Гайаны*, Соображения от 25 марта 2010 года, пункт 14.3.

⁵² См. дело *Мадафферри против Австралии*, пункт 9.8.

⁵³ См., среди прочего, сообщение № 2009/2010, *Ильясов против Казахстана*, пункт 7.4 Соображений, принятых 23 июля 2014 года.

Практика Комитета по ликвидации расовой дискриминации

[Государства обязаны] избегать высылки неграждан, особенно тех, кто проживает в стране длительное время, которая может привести к несоразмерному вмешательству в их право на семейную жизнь (пункт 28 Общей рекомендации XXX о дискриминации неграждан. Принята Комитетом по ликвидации расовой дискриминации на его 65-й сессии (2005 г.)).

Практика Комитета по правам ребенка

Когда отношения между ребенком и его родителями прерываются по причине миграции (родителей без ребенка или ребенка без родителей), при оценке наилучших интересов ребенка в связи с принятием решения о воссоединении семьи необходимо учитывать соображения сохранения семейной ячейки (пункт 66 Замечания общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3). Принято Комитетом по правам ребенка на его шестьдесят второй сессии (14 января – 1 февраля 2013 года). CRC/C/GC/14).

Вопросы вмешательства в право лица на уважение жилища при назначении административного наказания в виде административного выдворения

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

[В] деле *Ясин против Дании*⁵⁴ Комитет [по правам человека] рассматривал последствия бездомности в связи с депортацией матери-одиночки в Италию. Осман Ясин, живя в Сомали, убежала от своего склонного к агрессии мужа и была спасена итальянской береговой охраной при попытке пересечь Средиземное море. В Италии она безуспешно пыталась найти жилище, жила со своей годовалой дочерью на улице, спала на железнодорожных вокзалах и рынках. Г-жа Ясин с дочерью покинула Италию и отправилась в Нидерланды, однако была возвращена в Италию, где она, будучи беременной, снова жила на улице со своей двухлетней дочерью и ночевала на вокзалах. Ей было отказано в медицинской помощи при рождении второго ребенка ввиду отсутствия у нее адреса. Когда она не смогла заплатить за продление своего вида на жительство в Италии, она поехала в Данию. Комитет пришел к выводу, что возвращение ее и детей в Италию было бы жестоким и бесчеловечным актом, поскольку, по всей вероятности, они снова станут бездомными (пункт 36 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. A/71/310).

⁵⁴ CCPR/C/114/D/2360/2014

Признание Комитетом [по правам человека]... того факта, что депортация в условиях бездомности может быть проявлением жестокости и бесчеловечного обращения или наказанием и что в этом контексте жертвы бездомности имеют право на защиту своих прав, крайне важно. Не менее важно, однако, и обеспечить доступ к судебному разбирательству и защите прав для тех, кто испытывает такие же тяготы бездомности, обусловленные бездействием или пренебрежением, в своих собственных государствах. В делах А.Х.Г. и Ясин Комитет рассматривал последствия широко распространенных и систематических нарушений права на жизнь в безопасности и с достоинством. Однако это рассмотрение оставалось в рамках концепции негативных прав относительно запрещенных «бесчеловечного обращения» или «наказания». Эти рамки не дают возможности услышать реальные требования относительно жизни в условиях достоинства, безопасности и без социальной изоляции, поступающие от инвалидов или женщин, спасающихся от насилия, тех, кто не считает реализацией своих прав человека лишь свободу от бесчеловечного обращения и наказания, но ставит вопрос более радикально: свободу иметь место для достойной жизни в условиях безопасности (пункт 37 Доклада Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень, а также о праве на недискриминацию в этом контексте. Размещен 8 августа 2016 г. А/71/310).

Обеспечение национальной безопасности при назначении административного наказания в виде административного выдворения

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

Европейский [С]уд согласен с тем, что *каждое государство как защитник безопасности граждан может осуществлять собственную оценку фактов, известных им.* Таким образом, важное значение должно придаваться решениям национальных органов и особенно национальных судов, которые находятся в лучшем положении для оценки данных о наличии угроз национальной безопасности (пункт 85 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Лю против Российской Федерации* (№ 2).

[Д]о того, как согласиться с решением национальных судов о том, что заявитель представляет угрозу национальной безопасности, Европейский [С]уд должен рассмотреть, обеспечивало ли национальное разбирательство достаточные процессуальные гарантии... *[Д]аже если речь идет о государственной безопасности, понятия законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы меры, влияющие на фундаментальные права человека, принимались бы в рамках некой состязательной процедуры в независимом органе государственной власти,*

компетентном оценивать причины принятия решения и соответствующие доказательства, при необходимости с соответствующими процессуальными ограничениями при использовании секретной информации. Частное лицо должно иметь возможность обжаловать утверждение представителя исполнительной власти о том, что речь идет о государственной безопасности. В отсутствие таких гарантий полиция или иные органы государственной власти будут иметь возможность произвольно посягать на права, защищаемые Конвенцией (пункт 87 постановления от 26 июля 2011 г. по делу Лю против Российской Федерации (№ 2).

[П]онятие «национальной безопасности» не обязательно должно быть точно определено. Оно может быть действительно достаточно широким понятием с широкими пределами усмотрения органов исполнительной власти в определении того, что отвечает интересам национальной безопасности. Однако это не означает, что данное понятие может выходить за рамки его первоначального значения... Хотя оценка органами исполнительной власти того, что может представлять угрозу национальной безопасности, естественно, имеет особое значение, рассмотрение решений органов исполнительной власти судами должно предполагать возможность реагирования в делах, где применение этого понятия не имеет достаточной основы в фактах или толкование понятия «национальная безопасность» является незаконным или противоречащим общему смыслу или произвольным (пункт 88 постановления от 26 июля 2011 г. по делу Лю против Российской Федерации (№ 2).

Национальный орган должен быть уполномочен отклонить утверждения органа исполнительной власти о существовании угрозы национальной безопасности, если он находит его произвольным или неразумным. Должна существовать определенная форма состязательного разбирательства, при необходимости с участием специального представителя, имеющего допуск к вопросам безопасности. Кроме того, должен быть рассмотрен вопрос о том, нарушит ли применяемая мера право лица на уважение семейной жизни и если да, установлено ли справедливое равновесие между публичным и частным интересами (пункт 99 постановления от 26 июля 2011 г. по делу Лю против Российской Федерации (№ 2).

Законы предоставляют властям широкую свободу усмотрения относительно того, какие деяния представляют угрозу государственной безопасности. Однако закон, наделяющий свободой усмотрения, сам по себе не нарушает требование «предвидимости»... Это требование не заходит настолько далеко, чтобы обязать государство принимать нормативные акты, в которых бы подробно перечислялись все деяния, которые могут обусловить принятие решения о депортации лица по причине соблюдения государственной безопасности. Угрозы государственной безопасности неизбежно могут различаться по природе, могут быть непредвиденными, или их может быть

сложно заранее определить (пункт 57 постановления от 6 декабря 2007 г. по делу *Лю и Лю против Российской Федерации*).

Хотя мнение представителя исполнительной власти о том, что представляет собой угрозу государственной безопасности, будет, естественно, иметь большой вес, *независимый орган государственной власти должен иметь возможность отреагировать в случаях, когда ссылка на концепцию государственной безопасности необоснованна или свидетельствует о толковании «государственной безопасности» способом, который является незаконным или противоречащим здравому смыслу и произвольным*. Без таких гарантий органы внутренних дел или иные органы государственной власти будут иметь возможность произвольно посягать на права, защищаемые Конвенцией (пункт 59 постановления от 6 декабря 2007 г. по делу *Лю и Лю против Российской Федерации*).

[В] иммиграционных делах при наличии доказуемой жалобы о том, что выдворение может нарушить право иностранца на уважение семейной жизни, статья 13 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции требует, чтобы государства-ответчики предоставляли соответствующим лицам эффективную возможность оспаривать высылку или отказ в разрешении на пребывание и обеспечивали рассмотрение данных вопросов с соблюдением процессуальных гарантий и тщательностью соответствующим национальным органом, предоставляющим надлежащие гарантии независимости и беспристрастности. *Несмотря на то, что было выдвинуто предположение об угрозе национальной безопасности, гарантии эффективного средства правовой защиты требуют как минимум, чтобы компетентная апелляционная инстанция была уведомлена об основаниях решения о высылке, даже если эти основания не подлежат разглашению*. Национальный орган должен быть уполномочен отклонить утверждения органа исполнительной власти о существовании угрозы национальной безопасности, если он находит его произвольным или неразумным. Должна существовать определенная форма состязательного разбирательства, при необходимости с участием специального представителя, имеющего допуск к вопросам безопасности. Кроме того, должен быть рассмотрен вопрос о том, нарушит ли применяемая мера право лица на уважение семейной жизни и если да, установлено ли справедливое равновесие между публичным и частным интересами (пункт 99 постановления от 26 июля 2011 г. по делу *Лю против Российской Федерации* (№ 2)).

Процедуры Суда не очень хорошо подходят для рассмотрения решения, вынесенного национальными властями по любому конкретному делу, в котором имеется угроза национальной безопасности. Памятуя о своей вспомогательной роли и широких пределах усмотрения, отведенных государствам в вопросах национальной безопасности, Суд признает, что в

каждом случае именно государство, охраняющее безопасность своего народа, должно давать свою собственную оценку ситуации исходя из известных им фактов. Таким образом, мнение национальных властей и, в частности, национальных судов, которые имеют наиболее широкие возможности для оценки доказательств, касающихся существования угрозы национальной безопасности, должно считаться весьма весомым (пункт 33 постановления от 7 марта 2017 г. по делу *Каменов против Российской Федерации*).

Оценка риска того, что в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица может быть допущено нарушение права на свободу и личную неприкосновенность

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Государствам следует рассматривать опасность или угрозу стать жертвой насильственного исчезновения в качестве одной из форм преследования, подпадающих под действие принципа недопустимости принудительного возвращения, и предоставлять статус беженца лицам, которые мигрируют, с тем чтобы бежать от такого поведения, а также принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы они не подлежали принудительному возвращению (пункт 55 Доклада Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям. Размещен 31 июля 2017 г. A/HRC/36/39).

В соответствии со статьей 8 Декларации [о защите всех лиц от насильственных исчезновений] государства должны запретить как на уровне законодательства, так и его применения:

а) высылку, возвращение или выдачу мигрантов другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что им угрожает опасность подвергнуться насильственному исчезновению. Любое возвращение должно быть объектом тщательной индивидуальной оценки и производиться с соблюдением надлежащих процедур, включая право на оспаривание решения о высылке/возвращении. Чтобы определить, существуют ли такие основания, уполномоченные органы должны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянных грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в соответствии с пунктом 2 статьи 8 Декларации;

б) «разворот» мигрантов в любую страну, где им может угрожать опасность стать жертвой насильственного исчезновения (пункт 57 Доклада Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям. Размещен 31 июля 2017 г. A/HRC/36/39).

Воздержание от административного выдворения при наличии временных обеспечительных мер Европейского Суда по правам человека (статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)⁵⁵

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации

[В] силу статьи 34 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] государства-участники обязываются воздерживаться от любого действия или бездействия, которое может воспрепятствовать эффективному осуществлению права на обращение в Европейский Суд (пункт 71 постановления от 3 июня 2010 г. по делу *Камалиевы против Российской Федерации*).

В делах...., в которых убедительно утверждается о наличии непоправимого ущерба для осуществления заявителем одного из основных конвенционных прав, цель предварительной меры заключается в сохранении статус-кво в процессе определения Европейским Судом оправданности этой меры. Будучи направлена на обеспечение сохранения объекта, который является предметом жалобы, предварительная мера затрагивает существо конвенционной жалобы (пункт 72 постановления от 3 июня 2010 г. по делу *Камалиевы против Российской Федерации*).

Указание предварительных мер Европейским Судом позволяет ему не только осуществлять эффективное рассмотрение жалобы, но также обеспечить эффективность защиты, предоставляемой заявителю Конвенцией; кроме того, такое указание впоследствии позволит Комитету министров контролировать исполнение окончательного постановления Европейского Суда. Таким образом, указанные меры позволяют соответствующему государству соблюдать свое обязательство исполнять окончательное постановление Европейского Суда, которое имеет обязательную силу в соответствии со статьей 46 Конвенции (пункт 73 постановления от 3 июня 2010 г. по делу *Камалиевы против Российской Федерации*).

Статья 34 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] будет нарушена, если власти государства-участника не примут все меры, которые могут быть разумно приняты для соблюдения предварительной меры, указанной Европейским Судом... При рассмотрении жалобы с точки зрения статьи 34 Конвенции на предполагаемое уклонение государства-участника от

---

⁵⁵ Приведенные правовые позиции могут быть актуальными и относительно временных обеспечительных мер, принимаемых иными международными договорными органами, например, Комитетом по правам человека, Комитетом против пыток.

соблюдения предварительной меры Европейский Суд не пересматривает вопрос о том, было ли решение об указании на предварительные меры правильным. Государство-ответчик обязано продемонстрировать Европейскому Суду, что предварительная мера была соблюдена или, в исключительных случаях, что имелось объективное препятствие, которое помешало соблюдению, и что власти приняли все разумные меры для устранения препятствия и уведомления Европейского Суда о сложившейся ситуации (пункт 74 постановления от 3 июня 2010 г. по делу *Камалиевы против Российской Федерации*).

Договаривающиеся Стороны в соответствии со статьей 34 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] обязаны соблюдать временные меры, наложенные согласно правилу 39 Регламента Суда... Тем не менее, *осуществление указанной Судом промежуточной меры само по себе не имеет значения при разрешении вопроса о том, соответствует ли лишение свободы, которому может быть подвергнуто лицо, пункту 1 статьи 5 Конвенции* (пункт 189 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

Исходя из этого, *приостановление производства по делу, ведущегося на внутригосударственном уровне, в связи с указанием промежуточной меры Судом, не должно приводить к тому, что заявитель будет находиться в заключении в течение необоснованно длительного срока*. В данном случае Суд отмечает, что судами не было установлено в явной форме никаких конкретных сроков содержания заявителя под стражей с целью обеспечения возможности высылки (пункт 191 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

Практика международных договорных органов

I.

I.a Международным договорным органом установлено нарушение права лица не подвергаться пыткам, иным формам недопустимого обращения⁵⁶ в случае его административного выдворения

выдворение в *Афганистан*⁵⁷

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *Кесматулла Хакдар против Российской Федерации*. Сообщение № 2126/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 17 октября 2014 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению сообщение автора относительно того, что в случае возвращения в Афганистан ему как бывшему комбатанту просоветского режима, сражавшегося с моджахедами, угрожает опасность самосуда со стороны боевиков Талибана; что автор прожил более 20 лет за пределами государства происхождения, больше не имеет там никаких связей, что полностью лишает его поддержки и подвергает опасности нападения; а также что район происхождения автора, как сообщается, все больше выходит из сферы влияния центрального правительства и находится в руках Талибана (пункт 11.2 Соображений).

Комитет отмечает, что имеющиеся у него материалы указывают на то, что при рассмотрении утверждений автора властями государства-участника большое значение было придано тому факту, что на него не распространяется внутреннее законодательство, регулирующее статус беженца, и что, как представляется, конкретные права автора по Пакту не были в достаточной мере учтены⁵⁸. Комитет отмечает, что государство-участник в своих сообщениях лишь указывает, что автор покинул свою страну происхождения по экономическим причинам, но при этом не проводит оценки существующей угрозы применения в отношении него пыток в случае возвращения в Афганистан. При всем уважении к полномочиям иммиграционных властей оценивать предоставленные им свидетельства Комитет считает, что в данном случае следует провести дополнительный анализ. В отсутствие представления государством-участником информации, свидетельствующей о проведении

⁵⁶ Включая случаи применения смертной казни.

⁵⁷ Здесь и далее перечень государств, под юрисдикцию которых осуществляется административное выдворение, представлен в алфавитном порядке.

⁵⁸ См., например, сообщение № 1544/2007, *Хамида против Канады* (пункты 8.3–8.4 и 8.6).

тщательной оценки заявлений автора о том, что он может подвергнуться пыткам в случае принудительного возвращения в Афганистан, Комитет считает, что вынесение и приведение в исполнение решения о депортации автора явилось бы нарушением статьи 7 Пакта (пункт 11.4 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты, включая повторное рассмотрение в полном объеме утверждений автора об угрозе подвергнуться пыткам, с учетом обязательств государства-участника по Пакту. Государство-участник также обязано не подвергать других лиц подобным рискам нарушения их прав (пункт 13 Соображений).

практика Комитета против пыток

Сообщение: *М.К.М. против Австралии.* Сообщение № 681/2015. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 10 мая 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что в 2008 году он около пяти месяцев удерживался под стражей и подвергался пыткам талибами по причине его этнического происхождения и религии, поскольку талибы обвиняли его в том, что он работает на иностранное правительство, и подозревали его в причастности к подготовке акта бомбового терроризма с участием террористов-смертников. Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что он был свидетелем обезглавливания его отца и еще одного узника, в результате чего у него возник серьезный психологический стресс; что афганские власти не захотят или не смогут защитить его от преследований и пыток, если он вернется в Афганистан, поскольку талибы проникли во все уровни власти; и что после его приезда в Австралию медработники констатировали, что он находится в состоянии тревоги, депрессии и посттравматического стрессового расстройства, которое предположительно еще более усугубилось в результате его продолжительного содержания под стражей в государстве-участнике в качестве незаконного мигранта. Комитет...отмечает, что в Афганистане не будет возможностей для надлежащего лечения заявителя в соответствии с его потребностями и что психическое здоровье автора ухудшилось с 2012 года, главным образом потому, что он видел, как убили его отца, и продолжительное время содержался под стражей в качестве незаконного мигранта из-за ошибок, допущенных в ходе первого независимого рассмотрения его дела по существу. Комитет...отмечает заявление автора о том, что руководящие работники государства-участника не смогли рассмотреть вопрос о том, может ли его психическое расстройство быть вылеченным в Афганистане и не будет ли отсутствие адекватного лечения равнозначно жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в его случае. Эти утверждения, предоставившие новые обстоятельства в поддержку заявлений о предоставлении дополнительной защиты после рассмотрения дела по существу, государством-участником не оспариваются (пункт 8.5 Решения).

Комитет...принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что заявитель не обосновал свое утверждение о том, что ему будет угрожать реальная и личная опасность быть подвергнутым пыткам, если он вернется в Афганистан, и что общая опасность насилия не является достаточным основанием считать, что данному конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток в случае возвращения. Тем не менее Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает утверждений заявителя относительно угрожающей ему опасности подвергнуться пыткам или жестокому обращению как возвратившемуся лицу, которому было отказано в убежище, и относительно неспособности правительства Афганистана обеспечить защиту от пыток. Кроме того, Комитет отмечает, что Департамент иммиграции и охраны границ государства-участника пришел к выводу о том, что заявитель вполне может переехать в какой-либо другой район в пределах Афганистана, включая Кабул, хотя Департамент согласился с тем, что автор сообщения и его отец были похищены талибами и на протяжении нескольких месяцев подвергались ими пыткам и что автор стал свидетелем обезглавливания его отца и поэтому опасается возвращения в Афганистан. Комитет также отмечает, что государство-участник указало на противоречия и несоответствия в утверждениях заявителя; однако Комитет считает, что редко можно ожидать полной точности информации, сообщаемой жертвами пыток⁵⁹, психические расстройства которых надлежит должным образом принимать во внимание. Кроме того, несмотря на вывод о том, что заявителю не будет отказано в предоставлении медицинской помощи в Афганистане, государство-участник признало, что уровень оказания психиатрической помощи в Афганистане «сравнительно низок» (пункт 8.6 Решения).

Комитету известно о положении в области прав человека в Афганистане, и он отмечает, что австралийские власти учитывали этот вопрос при оценке риска, с которым может столкнуться заявитель, если он вернется в страну своего происхождения. Что касается утверждения заявителя, касающегося опасности, которой он подвергнется в качестве получившего отказ просителя убежища, который в течение нескольких лет жил в западной стране, Комитет отмечает отсутствие каких-либо аргументов государства-участника, опровергающих это утверждение. Комитет далее принимает к сведению утверждение заявителя о том, что он подвергался пыткам со стороны негосударственных субъектов и что государство-участник будет не в состоянии защитить его, если он вернется в Афганистан (пункт 8.7 Решения).

Комитет...отмечает, что аргументы заявителя и представленные в их поддержку свидетельства были рассмотрены властями государства-участника...Комитет считает бесспорным тот факт, что заявитель удерживался под стражей и подвергался пыткам талибами, что у него хрупкое состояние здоровья, поскольку у него были диагностированы тревожное состояние, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство, связанные с

---

⁵⁹ См. сообщение № 21/1995, *Алан против Швейцарии*, Решение, принятое 8 мая 1996 года, пункт 11.3.

психологическим потрясением, которое он перенес в Афганистане, и предположительно еще более усугубленные его продолжительным содержанием под стражей в государстве-участнике в качестве незаконного мигранта, и что риск применения пыток или причинения значительного вреда нельзя исключать, поскольку государство-участник рекомендовало ему переехать в какой-нибудь другой район Афганистана (пункт 8.8 Решения).

Комитет считает, что, хотя государство-участник выразило обеспокоенность по поводу, например, достоверности аргументов заявителя, касающихся его опасения подвергнуться пыткам или угроз, которым он подвергся, оно пришло к негативному заключению относительно правдивости заявителя без надлежащего изучения основополагающего аспекта претензии заявителя, а именно того, не могут ли перенесенные им ранее пытки, усугубляемые его нынешним психическим расстройством, возникшим в результате пыток и бесчеловечного обращения, которым он подвергался в Афганистане, представлять собой его нынешний профиль рисков в результате опасности нанесения ему серьезного и значительного вреда в случае его возвращения в Афганистан. В этой связи Комитет считает, что, отклонив ходатайство заявителя о предоставлении убежища, не уделив достаточного внимания тому факту, что афганские власти не в состоянии защитить заявителя от дальнейших преследований со стороны талибов, государство-участник не провело достаточного расследования по вопросу о том, будет ли заявителю угрожать применение пыток или жестокое обращение в случае его возвращения в Афганистан. В этой связи Комитет, ссылаясь на свою правовую практику⁶⁰, считает, что возможность нахождения другого местожительства или переселения не является надежной и долгосрочной альтернативой, поскольку отсутствие защиты является общераспространенным явлением и данному лицу будет угрожать риск дальнейшего преследования или причинения серьезного вреда, особенно в ситуации, при которой преследования гражданского населения со стороны антиправительственных элементов носят зачастую произвольный характер в стране происхождения заявителя. Комитет также считает, что власти государства-участника не смогли адекватно оценить психическое состояние заявителя, фактическое наличие возможностей для адекватного лечения в Афганистане и потенциальные последствия принудительного возвращения заявителя в страну его происхождения для его психического здоровья. В связи с этим Комитет считает, что в данных обстоятельствах высылка заявителя в Афганистан будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8.9 Решения).

Выводы Комитета: государство-участник обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции воздержаться от принудительного возвращения заявителя в Афганистан или любую другую страну, где ему угрожает реальная опасность быть высланным или возвращенным в Афганистан (пункт 9 Решения).

---

⁶⁰ См., например, сообщение № 338/2008, *Мондаль против Швеции*, Решение, принятое 23 мая 2011 года, пункт 7.4.

выдворение в *Бангладеш**практика Комитета по правам человека*

Сообщение: *И. против Канады*. Сообщение № 2327/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 10 марта 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что ей будет угрожать жестокое обращение или смерть в случае ее высылки в Бангладеш из-за угроз со стороны С., чей друг и двое братьев убили ее собственного брата. Комитет также принимает к сведению замечания государства-участника о том, что автору не удалось убедить внутренние директивные органы в том, что она лично была объектом преследования или может им стать в случае ее возвращения в Бангладеш. Комитет...принимает к сведению замечание государства-участника о том, что в функции Комитета не входит пересмотр оценки достоверности, сделанной внутренними директивными органами (пункт 10.2 Соображений).

Комитет принимает к сведению тот факт, что власти государства-участника после рассмотрения доказательств и устных показаний, представленных автором в ее ходатайстве о предоставлении статуса беженца и ходатайстве о проведении оценки риска перед высылкой (далее – ОРПВ), а также доказательств, касающихся положения в области прав человека в Бангладеш, пришли к выводу, что автор не доказала, что ей будет угрожать опасность в случае ее возвращения в Бангладеш. Отдел по защите беженцев постановил, что ее сведения относительно угроз, предположительно сделанных ей и ее матери после убийства ее брата, не заслуживают доверия; что в заявлениях других лиц, представленных ей для подтверждения того, что ей угрожали, она не упоминается; что она не представила никаких доказательств в поддержку своих заявлений о том, что у преследователей, якобы убивших ее брата, имеются влиятельные связи в судебных органах и в политической сфере; что отсутствуют доказательства того, что какие-либо лица использовали свои связи для того, чтобы повлиять на результаты судебного разбирательства по делу об этом убийстве или на последовавшее обжалование решения суда; и что ее утверждение о том, что власти Бангладеш не могут или не желают защитить ее от предполагаемых угроз, не подкреплено доказательствами. Комитет...отмечает, что, в частности, автор утверждает, что ее супруг и дети скрываются, но при этом она не ответила на замечание государства-участника о том, что несколько членов ее семьи, в том числе ее супруг, четверо из их пятерых детей и многочисленные тети, дяди и двоюродные братья и сестры проживают в Бангладеш, и что нет информации о том, что кому-либо из них может быть причинен вред от предполагаемых убийц брата автора. Принимая к сведению доклады, на которые ссылается автор в связи с коррупцией в Бангладеш, Комитет отмечает замечание государства-участника о том, что его

директивными органами было установлено, что коррупция в Бангладеш «процветает», но при этом был сделан вывод о том, что нет достоверных доказательств, подтверждающих наличие опасности, угрожающей лично автору. Комитет считает, что утверждения автора, представленные властям государства-участника, были тщательно изучены Отделом по защите беженцев и сотрудником, занимающимся оценкой риска до высылки (пункт 10.4 Соображений).

Отмечая серьезность диагностированных у автора посттравматического стрессового расстройства, депрессии и тревожного состояния, Комитет считает, что само по себе состояние здоровья автора, с учетом обстоятельств данного дела, недостаточно для обоснования опасности, которая, как утверждает автор, грозит ей в случае ее высылки в Бангладеш⁶¹. Хотя автор утверждает, что она не имела надлежащей возможности оспорить существование решения Отдела по защите беженцев в Федеральном суде, она не приводит конкретного основания для ее ходатайства о разрешении на проведение судебного пересмотра и не комментирует замечание государства-участника о том, что такие ходатайства одобряются в тех случаях, когда имеются «достаточные основания» или «вопрос, требующий внимательного изучения»⁶² (пункт 10.5 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не выявила никаких нарушений в процессе принятия решения или каких-либо факторов риска, которые не были надлежащим образом учтены властями государства-участника. Комитет считает, что, хотя автор не согласна с фактологическими выводами властей государства-участника, она не доказала, что они были произвольными или явно ошибочными или представляли собой отказ в правосудии. В свете вышеизложенного Комитет не может сделать вывод о том, что имеющаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что есть серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения автору непоправимого вреда, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 6 и в статье 7 Пакта⁶³. Настоящее решение принимается без ущерба для итогов рассмотрения ходатайства автора о предоставлении постоянного вида на жительство по соображениям гуманности и сострадания (пункт 10.6 Соображений).

Выводы Комитета: высылка автора в Бангладеш не будет представлять собой нарушения ее прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 6 или статьей 7 Пакта (пункт 11 Соображений).

---

⁶¹ См. сообщение № 2049/2011, *3. против Австралии*, Соображения, принятые 18 июля 2014 г., пункты 9.4 и 9.5; *Линь против Австралии*, пункты 2.3 и 9.4; и сообщения № 1315/2004, *Сингх против Канады*, Решение о неприемлемости, принятое 30 марта 2006 г., примечание 1 и пункт 6.3; и № 1897/2009, *С.И.Л. против Австралии*, Решение о неприемлемости, принятое 24 июля 2013 г., пункт 8.4.

⁶² См. *Х. против Канады*, пункт 9.5.

⁶³ См. пункт 12 Замечания общего порядка № 31.

выдворение в *Китайскую Народную Республику**практика Европейского Суда по правам человека*

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 44095/14, «*А.Л. (X.W.) против России*» (вынесено 29 октября 2015 г., вступило в силу 29 января 2016 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Суд отмечает, что с момента вступления России в Совет Европы, она обязалась отменить смертную казнь в качестве условия вступления в эту организацию. Сразу же после этого в России был применен *фактический* мораторий на применение смертной казни: приговоры к смертной казни никому не выносились и не исполнялись с 1996 года. В 2009 года Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил мораторий и постановил, что в России сложился конституционно-правовой режим, обеспечивающий устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни. Он также установил, что в России происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, на основании Конституции и международных обязательств, включая Протокол №6, который был подписан, но не ратифицирован ей...Примечательно, что мораторий, действующий в России, как подтверждено Конституционным Судом, не предусматривает исключения, позволяющего применять смертную казнь во время войны (пункт 63 постановления).

С учетом недвусмысленного обязательства России отменить смертную казнь, частично выполненного путем первоначального введения фактического моратория, который впоследствии был подтвержден юридически Конституционным Судом, Суд считает, что вывод, сделанный в деле «*Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства*», а именно, о том, что смертная казнь стала неприемлемой формой наказания, которая более не является допустимой в соответствии со статьей 2 с поправками, внесенными Протоколами №№ 6 и 13, и что она представляет собой «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» по статье 3... всецело распространяется на Россию, даже если она не ратифицировала Протокол № 6 и не подписала Протокол №13. Россия, таким образом, связана обязательством, которое возникает из статей 2 и 3, не экстрадировать и не депортировать лицо в другое государство, если имеются существенные основания думать, что он или она подвергнется реальному риску подвергнуться там смертной казни (пункт 64 постановления).

Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что внутригосударственные суды не произвели оценку рисков подвергнуться смертной казни и бесчеловечному обращению, если заявитель будет депортирован в Китай. Их аргументация по этому вопросу ограничивалась утверждением, без ссылки на какое-либо внутригосударственное положение, что решение о нежелательности пребывания, вынесенное в отношении

заявителя, не влекло за собой автоматической депортации в Китай и что заявитель мог уехать из России в другую страну. Суд не убежден этим доводом. Закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предусматривает, что иностранный гражданин, в отношении которого вынесено решение о нежелательности пребывания и который не выезжает из России по требованию, подлежит депортации... В решении о нежелательности пребывания в отношении заявителя четко указывалось, что если он не уедет из России до установленного срока, его депортируют ... Суд также отмечает, что российский паспорт заявителя был изъят, и доказательства, что у него имелся какой-либо другой действительный документ или соответствующие визы, позволяющие ему пересечь российскую границу и въехать в третью страну, отсутствуют. В таких обстоятельствах Суд принимает довод заявителя о том, что у него не было возможности уехать из России в другую страну в трехдневный срок, установленный в решении о нежелательности пребывания, и что в настоящее время он подвергается неизбежной опасности депортации в Китай как прямого и неизбежного последствия этого решения о нежелательности пребывания (пункт 65 постановления).

Сторонами не оспаривалось, что имелся значительный и предсказуемый риск, что, будучи депортированным в Китай, заявитель мог подвергнуться смертной казни после судебного разбирательства по обвинению в убийстве, преступлении, которое наказывается смертной казнью. Суд, таким образом, приходит к заключению, что принудительное возвращение заявителя в Китай подвергнет его реальному риску подвергнуться обращению, противоречащему статьям 2 и 3 Конвенции и, таким образом, повлечет за собой нарушение этих статей (пункт 66 постановления).

выдворение в Демократическую Республику Конго

практика Комитета против пыток

Сообщение: *Е. К. У. против Финляндии*. Сообщение № 490/2012. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 4 мая 2015 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она была арестована солдатами ВСДРК⁶⁴ во время проведения семинара для женщин в Донго⁶⁵ в 2009 году и что она была подвергнута солдатами жестокому обращению и пыткам, включая неоднократные изнасилования. Комитет принимает во внимание представление государства-участника, согласно которому государственные органы получили только одно медицинское заключение от 2 июня 2010 года, которое они не считают достаточным доказательством пыток. Комитет, однако, отмечает, что в заключении указывается на то, что шрамы на

⁶⁴ Вооруженные силы Демократической Республики Конго.

⁶⁵ Один из районов Демократической Республики Конго.

теле заявителя и наблюдаемые у нее психиатрические симптомы соответствуют представленным заявителем данным о пытках. Комитет приходит к выводу о том, что заявитель представил достаточные доказательства того, что в прошлом она подвергалась пыткам (пункт 9.5 Решения).

Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что она стала жертвой изнасилования и других пыток со стороны военнослужащих ВСДРК, которые являются официальными вооруженными силами государства-участника, а также присутствуют и ведут активную деятельность на всей его территории, и что, как она утверждает, она совершила побег из-под стражи в ВСДРК. Комитет учитывает представление государства-участника относительно достоверности рассказа заявителя о ее политической деятельности и членстве в оппозиционной партии, а также об обстоятельствах ее побега и выезда из страны. Комитет... напоминает, что от жертв пыток редко можно ожидать полной точности сообщаемой ими информации и что несоответствия в изложении заявителем фактов не вызывают сомнения в общей правдивости ее утверждений, особенно поскольку подтверждено, что она страдает посттравматическим стрессовым расстройством⁶⁶. Комитет... отмечает, что во время ареста заявитель носила предметы одежды, указывающие на ее принадлежность к сторонникам оппозиционной партии, и имела при себе членский билет, а также подчеркивает, что это является достаточным основанием для формирования представления о том, что она была членом и активистом партии (пункт 9.6 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в Демократической Республике Конго насилие в отношении женщин является широко распространенным явлением. В этой связи Комитет напоминает свои ранее принятые решения и свои мнения по делу *Нжамба и Баликоса против Швеции*⁶⁷, в рамках которых он не смог определить конкретный район Демократической Республики Конго, который мог бы считаться безопасным для заявителей. Комитет отмечает, что в недавно полученных достоверных сообщениях, а именно в докладе Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека о положении в области прав человека и о деятельности ее Управления в Демократической Республике Конго за 2013 год (A/HRC/24/33) и в заключительных замечаниях Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин по объединенным шестому и седьмому периодическим докладам Демократической Республики Конго (CEDAW/C/COD/CO/6-7) указывается, что широкое распространение насилия в отношении женщин, включая изнасилования членами национальных вооруженных групп, сил безопасности и обороны, наиболее свойственно затрагиваемым конфликтами и сельским районам страны, особенно в ее восточной части. Комитет, однако, обеспокоен тем, что, согласно этим сообщениям, подобное насилие происходит и в других частях страны (пункт 9.7 Решения).

---

⁶⁶ См. также *Тала против Швеции* (примечание 8 выше), пункт 10.3.

⁶⁷ Сообщение № 322/2007, Решение от 14 мая 2014 года, пункт 9.5.

Вывод Комитета: заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае ее выдворения в Демократическую Республику Конго (пункт 9.8 Решения).

выдворение в *Кыргызскую Республику*

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 14348/15 «*У.Н. против России*» (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.), которым установлено, что принудительное перемещение заявителя в Кыргызскую Республику (в порядке экстрадиции либо иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции⁶⁸.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отмечает, что он неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции по возвращении в Кыргызстан (пункт 38 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что «...как и в предыдущих подобных делах, заявитель безуспешно пытался обратить внимание... на вышеупомянутые обстоятельства в ходе производства по экстрадиции и делам беженцев... [О]снование национальных судов по делу заявителя было более подробным... Однако, их доводы, обосновывающие отклонение требований заявителя, уже были рассмотрены Европейским Судом в его предыдущих

---

⁶⁸ Установлено также нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя возможности добиться судебного пересмотра постановления районного суда о применении к нему в течение определенного судом срока меры пресечения в виде заключения под стражу в целях экстрадиции, несмотря на имевшие место изменения в обстоятельствах, которые могли повлиять на законность соответствующей меры.

постановлениях, и он посчитал их недостаточными... Что касается последнего довода, представленного Европейскому Суду, и на основании того факта, что экстрадиции заявителя добивались за обычные уголовные преступления, в совершении некоторых из которых он признался... Европейский Суд может только напомнить, что поведение заявителя – каким бы нежелательным или опасным оно бы не было – не может отменить запрет на жестокое обращение согласно статье 3 Конвенции... [3] заявитель является этническим узбеком, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана за преступления, совершенные в ходе жестоких столкновений в июне 2010 года... Таким образом, он является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению» (пункт 39 постановления).

Таким образом, Европейский Суд заключил, что принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 41 постановления).

выдворение в *Исламскую Республику Иран*

практика Комитета против пыток

Сообщение: *Абед Азизи против Швейцарии*. Сообщение № 492/2012. Решение принято Комитетом против пыток 27 ноября 2014 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [с]сылаясь на свою правовую практику последнего времени⁶⁹, Комитет напоминает о том, что поступают сообщения об использовании в Иране психологических и физических пыток для получения признательных показаний, что указывает на широкое и систематическое применение подобной практики⁷⁰, а также продолжающиеся поступать сообщения о случаях задержания и применения пыток к политическим оппонентам⁷¹. Комитет... отмечает недавно усилившуюся тенденцию к аресту и осуждению лиц, осуществляющих свои права на свободу выражения мнений, мирные собрания и ассоциацию⁷².

⁶⁹ См. сообщения № 481/2011, *К.Н., Ф.В. и С.Н. против Швейцарии*, Решение, принятое 19 мая 2014 года; № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, Решение, принятое 23 мая 2011 года; и № 381/2009, *Фараголла и др. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 ноября 2011 года.

⁷⁰ Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран (A/69/356), пункт 16.

⁷¹ Доклады Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран (A/HRC/25/61), пункты 23.29; и A/68/503, пункты 1, 6, 8 и 30.

⁷² Заявление Председателя-Докладчика Рабочей группы по произвольным задержаниям, Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран, Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Специального докладчика по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на ассоциации, Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов и Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников (8

Комитет испытывает в этом отношении еще большую обеспокоенность с учетом того факта, что Исламская Республика Иран часто использует смертную казнь и применяет ее без гарантий надлежащего судебного разбирательства в делах, связанных с некоторыми преступлениями, которые не считаются наиболее тяжкими преступлениями в соответствии с нормами международного права⁷³. Государство-участник само признает наличие такого положения в Исламской Республике Иран (пункт 8.5 Решения).

Комитет принимает к сведению, что заявитель являлся активным членом швейцарского отделения КДПИ⁷⁴ и председателем региональных исполнительных комитетов в ряде кантонов, участвовал в различных демонстрациях и публиковал статьи в Интернете. Государство-участник не оспаривает эту информацию. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что иранские власти обращают свое внимание на видных деятелей, которые могут представлять собой конкретную угрозу для иранского режима; что заявитель такой угрозы не представляет; что деятельность, в которой он предположительно участвовал, является типичной деятельностью для многих иранцев, оказавшихся в изгнании; и что государство-участник не стало бы признавать заявителя потенциально опасным для иранского режима... Комитет отмечает, что, согласно недавним сообщениям, в Исламской Республике Иран также тщательно отслеживают оппозиционеров и более низкого уровня⁷⁵. Комитет... отмечает наличие многочисленных сообщений о продолжающемся преследовании политических активистов из числа этнических меньшинств, включая недавние казни курдов, обвинительные приговоры которым были вынесены в результате судебных разбирательств, не соответствующих нормам справедливого судопроизводства⁷⁶ (пункт 8.6 Решения).

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что из-за своего обращения в христианство он может быть подвергнут преследованию и даже приговорен к смертной казни за обращение в другую веру и прозелитизм. Он также принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что обращение в христианство за рубежом не подвергнет заявителя опасности преследования в Исламской Республике Иран, если только он не исповедовал христианство активно и явно. Комитет отмечает, что последние сообщения свидетельствуют о том, что христиане, особенно протестанты и лица, перешедшие из ислама в христианство, подвергаются преследованию в Исламской Республике Иран, что в течение ряда последних лет сотни христиан были арестованы и помещены под стражу и что многие церкви, особенно молельни протестантов-евангелистов, в

августа 2014 года). Размещено на веб-сайте по адресу www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=14926&LangID=E#sthash.kyvBUBmn.dpuf.

⁷³ См. A/HRC/25/61, пункты 5 и 84. См. также сообщение № 481/2011, пункт 7.6.

⁷⁴ Демократическая партия иранского Курдистана

⁷⁵ См. A/HRC/25/61, пункты 88–90, и A/68/503, пункты 6–15 и 88–90.

⁷⁶ См. A/HRC/25/61, пункты 82–83.

настоящее время осуществляют свою деятельность в атмосфере страха⁷⁷. Согласно содержащейся в этих докладах информации, а) члены религиозных меньшинств, включая христиан, помещаются под стражу и подвергаются пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, а также длительному одиночному заключению с целью добиться от них признательных показаний, зачастую не предоставляя им доступа к адвокату⁷⁸; б) большинство дел в отношении христиан рассматривается в революционных судах как преступления против национальной безопасности, однако некоторым христианам предъявляются обвинения в государственных уголовных судах за проявление религиозных убеждений, а должностные лица регулярно угрожают преследовать обращенных христиан за отступничество⁷⁹; в) процедуры преследования часто не соответствуют международным стандартам, так как ограничивается доступ к материалам дела и право на защиту⁸⁰; и d) иранские власти на самом высоком уровне назвали неформальные «домашние церкви» и евангельских христиан угрозой национальной безопасности⁸¹. Отчеты о текущем положении также предполагают возросшее преследование христиан-протестантов и в том числе помещение их под стражу за участие в деятельности неформальных домашних церквей⁸², а также физическое и жестокое психологическое насилие, в том числе угрозы расправы по отношению к содержащимся под стражей обращенным христианам⁸³ (пункт 8.7 Решения).

С учетом всех этих обстоятельств, включая общее положение в области прав человека в Исламской Республике Иран, личное положение заявителя, который продолжает активно участвовать в политической деятельности против иранского режима за рубежом, а также правовой практики Комитета⁸⁴ Комитет считает, что заявитель вполне мог привлечь к себе внимание иранских властей. Комитет полагает, что обращение

⁷⁷ Там же, пункты 39–41, и A/69/356, пункты 42–48. См. также пресс-релиз Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран и Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений, которые выразили «серьезную обеспокоенность по поводу ареста и помещения под стражу сотен христиан за последние несколько лет» и призвали власти «смягчить существующую атмосферу страха, в которой осуществляют свою деятельность церкви, особенно молельни протестантов-евангелистов» (20 сентября 2012 года). Размещено на веб-сайте по адресу www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12551&LangID=E#sthash.MU9FGkH3.dpuf.

⁷⁸ См. A/HRC/25/61, пункт 36.

⁷⁹ Там же, пункт 41.

⁸⁰ Там же, пункт 36.

⁸¹ Там же, пункт 40.

⁸² A/69/356, пункт 47.

⁸³ Там же, пункт 48.

⁸⁴ См. сообщения № 339/2008, *Амини против Дании*, Решение, принятое 15 ноября 2010 года, пункт 9.8; № 357/2008, *Джахани против Швейцарии*, примечание 11, пункт 9.4; и № 381/2009, *Фараголла и др. против Швейцарии*, примечание 11, пункт 9.6.

заявителя в христианство и его принадлежность к курдским политическим активистам усугубляют опасность того, что он подвергнется преследованию в случае возвращения в Исламскую Республику Иран. С учетом этих соображений, рассматриваемых в целом, Комитет считает, что в конкретных обстоятельствах данного дела существуют серьезные основания полагать, что заявитель подвергнется пыткам в случае возвращения в Исламскую Республику Иран... Комитет отмечает, что, поскольку Исламская Республика Иран не является стороной Конвенции, в случае нарушения предусмотренных Конвенцией прав заявителя в этой стране он будет лишен правовой возможности обратиться в Комитет с просьбой о той или иной защите (пункт 8.8 Решения).

Выводы Комитета: выдворение заявителя в Исламскую Республику Иран будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

выдворение в *Италию*

практика Комитета по правам человека

Соображения Комитета по правам человека от 28 июля 2017 г. по делу *Хибака Сауда Хаши против Дании* (сообщение № 2470/2014).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что депортация ее и ее несовершеннолетнего сына в Италию в соответствии с зафиксированным в Дублинских правилах принципом страны первого убежища подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение статьи 7 Пакта. В обоснование своих доводов автор ссылается, в частности: на то, как с ней реально обращались в Италии; на свою особую уязвимость как матери-одиночки с ребенком; на общие условия в центрах размещения просителей убежища в Италии; и на неспособность итальянской системы интеграции удовлетворять потребности бенефициаров международной защиты, о чем говорится в различных докладах (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не оспаривает информацию, представленную итальянскими властями в Датскую иммиграционную службу, согласно которой ей в Италии была предоставлена дополнительная защита и вид на жительство, срок действия которого истек 22 декабря 2014 г. Комитет...принимает к сведению утверждение автора о том, что, хотя во время проживания в Италии она была беременна и у нее возникли проблемы со здоровьем, ей не была предоставлена какая-либо специализированная помощь и она испытывала трудности с получением продовольствия и доступа к минимальным санитарно-техническим удобствам (пункт 9.4 Соображений).

Комитет отмечает представленные автором различные доклады, в которых указывается на нехватку мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинским правилам.

Комитет отмечает, в частности, утверждение автора о том, что такие, как она, возвращаемые лица, которым уже была предоставлена форма защиты и которые воспользовались услугами приемных центров в Италии, более не имеют права на проживание в центрах для просителей убежища⁸⁵. Комитет также отмечает утверждение автора о том, что возвращаемые лица также сталкиваются в Италии с серьезными трудностями в поиске доступа к санитарно-гигиеническим услугам и питанию (пункт 9.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению вывод Комиссии [по рассмотрению апелляции беженцев] о том, что в рамках данного дела Италию следует рассматривать в качестве страны первого убежища, а также позицию государства-участника, согласно которой такая страна должна гарантировать просителям убежища основные права, хотя и не обязана обеспечивать им одинаковые с гражданами страны социальные стандарты и условия жизни. Комитет также принимает к сведению, что государство-участник сослалось, в частности, на постановление Европейского [С]уда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии омрачается определенными недостатками, доказательств того, что просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия, представлено не было (пункт 9.6 Соображений).

Комитет принимает к сведению информацию, полученную государством-участником от итальянских властей, согласно которой иностранец, которому было предоставлено разрешение на проживание в Италии в качестве признанного беженца или лица, получившего защиту, может обратиться с просьбой о продлении его истекшего вида на жительство после повторного въезда в Италию (пункт 9.8 Соображений).

В то же время Комитет считает, что государство-участник не в полной мере изучило информацию, которую автор представила, исходя из своих личных обстоятельств, и согласно которой, несмотря на то, что в Италии ей и был выдан вид на жительство, она столкнется там с невыносимыми условиями жизни (пункт 9.9 Соображений).

Комитет напоминает о том, что государства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации⁸⁶, и считает, что государство-участник было обязано провести более персонифицированную оценку той угрозы, которой автор и ее сын могли лично подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера и на предположение о том, что, поскольку в прошлом автору уже была предоставлена дополнительная защита, она в принципе будет иметь право на тот же уровень дополнительной защиты и теперь. Комитет отмечает, что автор в прошлом имела возможность для проживания в пунктах приема. Вместе с тем, согласно неоспоренным утверждениям автора: она сталкивалась с плохими жилищными условиями

⁸⁵ См. Asylum Information Database, "National country report: Italy", pp. 54-55.

⁸⁶ См., например, *Пиллаи и др. против Канады*, пункты 11.2 и 11.4; и *Али и Мохамед против Дании*, пункт 7.8.

даже во время беременности, поскольку она вынуждена была спать в бараке на матрасе без постельного белья, питаясь один раз в день; она не имеет никакого образования; и, хотя, по ее собственному признанию, она получила от итальянских властей множество документов, она не знала, что ей был выдан вид на жительство для проживания в Италии. Кроме того, Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что в связи с трудностями в получении доступа к достаточному питанию и медицинскому обслуживанию в Италии она страдала от недоедания, часто теряла сознание и у нее чуть было не произошел выкидыш. Информация, имеющаяся в распоряжении Комитета, свидетельствует о том, что лица, попавшие в аналогичную ситуацию, особенно малолетние дети, часто оказываются на улице или в тяжелых и опасных условиях. Вместе с тем, вынося решение, Комиссия недооценила личный опыт автора в Италии и предсказуемые последствия ее принудительного возвращения. Исходя из этого, Комитет считает, что государство-участник должным образом не учло особую уязвимость автора, матери-одиночки, не имеющей никакого образования, с пятилетним ребенком на руках, которая прежде никогда не жила в итальянском обществе. Несмотря на ее официальное право на дополнительную защиту в Италии, нет никаких доказательств того, что на практике автор сможет найти жилье и обеспечивать себя и своего ребенка в отсутствие помощи со стороны итальянских властей. Кроме того, государство не запросило у итальянских властей реальных гарантий того, что автор и ее сын будут приняты в условиях, совместимых с их статусом просителей убежища, и будут иметь право на временную защиту и гарантии, предусмотренные в статье 7 Пакта. В частности, государство-участник не обратилось к Италии с просьбой взять на себя обязательство: а) продлить автору вид на жительство и выдать аналогичное разрешение ее ребенку; и б) принять автора и ее сына в условиях, адаптированных к возрасту ребенка и уязвимому положению семьи, что позволило бы им остаться в Италии⁸⁷ (пункт 9.10 Соображений).

Выводы Комитета депортация автора и ее сына в Италию без надлежащих гарантий нарушила бы их права, предусмотренные статьей 7 Пакта (пункт 10 Соображений).

Сообщение: *Абдилафир Абубакар Али и Маюл Али Мохамед против Дании*. Сообщение № 2409/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 29 марта 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что депортация их самих и их двоих несовершеннолетних детей в Италию в соответствии с содержащимся в Дублинском регламенте принципом «первой страны, предоставившей убежище» подвергнет их реальной опасности причинения непоправимого вреда в нарушение статьи 7 Пакта. Авторы основывают свои доводы, в частности, на

⁸⁷ См. *Йасин против Дании*, пункт 8.9; *Али и Мохамед против Дании*, пункт 7.8; *Ахмед против Дании*, пункт 13.8.

том, как с ними на практике обращались после получения ими разрешения на проживание в Италии, а также на отмеченных в различных докладах общих условиях приема просителей убежища и беженцев, прибывающих в Италию (пункт 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что авторы в соответствии с их собственными неопровергнутыми утверждениями жили в приемном центре в период с июня 2011 года по январь 2012 года, когда им было предложено выехать без предоставления альтернативного жилья, одновременно с рождением их сына 21 декабря 2011 г. Впоследствии они жили на улицах и на вокзалах и питались тем, что предоставляли церкви. Таким образом, они остались без крыши над головой и без средств к существованию. Комитет...отмечает утверждения авторов о том, что их новорожденный сын не получил медицинской помощи, которая была ему необходима при рождении, несмотря на запросы, направленные в компетентные органы. Опасаясь того, что они будут не в состоянии обеспечить своего ребенка и найти гуманитарное решение их ситуации, авторы покинули Италию и направились в Данию, где в июне 2012 года они подали ходатайство о предоставлении убежища. Авторы – просители убежища с двумя несовершеннолетними детьми – в настоящее время находятся в крайне уязвимом положении (пункт 7.4 Соображений).

Комитет принимает к сведению представленные авторами доклады, в которых засвидетельствован дефицит мест в итальянских центрах приема просителей убежища и лиц, возвращаемых согласно Дублинскому регламенту. Комитет отмечает, в частности, утверждение авторов о том, что возвращаемые лица, которым уже была предоставлена форма защиты и которые воспользовались услугами приемных центров в Италии, как и они сами, на практике не имеют права на проживание в центрах для просителей убежища⁸⁸ (пункт 7.5 Соображений).

Комитет принимает к сведению вывод Комиссии по рассмотрению апеллений беженцев о том, что в рамках данного дела Италию следует рассматривать в качестве первой страны, предоставившей убежище, а также позицию государства-участника, согласно которой первая страна, предоставившая убежище, обязана обеспечивать просителям убежища осуществление основных прав человека, хотя она не обязана обеспечивать для таких лиц такие же социальные стандарты и условия жизни, как для граждан страны. [Комитет]... отмечает, что государство-участник сослалось на решение Европейского [С]уда по правам человека, в котором сказано, что, хотя положение в Италии характеризуется определенными недостатками, доказательств того, что «просителям убежища систематически не обеспечиваются поддержка и надлежащие условия», представлено не было⁸⁹ (пункт 7.6 Соображений).

⁸⁸ См. www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida_italy_thirdupdate_final_0.pdf.

⁸⁹ См. *Самсам Мохаммед Хуссейн и др. против Нидерландов и Италии*, пункт 78.

Комитет считает, что в выводе государства-участника не учтена должным образом представленная авторами информация, основанная на их собственном опыте, согласно которой, несмотря на выданное им разрешение на проживание в Италии, они столкнулись там с невыносимыми условиями жизни... Комитет отмечает, что государство-участник не объясняет, каким образом в случае возвращения в Италию полученные разрешения на проживание смогут реально защищать их самих и их двоих несовершеннолетних детей, один из которых нуждается в последующем наблюдении врачей, от исключительных трудностей и лишений, с которыми они уже сталкивались в Италии⁹⁰ (пункт 7.7 Соображений).

[Г]осударства-участники должны придавать достаточное значение реальной и личной угрозе, которой лицо может подвергнуться в случае депортации⁹¹, и считает, что государство-участник было обязано провести более тщательную оценку той угрозы, которой лично авторы могли подвергнуться в Италии, а не полагаться на доклады общего характера и на предположение о том, что поскольку в прошлом им уже была предоставлена дополнительная защита, то значит, в принципе, они будут иметь право на дополнительную защиту и теперь. Комитет считает, что государство-участник не приняло во внимание должным образом особую уязвимость авторов, которые, несмотря на их право на дополнительную защиту, остаются без крыши над головой и не в состоянии обеспечить себя в отсутствие какой-либо помощи со стороны итальянских властей, включая медицинскую помощь, необходимую для их новорожденного сына. Оно также не запросило у итальянских властей надлежащих гарантий того, что авторы и их двое несовершеннолетних детей будут приняты в условиях, совместимых с их статусом просителей убежища, которые имеют право на временную защиту, и гарантиями по статье 7 Пакта; оно не обратилось к Италии с просьбой гарантировать: а) повторную выдачу или продление их разрешений на проживание⁹² и выдачу разрешений на проживание их детям, а также не депортировать их из Италии; и б) принять авторов и их детей в условиях, адаптированных к возрасту детей и уязвимому положению семьи, что позволило бы им остаться в Италии⁹³ (пункт 7.8 Соображений).

Выводы Комитета: депортация авторов и их двоих детей в Италию будет представлять собой нарушение их прав, предусмотренных статьей 7 Пакта (пункт 8 Соображений).

⁹⁰ См. сообщение № 2360/2014, *Варда Осман Йасин против Дании*, Соображения, принятые 22 июля 2015 г., пункт 8.8.

⁹¹ См., например, сообщение № 1763/2008, *Пиллаи против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 г., пункты 11.2 и 11.4.

⁹² Принимая во внимание утверждение авторов о том, что они потеряли свои разрешения на проживание.

⁹³ См. сообщение № 2360/2014, *Варда Осман Йасин против Дании*, Соображения, принятые 22 июля 2015 г., пункт 8.9.

выдворение в *Нигерию**практика Комитета по правам человека*

Сообщение: *Д.Т. против Канады*. Сообщение № 2081/2011. Соображение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 15 июля 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение автора о том, что, учитывая состояние системы образования и здравоохранения в Нигерии, физическое и психическое здоровье ее сына будет серьезно подорвано в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 24 Пакта в случае, если он отправится с ней Нигерию. Автор утверждала, что, если бы ее сыну, гражданину Канады, пришлось остаться в Канаде, он был бы разлучен со своей матерью, единственным опекуном, и его права, предусмотренные статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта, были бы таким образом нарушены (пункт 7.2 Соображения).

В отношении утверждения о нарушении статьи 17 и пункта 1 статьи 23 [Пакта] Комитет отмечает приведенный государством-участником аргумент о том, что решение вопроса о том, уедет ли сын автора с ней в Нигерию или останется в [Канаде], в случае чего это приведет к разлучению ребенка и матери, будет приниматься только семьей, а не в результате действий государства (пункт 7.4 Соображения).

Комитет считает, что вопрос о депортации в отношении матери-одиночки семилетнего ребенка, который является гражданином государства-участника⁹⁴, представляет собой вмешательство в семейную жизнь по смыслу статьи 17 Пакта. Комитет должен определить, является ли такое вмешательство в семейную жизнь автора произвольным или незаконным в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта и, следовательно, была ли государством предоставлена недостаточная защита для ее семьи в соответствии с пунктом 1 статьи 23 [Пакта] (пункт 7.5 Соображения).

Комитет отмечает, что высылка автора преследовала законную цель – выполнение иммиграционного законодательства. Кроме того, государство-участник пояснило, что основанием для высылки автора послужил отклонение ее ходатайства о получении защиты беженца и это ходатайство не имеет такого правового статуса, который мог бы дать ей надежду рассчитывать на то, что она сможет остаться в Канаде, и что поэтому она обязана ходатайствовать о получении постоянного вида на жительство из-за пределов страны (пункт 7.7 Соображения).

Комитет отмечает, что сын автора сообщения А.А. [сын Д.Т.] родился в Канаде в 2004 году и уехал из Нигерии с матерью в возрасте семи лет. А.А. страдает от ряда заболеваний, включая шум в сердце и врожденный порок развития мениска, в связи с чем ему была сделана операция в Канаде. В медицинских заключениях его педиатрического хирурга указано, что эта

---

⁹⁴ См. *Мадаффри против Австралии*, пункт 9.8.

проблема также может отразиться на его левом колене, поскольку заболевание часто носит двусторонний характер и может привести к необходимости проведения в будущем одной или нескольких артроскопических хирургических операций. Комитет отмечает, что сын автора страдает от синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (далее – СДВГ), в связи с чем ему был предписан ежедневный прием лекарств и был разработан междисциплинарный план действий в его школе в Канаде с участием специалистов в области специального образования (пункт 7.8 Соображения).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сердечное заболевание ребенка является доброкачественным и что необходимость проведения в будущем операции на его левом колене носит гипотетический характер. Кроме того, государство-участник считает, что автор не предприняла конкретных усилий по поиску необходимых медицинских и образовательных услуг, которые могли бы быть предоставлены для ее ребенка в Нигерии (пункт 7.9 Соображения).

Комитет считает, что в данном случае государство-участник не учло в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка автора и что вследствие этого его вмешательство в семейную жизнь автора и последующая недостаточная защита, предоставленная ее семье, вызвали чрезмерные трудности для автора и ее сына. Вынесение постановления о высылке автора поставило автора перед выбором: оставить своего семилетнего ребенка в Канаде или поставить его под угрозу отсутствия медицинской и образовательной поддержки, от которых он зависит. Комитету не было представлено никакой информации, указывающей на то, что ребенок может воспользоваться какой-либо альтернативной сетью поддержки взрослых в Канаде. В связи с этим вполне разумно было предположить, что автор заберет своего сына с собой обратно в Нигерию, в результате чего он будет лишен требуемой социально-образовательной поддержки. С учетом возраста и особых потребностей сына автора оба варианта, с которыми столкнулась семья – сын, который остается один в Канаде, или возвращение автора в Нигерию, – не могут рассматриваться в качестве отвечающих его наилучшим интересам. Тем не менее государство-участник надлежащим образом не объяснило, ни почему его законная цель обеспечить соблюдение своей иммиграционной политики, в том числе требование к автору направить ходатайство на получение постоянного вида на жительство за пределами Канады, должна быть важнее наилучших интересов ребенка автора, ни то, каким образом такая цель могла бы оправдать те трудности, с которыми столкнулась семья в результате решения о высылке автора. С учетом всех обстоятельств данного дела Комитет считает, что решение о высылке автора представляет собой несоразмерное вмешательство в семейную жизнь автора и ее сына, которое не может быть оправдано в свете приведенных государством-участником причин для высылки автора в Нигерию (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по статье 24, Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение

наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта⁹⁵. В свете своих выводов по статье 17 и пункту 1 статьи 23 Комитет считает, что вынесенное в отношении автора решение о высылке автора нарушило статью 24 [Пакта], поскольку при этом для А.А. не было обеспечено необходимых мер, на которые он имеет право в качестве ребенка со стороны государства-участника (пункт 7.12 Соображения).

Выводы Комитета: депортация автора в Нигерию представляла собой нарушение ее прав, предусмотренных статьей 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 23 Пакта, в отношении автора и ее сына, и, кроме того, пунктом 1 статьи 24 Пакта в отношении А.А. (пункт 8 Соображения).

выдворение в *Пакистан*

практика Комитета против пыток

Решение Комитета против пыток от 14 августа 2017 г. по делу *Г.И. против Дании* (сообщение № 625/2014).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать личная опасность применения пыток по возвращении в Пакистан. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все соответствующие обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (пункт 8.3 Решения).

При оценке риска применения пыток в рассматриваемом случае Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что ему лично угрожает предсказуемая и реальная опасность подвергнуться в случае его возвращения в Пакистан преследованию и пыткам со стороны мусульманской общины или со стороны властей или полиции ввиду его христианской веры и деятельности, поскольку он уже подвергался преследованиям, угрозам и нападениям по этой причине... Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что он дважды получал письма с угрозами и что он не менее двух раз подвергался нападению и физическому насилию ввиду его религиозной деятельности: в первый раз со стороны трех мужчин в августе 2011 года, когда он работал на своем такси, и во второй раз в неуказанную дату со стороны четырех полицейских, которые доставили его в полицейский участок, где избивали его, подвесили ногами к потолку и накачивали воду через нос, после чего они ложно обвинили его в незаконном хранении алкогольных напитков.

⁹⁵ См. Бахтияри против Австралии, пункт 9.7.

Комитет...принимает к сведению заявление государства-участника о том, что его национальные органы заключили, что заявления автора сообщения не вызывают доверия, поскольку, в частности, он сообщил в полицию лишь о случае угона его автомобиля, но не сообщил о получении письма с угрозами. Государство-участник...заявляет, что автор делал противоречивые заявления относительно письма с угрозами от 15 января 2010 г., поскольку сначала он говорил, что оно является анонимным, но позднее представил Совету письмо, подписанное одной религиозной группой, и делал противоречивые заявления относительно того, как он его получил: он сначала заявил, что не располагает этим письмом, но после того, как его ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, он предъявил его в качестве доказательства, заявив, что он оставил его на хранение у его матери, которая переслала ему это письмо (пункт 8.5 Решения).

Комитет...принимает к сведению утверждение заявителя на тот счет, что, несмотря на то, что он продемонстрировал Совету признаки предполагаемых пыток на его теле и просил провести специализированное медицинское освидетельствование на предмет проверки, действительно ли эти травмы являются результатом пыток, Совет отказал ему в предоставлении убежища без распоряжения о проведении такого освидетельствования. Он также принимает во внимание тот довод государства-участника, что в таком освидетельствовании не было необходимости, поскольку, каковы бы ни были его итоги, оно не могло служить доказательством того, что заявитель подвергся насилию по причине его деятельности в интересах христианской организации «Jesus Hope for Life» и что такое освидетельствование не продемонстрирует, что опасность будет грозить в Пакистане лично заявителю и будет в настоящее время реальной. Комитет...принимает во внимание довод государства-участника на тот счет, что медицинское свидетельство, представленное заявителем, не служит подтверждением того, что он является жертвой пыток, поскольку описанные в нем травмы могли быть результатом пытки или могли быть вызваны «многими другими причинами, такими как несчастный случай или война» (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что тот факт, что заявитель был задержан в Пакистане полицией, подвергся насилию и был обвинен в незаконном хранении алкогольных напитков, не оспаривается. Комитет...отмечает, что Совет заключил, что хотя заявления автора сообщения о событиях, служащих, по его утверждению, основанием для предоставления убежища, были последовательными, в ходе собеседований в Иммиграционной службе и в Совете он делал непоследовательные заявления относительно письма от 15 января 2010 г., в том числе о том, кем оно подписано и каким образом он его заполучил. Комитет...принимает во внимание утверждение заявителя о том, что он сообщил властям государства-участника, что он не мог ясно помнить всех деталей событий, поскольку его память пострадала

в результате нанесения ему во время пытки ударов по голове и что поэтому в его случае должен был применяться другой стандарт доказывания (пункт 8.7 Решения).

Комитет напоминает о том, что, хотя на заявителе лежит обязанность представить убедительные свидетельства в обоснование своего ходатайства о предоставлении убежища, это не освобождает государство-участник от необходимости приложить значительные усилия к тому, чтобы определить, есть ли основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения⁹⁶. В этих обстоятельствах Комитет считает, что заявитель представил органам государства-участника достаточные материалы, подтверждающие его утверждения о том, что он подвергался пыткам, в том числе медицинское свидетельство⁹⁷, с тем чтобы они продолжили расследование его заявлений, в частности путем проведения специализированного медицинского освидетельствования. Поэтому Комитет заключает, что, отклонив ходатайство заявителя о предоставлении убежища, не пытаясь осуществить дальнейшее расследование его заявлений и не распорядившись о проведении медицинского освидетельствования, государство-участник не смогло определить, есть ли серьезные основания полагать, что заявителю в случае возвращения будет угрожать опасность подвергнуться пыткам. Соответственно, Комитет приходит к тому выводу, что в данных обстоятельствах депортация заявителя в страну его происхождения будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 8.8 Решения).

Выводы Комитета: высылка государством-участником заявителя в Пакистан будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *А и Б против Дании*. Сообщение № 2291/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 13 июля 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание заявление авторов о том, что в случае их высылки в Пакистан им будет грозить жестокое обращение или лишение жизни ввиду их принадлежности к общине ахмадитов; и что государственные власти в Пакистане не смогут защитить их от преследования, поскольку ахмадитская религия в соответствии с внутренним правом считается уголовным преступлением. Комитет...принимает во внимание замечания государства-участника, в частности, о том, что не существует свидетельств, позволяющих считать, что в Пакистане они были специально выбраны в качестве объекта угроз, и что решение Апелляционного совета по делам беженцев было вполне обоснованным и базировалось на всеобъемлющем и тщательном рассмотрении

⁹⁶ См. *К.Х. против Дании*, пункт 8.8; и *Ф.К. против Дании*, пункт 7.6.

⁹⁷ См. пункт 2.3 выше.

доказательств по данному делу и на текущей информации, касающейся положения ахмадитов в Пакистане (пункт 8.2 Соображений).

Комитет отмечает, что власти государства-участника, рассмотрев свидетельства, представленные авторами в их ходатайстве о предоставлении убежища, а также в ходе собеседований с ними и во время устных слушаний, пришли к тому заключению, что авторы не доказали, что по возвращении в Пакистан им лично будет грозить опасность причинения вреда. Комитет, в частности, отмечает, что Апелляционный совет по делам беженцев принял во внимание утверждение авторов на тот счет, что начиная с июня 2012 года они получали письма с угрозами и что примерно в то же время неизвестными лицами на стене их дома был начерчен крест. Совет заключил, что ситуация, с которой авторы могут столкнуться, является не настолько серьезной, чтобы свидетельствовать о вполне обоснованных опасениях подвергнуться преследованию со стороны властей или частных лиц вследствие религиозных убеждений авторов. Он отметил, что ахмадитов в Пакистане насчитывается от 2 до 4 миллионов и что пакистанское законодательство существенно ограничило их возможность исповедовать свою веру. Вследствие этого ахмадиты нередко подвергаются угрозам и злостному преследованию со стороны некоторых других групп. Однако Совет заключил, что авторы не обосновали свое утверждение на тот счет, что в Пакистане они столкнутся с конкретной и прямой для них опасностью преследования или жестокого обращения. Притеснения, которым подверглись авторы, имели «ограниченную степень серьезности», поскольку они получали угрозы только в течение ограниченного периода времени до их отъезда из Пакистана... [Т]акие анонимные угрозы имели характер, аналогичный характеру угроз, с которыми сталкиваются многие ахмадиты. Совет также принял во внимание заявление автора-женщины о том, что сыновья авторов все еще живут в том же доме в Лахоре, в котором жили авторы, продолжают работать в семейном бизнесе и не подвергаются злостному преследованию после отъезда авторов из Пакистана (пункт 8.4 Соображений).

Комитет...принимает во внимание заключения Совета относительно того, что, хотя ахмадиты в Пакистане нередко подвергаются угрозам и злостному преследованию со стороны других групп, оба автора заявляли в процессе внутреннего разбирательства, что никто им устно не угрожал и не было никаких личных подходов с угрозами. Комитет...принимает во внимание заявления авторов, содержащиеся в их ходатайстве о предоставлении убежища и в сообщении, согласно которым они в трех случаях были объектом инцидентов в трех районах за пределами Лахора, но отмечает, что они не предоставили дополнительных подробностей об этих инцидентах ни Комитету, ни датским властям. Хотя авторы сообщения утверждают, что один из их сыновей был вынужден покинуть Пакистан, эта информация не была доведена до сведения датских властей, и авторы не предоставляют никакой дополнительной информации об обстоятельствах, связанных с отъездом их сына (пункт 8.5 Соображений).

Комитет считает, что авторы не отметили каких-либо нарушений в процессе принятия решений или какой-либо фактор риска, который власти государства-участника не приняли должным образом во внимание. Хотя авторы не согласны с заключениями властей государства-участника по фактической стороне дела, они не смогли доказать, что такие заключения были произвольными или откровенно ошибочными либо сводились к отказу в правосудии... Комитет не может сделать вывод о том, что представленная ему информация подтверждает, что в случае высылки авторов в Пакистан им будет грозить личная и реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему пункту 1 статьи 6 или статье 7 Пакта (пункт 8.6 Соображений).

Выводы Комитета: высылка авторов в Пакистан не будет являться нарушением их прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 6, статьями 7 или 18 Пакта (пункт 9 Соображений).

выдворение в Сирийскую Арабскую Республику

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 52722/15 «**С.К. против России**»⁹⁸ (вынесено 14 февраля 2017 г., вступило в силу 14 мая 2017 г.), которым установлено, что административное выдворение Коуро (Куро) Сабри, в Сирийскую Арабскую Республику будет являться нарушением статей 2 и 3 Конвенции.

Одновременно установлено нарушение российскими властями статей 2 и 3 во взаимосвязи со статьей 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя средств правовой защиты от административного выдворения, в результате которого его жизнь и здоровье могли быть подвергнуты реальной опасности.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался, что его административное выдворение из России в Сирию повлекло бы в 2015 году и по-прежнему повлечет за собой нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

Заявитель жаловался, что его административное выдворение из России в Сирию повлекло бы в 2015 году и по-прежнему может повлечь за собой нарушение статей 2 и 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...жалоба заявителя в Суд была подана в контексте продолжающихся военных действий в Сирии и, в частности, в его родном городе Алеппо, а также в связи с возможностью того, что он будет

⁹⁸ Также Европейский Суд установил нарушения статьи 13 Конвенции в сочетании со статьями 2 и 3 Конвенции в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты от административного выдворения; пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции в связи с помещением заявителя в специальное учреждение временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства УФМС России по постановлению районного суда, а также отсутствием у заявителя возможности обжаловать законность и обоснованность его содержания в соответствующем учреждении.

призван на действительную военную службу, что увеличит риск для его жизни и здоровья» (пункт 57 постановления).

Суд уточнил, что «...если заявитель еще не был выдворен, моментом для оценки следует считать момент рассмотрения дела в Суде...Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств по статье 3 Конвенции в таких случаях заключается в том, что лицо подвергается реальному риску смерти или жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться в первую очередь со ссылкой на эти факты, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент выдворения. Оценка должна быть сосредоточена на предсказуемых последствиях выдворения заявителя в страну назначения в свете общей ситуации в такой стране и на его личных обстоятельствах» (пункт 58 постановления).

Европейский Суд установил, что «...стороны не представили каких-либо конкретных доводов и не представили каких-либо материалов относительно развития ситуации в Сирии за период с конца 2015 года (в особенности с февраля 2015 года, когда было вынесено оспариваемое постановление об административном выдворении) до момента рассмотрения дела Судом...[В] первую очередь именно Власти государства-ответчика должны представить доказательства того, что общая ситуация в Сирии такова, что не требует защиты согласно статье 3 Конвенции» (пункт 59 постановления).

Суд отметил, что «...ситуация с безопасностью и гуманитарная ситуация, а также тип и масштабы военных действий в Сирии резко ухудшились в период между прибытием заявителя в Россию в октябре 2011 года и распоряжением о его выдворении, вынесенным в феврале 2015 года, а также в период между указанным временем и отказом в удовлетворении его заявления о предоставлении временного убежища.... [Н]есмотря на соглашение о прекращении военных действий, подписанное в феврале 2016 года, различные стороны военных действий применяли методы и тактику ведения войны, которые увеличили риск жертв среди гражданского населения или были непосредственно направлены против гражданских лиц» (пункты 60-61 постановления).

Суд подчеркнул, что «...[в] настоящем деле...не были предоставлены какие-либо материалы, которые подтвердили бы, что ситуация в Дамаске достаточно безопасна для заявителя, который утверждает, что он будет призван на действительную военную службу, или что заявитель может выехать из Дамаска в безопасный район Сирии» (пункт 62 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «...выдворение заявителя из России в Сирию на основании постановления от 26 февраля 2015 г., оставленного без изменения в результате апелляционного рассмотрения, будет составлять нарушение статей 2 и 3 Конвенции» (пункт 63 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14 «*Л.М. и другие против Российской Федерации*» (вынесено 15 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Заявители в частности утверждали, что их возвращение в Сирию нарушит их права, гарантированные статьями 2 и 3 Конвенции, и что их содержание в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан (далее – специальное учреждение, центр временного содержания иностранных граждан) в России нарушало статьи 3 и 5 Конвенции.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отметил, что «...внутригосударственные суды ограничились установлением того, что нахождение заявителей на территории России является незаконным... [Р]айонный суд и... областной суд не стали подробно рассматривать угрозы, на которые ссылались заявители, и множество международных и национальных источников, описывающих текущую ситуацию в Сирии... [В]виду абсолютного характера статьи 3 невозможно сравнить наличие угрозы жестокого обращения и оснований для выдворения...Подход судов в настоящем деле вызывает особое сожаление, поскольку в стране существует практика, согласно которой внутригосударственные суды, в том числе Верховный [С]уд [Российской Федерации], при рассмотрении административных правонарушений в области иммиграции принимают во внимание и придают существенное значение аргументам истцов о существовании серьезной угрозы жестокого обращения. В результате постановление о выдворении может быть отменено» (пункт 115 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «...общая ситуация насилия, как правило, сама по себе не приводит к нарушению статьи 3 в случае выдворения...; однако он никогда не исключает вероятность того, что общая ситуация насилия в стране назначения является настолько напряженной, что создает реальную опасность того, что выдворение заявителя в эту страну обязательно повлечет нарушение статьи 3 Конвенции. Тем не менее, Суд принимает такой подход только в самых тяжелых случаях общего насилия, где существует реальная угроза жестокого обращения попросту в силу того, что по возвращении лицо станет объектом этого насилия (пункт 119 постановления).

Европейский Суд установил, что «...заявители родом из г. Алеппо и г. Дамаска, где идут особо жестокие сражения. [Один из заявителей] рассказал об убийстве его родственников вооруженными ополченцами, которые захватили район, в котором он жил. Он также сказал, что он боялся, что его тоже убьют. [Другой заявитель] имеет палестинское происхождение и не имеет гражданства. Согласно УВКБ ООН⁹⁹, «почти все области, в которых проживает большое количество беженцев из Палестины, непосредственно затронуты конфликтом». УВКБ ООН считает, что данная группа людей нуждается в международной защите. Суд также отмечает, что заявителями являются

---

⁹⁹ Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев.

молодые люди, которые, по мнению «Хьюман Райтс Вотч»¹⁰⁰, особенно подвержены угрозе содержания под стражей и жестокого обращения» (пункт 124 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что «...заявители обоснованно утверждают, что их возврат в Сирию нарушит статьи 2 и/или 3 Конвенции. Власти не представили никаких доводов или информации, которая могла бы опровергнуть эти утверждения. Также... [власти] не сослались на какие-либо особые обстоятельства, которые обеспечивали бы заявителям защиту в случае возврата в Сирию» (пункт 125 постановления).¹⁰¹

¹⁰⁰ *Human Rights Watch*. Неправительственная организация, осуществляющая мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека.

¹⁰¹ Европейский Суд напомнил, рассматривая представленные жалобы в части предполагаемого нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции что «с момента вынесения постановления по делу «Азимов против России», которое касалось аналогичной жалобы..., он установил нарушение пункта 4 статьи 5 в ряде дел против России ввиду отсутствия в национальном законодательстве положения, которое позволило бы заявителю возбудить процедуру судебного пересмотра его содержания в специальном учреждении в ожидании выдворения.... В деле «Ким против России» власти признали нарушение пункта 4 статьи 5 и, учитывая повторяющийся характер нарушения, Суд указал, что власти России должны «обеспечить в своей правовой системе наличие механизма, посредством которого лица могли бы возбуждать производство с целью рассмотрения законности их в специальном учреждении до административного выдворения, в свете событий в производстве по административного выдворения» (п. 141 постановления).

Суд установил, что «...заявители в настоящем деле не имели в своем распоряжении процедуру для судебного пересмотра законности их содержания в специальном учреждении. Таким образом...имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении каждого из трех заявителей» (п. 142 постановления).

Рассматривая вопрос о соблюдении требований подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд вновь напомнил, что «...[л]юбое лишение свободы в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 может быть оправданным только в ходе производства по делу о депортации или экстрадиции. Если это производство не осуществляется с должной тщательностью, лишение свободы перестает быть приемлемым по смыслу подпункта «f» пункта 1 статьи 5...[Л]ишение свободы в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 должно отвечать материально-правовым и процессуальным нормам внутригосударственного законодательства. Однако соблюдения норм национального законодательства недостаточно: пункт 1 статьи 5 требует, чтобы любое лишение свободы учитывало цель защиты лица от произвола. Понятие «произвол», содержащееся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, не ограничивается несоблюдением норм национального права, вследствие чего лишение свободы может являться правомерным в рамках национального законодательства, но при этом быть произвольным и, следовательно, противоречащим требованиям Конвенции. Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылаются власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, разумно необходимого для достижения преследуемой цели» (п. 146 постановления).

Суд пришел к выводу, что «изначальное постановление о помещении заявителей в специальное учреждение соответствовало букве национального закона. Кроме того, ввиду

выдворение в *Республику Таджикистан*

практика Европейского Суда по правам человека

Решение Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25923/15 «*А.Р. против России*» (вынесено и вступило в силу 10 мая 2016 г.), которым отклонены жалобы заявителя на нарушения статей 3, 8 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹⁰² в связи с объявлением ему официального предостережения ФСБ России о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступления, и аннулированием разрешения на его временное проживание в Российской Федерации, что, по мнению заявителя, создавало для него угрозу разлучения с семьей в результате принудительного перемещения в Республику Таджикистан, где для него существовала угроза пыток.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель утверждал, что предостережение ФСБ России в отношении него в контексте аннулирования его разрешения на проживание и отклонения других оснований для его пребывания в Российской Федерации создало ситуацию, в которой он неотвратимо подлежал выдворению в Таджикистан, где для него существовала угроза обращения, нарушающего

коротких доводов заявителей относительно ситуации в Сирии, представленных в ходе судебных слушаний, можно обоснованно сказать, что в течение первоначального периода содержания в специальном учреждении в отношении заявителей принимались меры с целью выдворения, поскольку, судя по всему, на данном этапе власти все еще выясняли, возможно ли осуществить их выдворение» (п. 147 постановления).

Европейский Суд, однако, подчеркнул, что «...в апелляционных жалобах, поданных в... областной суд, заявители четко указали, со ссылкой на соответствующие российские источники, что выдворение в Сирию невозможно... 27 мая 2014 года областной суд оставил без изменения постановления о выдворении и помещении в специальное учреждение, не рассмотрев доводы относительно возможности выдворения. Отдельным определением областной суд отказал в ходатайстве [одному из заявителей] об отмене наказания в виде выдворения, сославшись лишь на административное правонарушение, которое тот совершил... В июне 2014 года Федеральная служба судебных приставов попросила тот же суд приостановить исполнение постановлений о выдворении, указав, что выдворение не может быть осуществлено. Суд вновь отказал, сославшись на отсутствие правовых оснований для отсрочки выдворения... В результате, несмотря на наличие достаточного количества материалов, указывающих на то, что не следует принимать никаких мер с целью выдворения, содержание заявителей в специальном учреждении было санкционировано. [Двое заявителей] до сих пор содержатся в специальном учреждении, в то время как [третий заявитель] сбежал и находится на свободе с августа 2014 года. Таким образом, при обстоятельствах настоящего дела Суд при[шел] к выводу о том, что нельзя сказать, что после 27 мая 2014 года заявители являлись лицами «в отношении которых принимались меры с целью их выдворения или экстрадиции». Следовательно, их содержание в специальном учреждении после этой даты не было приемлемым согласно оговорке к праву на свободу, содержащейся в подпункте «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции» (п. 148 постановления).

¹⁰² Далее также – Конвенция.

положения статьи 3 Конвенции. Кроме того, обстоятельства дела влекли или могли повлечь за собой нарушение статьи 8 Конвенции. Наконец, заявитель также утверждал, что в обстоятельствах дела он не располагал какими-либо эффективными средствами правовой защиты.

Европейский Суд принял во внимание довод Властей о том, что заявитель мог открыто требовать судебного пересмотра решения об аннулировании его разрешения на временное проживание (пункт 56 решения).

Суд отмечает, что решение об аннулировании разрешения заявителя на проживание содержало четкое и однозначное требование покинуть Российскую Федерацию, в противном случае он будет депортирован; отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца также предусматривал, что он должен покинуть Российскую Федерацию... вышеизложенное не обязательно подразумевает, что выдворение заявителя неизбежно и вытекает из обстоятельств дела. Согласно российскому законодательству, решение, требующее выдворения иностранного гражданина из страны, принимается до того, как такой иностранный гражданин может быть выдворен, например, постановление об экстрадиции, решение, предусматривающее наказание в форме административного выдворения за административное правонарушение, или решение о нежелательности пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина и его депортации...и любое подобное постановление о выдворении...может быть обжаловано. В отсутствие какого-либо из таких решений по общему правилу нельзя говорить, что заявитель является «жертвой» потенциального нарушения статьи 3 Конвенции, как в настоящем деле, ввиду риска жестокого обращения в Таджикистане» (пункт 57 решения).

Европейский Суд подчеркнул, что ему не были представлены какие-либо доказательства того, что таджикские власти предпринимали какие-либо действия с целью возвращения заявителя в Таджикистан (например, запрос об экстрадиции или постановление об установлении слежки за заявителем), или что российские власти сообщали таджикским властям о своих подозрениях в отношении заявителя (пункт 59 решения).

Суд заключил, что признаки, позволяющие сделать вывод или допустить, что таджикские власти имеют или вероятно могут иметь «негативную заинтересованность» в заявителе, и что заявитель подвергается риску или страдает вследствие «замаскированной экстрадиции», отсутствуют...[Ж]алоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в настоящее время лишена оснований. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции (пункты 59-60 решения).

В отношении нарушений статей 8 и 13 Конвенции Суд установил, что в отсутствие постановления об административном выдворении доводы заявителя относительно будущих негативных последствий для его «семейной жизни», вытекающие из его выдворения с территории Российской Федерации, были и остаются спекулятивными. Следовательно, в настоящее время в данной части

жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 63 решения).

Суд пришел к выводу, что национальные власти допускали продолжение пребывания заявителя в стране в период различных административных и судебных разбирательств с его участием после аннулирования его разрешения на проживание, а затем также в соответствии с указанием Суда, содержащимся в правиле 39 Регламента Суда. Соответственно, данная часть жалобы, в том виде, в котором она была представлена Суду, является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции (пункт 64 решения).

выдворение в *Республику Узбекистан*

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 58923/14 «*Холмуродов против России*» (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.), которым установлено, что исполнение решения УФМС России о депортации заявителя либо его иное принудительное перемещение в Республику Узбекистан (в порядке экстрадиции, депортации или иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.¹⁰³

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что отправка его в родную страну, Узбекистан, подвергла бы его обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, по причине обвинений в уголовных правонарушениях, вынесенных в его отношении в этом государстве

Европейский Суд отметил, что «...лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране...[Т]акже, если лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе, он может не доказывать наличие дополнительных особых отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности» (пункт 64 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что «...заявитель обвиняется в Узбекистане, в числе прочего, в посягательстве на конституционный строй, изготовлении и разглашении материалов, посягающих на общественную

¹⁰³ Наряду с этим установлено нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от выявленных нарушений.

Установлено также нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей в целях экстрадиции.

Одновременно отклонена жалоба заявителя на нарушение статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции в связи с отсутствием процессуальных гарантий при принятии решения о депортации заявителя в Республику Узбекистан.

безопасность и общественный порядок, а также в создании и управлении экстремистскими религиозными организациями, сепаратистскими, фундаменталистскими и другими запрещенными организациями и в участии в таких организациях...[Э]ти обвинения носят, без сомнения, политический и религиозный характер, что причисляет заявителя к группе особенно уязвимых лиц, подверженных риску жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...дипломатические заверения¹⁰⁴ сами по себе не являются достаточными. Необходимо, чтобы эти заверения предоставляли в своем практическом применении достаточную гарантию, что заявитель действительно будет защищен от риска применения жестокого обращения...[З]аверения, данные органами власти Узбекистана, не предусматривали дипломатических или основанных на участии наблюдателей механизмов, которые позволяли бы обеспечить объективный контроль за их соблюдением» (пункт 66 постановления).

Суд подчеркнул, что «...одного только существования внутригосударственных норм и ратификации международных соглашений, гарантирующих уважение основных прав человека, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую защиту от риска жестокого обращения, поскольку, как в настоящем деле, достоверные источники подтверждают практику органов власти – или допускаемую ими – явно противоречащую принципам Конвенции» (пункт 67 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...высылка заявителя в Узбекистан подвергла бы его реальному риску жестокого обращения, противоречащему статье 3 Конвенции» (пункт 70 постановления).¹⁰⁵

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы, касающиеся риска ненадлежащего обращения, которому он подвергся бы в случае возвращения в Узбекистан, не были надлежащим образом рассмотрены государственными органами, что, по его словам, нарушало статью 13 Конвенции.

Суд отметил, что «...суды не рассмотрели доводы заявителя, касающиеся риска жестокого обращения, ограничившись обоснованием применения депортации соображениями охраны общественного порядка...[Р]ешение [Управления федеральной миграционной службы России], которым заявителю было предоставлено временное убежище, не содержало ни анализа его личного положения, ни оценки риска, которому он мог быть подвергнут в случае перемещения в Узбекистан, и что оно ограничивалось упоминанием обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента...[Н]и первая, ни вторая из этих процедур не предоставила заявителю внимательного контроля и тщательного рассмотрения, которых требует статья 13, в том, что касается его заявления, в соответствии с которым

¹⁰⁴ Дипломатические заверения, в соответствии с которыми заявитель не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в своей родной стране.

¹⁰⁵

он подвергался риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 77 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...[заявитель] не имел эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13, чтобы отстаивать свою жалобу по статье 3 Конвенции» (пункт 78 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 68900/13, «*Эшонкулов против России*» (вынесено 15 января 2015 г., вступило в силу 1 июня 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Суд отмечает, что более десятилетия органы Организации Объединенных Наций и международные неправительственные организации представляли тревожные доклады о ситуации в системе уголовного правосудия Узбекистана, использовании пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, плохих условиях в следственных изоляторах, систематическом преследовании политической оппозиции и грубом отношении к определенным религиозным группам (пункт 33 постановления).

[Р]ешения миграционных органов власти и судов опирались, главным образом на тот факт, что заявитель слишком долго ждал, прежде чем обратиться за предоставлением статуса беженца, и что заявитель не обосновал свои утверждения о риске преследования на религиозных или политических основаниях. Во-первых, Суд повторяет, что хотя отсутствие обращения лица за предоставлением убежища немедленно после прибытия в другую страну имеет значение для оценки достоверности его утверждений, выводы внутригосударственных органов в отношении необращения за предоставлением статуса беженца в надлежащий срок сами по себе не опровергают его утверждения в соответствии со [с]татьей 3 Конвенции¹⁰⁶... Во-вторых, Суд подчеркивает, что критерий, определенный для предоставления статуса беженца, не идентичен использованному для оценки риска обращения, противоречащего [с]татье 3 Конвенции. Заявитель предоставил подробные замечания о риске подвергнуться жестокому обращению в случае возвращения в его родную страну, опираясь на информацию различных международных организаций и постановления Суда. Тем не менее, внутригосударственные решения включали только беглое упоминание таких замечаний, а не их подробный анализ (пункт 41 постановления).

Что касается судебного разбирательства по вопросу об административном выдворении заявителя, Суд отмечает, что сфера рассмотрения внутригосударственными судами была сильно ограничена установлением того факта, что присутствие заявителя в России являлось незаконным. В связи с этим Суд повторяет, что с учетом абсолютного характера [с]татьи 3, невозможно противопоставлять риск жестокого обращения и основания для высылки.... Следовательно, выводы внутригосударственных судов в отношении несвоевременного обращения заявителя за предоставлением статуса

---

¹⁰⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

беженца не опровергают, по существу, его утверждения в соответствии со [с]татьей 3 Конвенции (пункт 42 постановления).

Суд отмечает, что власти в своих замечаниях указали на то, что в решении о выдворении заявителя не было указано, что он должен был быть выслан в Узбекистан, а лишь констатировалось, что он был обязан покинуть территорию России. Тем не менее, Суд должен принять аргумент заявителя о том, что никакой другой возможности не обсуждалось в ходе судебных разбирательств по вопросу о выдворении. Кроме того, Суд отмечает, что Власти не представили информации о какой-либо другой стране, желающей принять заявителя. Соответственно, Суд не может не заключить, что решение об административном выдворении заявителя предполагало его выдворение в Узбекистан (пункт 44 постановления).

Суд уже рассматривал ряд дел, связанных с риском быть подвергнутым жестокому обращению в случае выдачи или выдворения лиц из России и других государств-участников Совета Европы в Узбекистан. Ссылаясь на материалы, полученные из различных источников, Суд установил, что общая ситуация в области прав человека в Узбекистане вызывает тревогу, и что данные международных организаций свидетельствуют о серьезной и неослабевающей проблеме жестокого обращения с заключенными, о «систематической» и «ничем не ограниченной» практике применения пыток к тем, кто содержится под стражей, а также об отсутствии реальных доказательств, демонстрирующих какие-либо существенные улучшения в этой области (пункт 45 постановления).

Что касается личной ситуации заявителя, Суд отмечает, что он был объявлен в розыск узбекскими властями в связи с обвинениями в предположительном участии в мусульманской экстремистской организации. Указанные обвинения составляли основания для запроса о выдаче и ордера на арест, выданных в отношении заявителя. Таким образом, его ситуация является аналогичной ситуации тех мусульман, которые распространяли свои религиозные убеждения за пределами официальных институтов и официальных рекомендаций, вследствие чего были обвинены в религиозном экстремизме и принадлежности к запрещенным религиозным организациям, и по этой причине, о чем говорится в вышеуказанных докладах и постановлениях Суда, подвергались повышенной опасности жестокого обращения (пункт 46 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 74759/13, «*Фозил Назаров против России*» (вынесено 11 декабря 2014 г., вступило в силу 20 апреля 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что в случае экстрадиции или выдворения в Узбекистан он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции.

Суд отметил, что «заявитель сообщал в национальных судах о своих страхах подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане. Верно, что впервые он поднял вопрос жестокого обращения в своей апелляции против распоряжения об административном выдворении. Тем не менее, Суд не находит это необоснованным, учитывая, что заявителю стало известно об угрозе того, что его могут вернуть на родину, в тот момент, когда он узнал о постановлении о его административное выдворение в Узбекистан... При рассмотрении его апелляционной жалобы, однако, суд отклонил аргументы заявителя касательно риска жестокого обращения по двум причинам: во-первых, так как заявитель не подал заявление о предоставлении статуса беженца сразу же после прибытия в Россию, и во-вторых, так как его утверждения были необоснованными» (пункт 36 постановления).

Что касается ссылки суда апелляционной инстанции на то, что заявитель не подал заявление о предоставлении статуса беженца в надлежащее время, Суд вновь использует свой постоянный подход, заключающийся в том, что хотя тот факт, что лицо не обратилось за предоставлением убежища сразу же по прибытии в другую страну, может иметь отношение к оценке достоверности его утверждений, невозможно сравнивать риск жестокого обращения с лицом и причины, обосновывающие его выдворение. Поведение лица, каким бы оно ни было нежелательным или опасным, не может приниматься во внимание, в результате чего защита, предоставляемая статьей 3 Конвенции, шире, чем защита, предусмотренная статьями 32 и 33 Конвенции Организации Объединенных Наций о статусе беженцев 1951 года... Суд отмечает, что в настоящем деле заявитель прибыл в Россию в 2010 году, когда против него не было выдвинуто никаких обвинений, и обратился за предоставлением статуса беженца вскоре после того, как узнал о таких обвинениях. Кроме того, выводы внутригосударственных судов в отношении несвоевременного обращения заявителя за предоставлением статуса беженца не опровергают, по существу, его утверждения в соответствии со статьей 3 Конвенции (пункт 37 постановления).

Что касается рекомендации апелляционного суда отказать в приобщении к делу убедительные доводы о существовании риска, Суд вновь повторяет, что требование к заявителю представить «бесспорные» доказательства риска жестокого обращения в запрашивающей стране было бы равносильно требованию доказать существование события в будущем, что невозможно, и наложило бы на него непосильное бремя ... Любое утверждение такого рода всегда касается возможности, чего-то, что может произойти или не произойти в будущем. Следовательно, такие утверждения нельзя доказать таким же образом, как и события в прошлом. От заявителя можно лишь потребовать доказать со ссылкой на конкретные факты, относящиеся к нему и к его социальной группе, высокую вероятность жестокого с ним обращения... Заявитель по настоящему делу представил подробную информацию на этот счет. В частности, заявитель взял за основу международные доклады и прецедентную практику Суда... Суд поражен кратким изложением оснований,

приведенных национальными судами при отклонении доводов заявителя и их отказе принимать во внимание доказательства из надежных источников, таких как доклады международных организаций и прецедентная практика Европейского Суда. В таких обстоятельствах Суд не убежден, что вопрос о вероятности жестокого обращения являлся предметом тщательного изучения в ходе внутригосударственных судебных разбирательств (пункт 38 постановления).

С учетом... доступных материалов, указывающих на существование реальной опасности жестокого обращения, с лицами, обвиняемыми, подобно заявителю, в участии в деятельности запрещенных религиозных организаций в Узбекистане, и на отсутствие достаточных гарантий избежать такого риска, Суд приходит к заключению, что принудительное возвращение заявителя в Узбекистан подвергло бы его серьезной опасности обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, и, таким образом, способствовало бы нарушению этой статьи (пункт 39 постановления).

выдворение в *Эритрею*

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *X против Дании*. Сообщение № 2007/2010. Сообщение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 26 марта 2014 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждения автора о том, что отсутствие у него эритрейского паспорта и отметки о выезде из страны делают его уязвимым, поскольку он не сможет доказать, что он никогда не жил в Эритрее и покинул страну законным образом. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что эритрейские власти подвергают возвращающихся просителей убежища, которым было отказано в их просьбе, жестокому обращению. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что автор может получить эритрейский паспорт в посольстве Эритреи в Дании... Комитет далее отмечает тот факт, что согласно достоверным источникам информации незаконные эмигранты, просители убежища, получившие отказ, и лица, уклоняющиеся от призыва, рискуют подвергнуться крайне жестокому обращению по возвращении в Эритрею, а также утверждение автора о том, что ему придется отказаться от прохождения военной службы по соображениям совести¹⁰⁷. Он

¹⁰⁷ См. подготовленные УВКБ *Руководящие принципы по оценке потребностей в международной защите просителей убежища из Эритреи* (апрель 2009 года): «Лица, уклоняющиеся от призыва/дезертиры, как сообщается, часто подвергаются пыткам» (стр. 14); «Согласно ряду сообщений, эритрейцам, подвергнутым принудительному возвращению, грозит арест без предъявления обвинений, содержание под стражей, жестокое обращение, пытки и порой смерть со стороны властей. Сообщается, что они содержатся под стражей без связи с внешним миром, в переполненных камерах, не отвечающих нормам гигиены, практически не имея доступа к медицинской помощи, иногда в течение длительных сроков... УВКБ известно по меньшей мере о двух эритрейских просителях убежища, прибывших в

считает, что государство-участник не приняло должным образом во внимание обеспокоенность о том, что личные обстоятельства автора, включая отсутствие у него возможности доказать, что он покинул Эритрею на законном основании, могут привести к тому, что его сочтут получившим отказ просителем убежища или лицом, не выполнившим требование о прохождении обязательной военной службы в Эритрее, или лицом, отказывающимся от военной службы по соображениям совести. Соответственно, Комитет считает, что государство-участник не признало потенциальный статус автора как лица, которому угрожает потенциальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему требованиям статьи 7. Поэтому Комитет считает, что высылка автора в Эритрею, если она будет осуществлена, будет представлять собой нарушение статьи 7 Пакта (пункт 9.3 Решения).

Выводы Комитета: выдворение автора в Эритрею, если она будет осуществлена, нарушит статью 7 Пакта (пункт 9.5 Решения).

выдворение на Ямайку

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *А.Х.Г. против Канады.* Сообщение № 2091/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 25 марта 2015 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что автор переехал в Канаду в возрасте 18 лет и прожил в ней непрерывно 31 год вплоть до его высылки на Ямайку 29 августа 2011 года; что в 1993 году у него была диагностирована параноидная шизофрения – серьезное психическое расстройство, из-за которого он провел полтора года на лечении в стационаре и затем регулярно проходил амбулаторное психиатрическое лечение; что в 2005 году, после того как его выселили из его квартиры и он стал жить в приютах, у него начались трудности с соблюдением режима медикаментозного лечения и периодические обострения психотического состояния; что 23 марта 2006 года состоялось решение о том, что он не может

Судан после побега из-под стражи в Эритрее, куда они были высланы из Египта в июне 2008 года. Эритрейцы, которые были принудительно возвращены из Мальты в 2002 году и Ливии в 2004 году, были арестованы по прибытии в Эритрею и подвергнуты пыткам. Возвращенные лица были направлены в две тюрьмы, расположенные на острове Дахлак и на побережье Красного моря, в которых, как по-прежнему считается, большинство заключенных содержится под стражей без связи с внешним миром. Также имеются неподтвержденные сообщения о том, что некоторые из лиц, возвращенных из Мальты, были убиты. В другом случае получившая отказ просительница убежища была задержана эритрейскими властями после ее принудительного возвращения из Соединенного Королевства. 14 мая 2008 года иммиграционные службы Германии подвергли принудительному возвращению в Эритрею двух получивших отказ просителей убежища. Сообщается, что они были задержаны в аэропорту в Асмаре по прибытии и до сих пор содержатся под стражей без связи с внешним миром, при этом считается, что им угрожает применение пыток или других форм жестокого обращения» (стр. 33–34).

проживать на территории Канады в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Закона об иммиграции и защите беженцев в связи с его выраженными уголовными наклонностями, и в частности в связи с тем, что в июне 2005 года он был признан виновным в нападении с применением оружия и был приговорен к 1 дню тюремного заключения в дополнение к тем 80 дням, которые он уже провел в режиме досудебного содержания под стражей. Комитет... отмечает, что в решении от 22 апреля 2011 года, касавшемся ходатайства автора о применении соображений гуманности и сочувствия, была признана причинная связь между его уголовными наклонностями и болезнью (пункт 10.3 Соображений).

Учитывая обстоятельства данного дела и признавая законное стремление государств-участников обеспечить защиту общества, Комитет, тем не менее, считает, что применение к такому психически больному и нуждающемуся в особой защите человеку, как автор, который прожил в Канаде большую часть своей жизни, решения о его высылке на Ямайку по причине совершения им уголовных деяний, связь которых с его психическим расстройством установлена и признана, в результате чего тут же прекратилась медицинская помощь и помощь со стороны семьи, столь очевидно и неизбежно необходимые лицу в таком уязвимом положении, представляет собой нарушение государством-участником его обязанностей в соответствии со статьей 7 Пакта (пункт 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: выдворение автора на Ямайку явилось нарушением его прав по смыслу статьи 7 Пакта (пункт 11 Соображений).

I.b Международным договорным органом установлено отсутствие нарушения права лица не подвергаться пыткам, иным формам недопустимого обращения в случае его административного выдворения

выдворение в *Армению*

практика Комитета против пыток

Сообщение: *3. против Дании.* Сообщение № 2422/2014. Соображение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 11 марта 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что Апелляционная комиссия по делам беженцев сочла неправдоподобным утверждение о том, что автору будет угрожать опасность жестокого обращения в случае его возвращения в Армению. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что он представил подробные, последовательные и убедительные ответы на вопросы, поднятые национальными иммиграционными властями, и что решение Комиссии было произвольным и ошибочным. В частности, Комитет принимает к сведению аргументы автора о том, что

Комиссия неубедительно обосновала свой вывод о неправдоподобности следующих заявлений автора: а) что он жил в Беларуси; что он смог установить местонахождение своей матери в Азербайджане по адресу, указанному в письме, которое она направила ему в детский дом; что он провел два года, не выходя из дома матери; что Х. и А. смогли раздобыть военный грузовик после перехода границы с Азербайджаном; и что автор смог перейти через мост в Азербайджан после бегства из армии, и при этом его никто не преследовал. В то же время Комитет считает, что, хотя автор не согласен с выводами Комиссии по этим вопросам, он не продемонстрировал, что ее выводы были явно необоснованными или носили произвольный характер по причине того, что в ходе рассмотрения дела на национальном уровне утверждения автора было уделено недостаточное внимание. Кроме того, что касается утверждения автора о том, что он подвергался преследованиям, надругательствам и оскорблениям в армии из-за своего наполовину азербайджанского происхождения, Комитет отмечает, что автор не ответил на замечания государства-участника относительно наличия противоречий в представленных им национальным органам власти показаниях относительно предполагаемого покушения на изнасилование его брата военнослужащими¹⁰⁸ и того факта, что во время беседы с сотрудниками Иммиграционной службы Дании он не упоминал о состязаниях, в ходе которых они с братом подвергались издевательствам и оскорблениям со стороны военнослужащих по причине их этнической принадлежности¹⁰⁹. Поэтому на основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет не может сделать вывод о том, что существуют серьезные основания полагать, что автору будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта, в случае его возвращения в Армению (пункт 7.3 Соображения).

Выводы Комитета: высылка автора в Армению не будет представлять собой нарушения его прав, предусмотренных статьей 7 Пакта (пункт 8 Соображения).

выдворение в *Бельгию*

практика Комитета против пыток

Сообщение: *X и др. против Швейцарии*. Сообщение № 697/2015. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 25 ноября 2016 года.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявителю грозит выдворение в Бельгию. Ни одно из утверждений какой-либо стороны не подразумевает, что положение в области прав человека в Бельгии может создать риск по смыслу статьи 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или

¹⁰⁸ См. пункт 4.5 выше.

¹⁰⁹ См. пункт 4.4 выше.

унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года (далее – Конвенция)]. Заявитель утверждает, что ввиду исторических связей между Бельгией и Руандой и присутствия в Бельгии крупной руандийской диаспоры, представители которой относятся к разным и противостоящим друг другу этническим и политическим группам (лица, причастные к геноциду в Руанде, противники режима и сторонники нынешнего режима), он и его семья могут подвергнуться насилию со стороны частных субъектов, от которых бельгийские власти не смогут их защитить. Доводы заявителя во многом основаны на нескольких примерах лиц, которым Бельгия предоставила особую защиту для обеспечения их безопасности, а также на примерах инцидентов, связанных с нападением или другими видами ненадлежащего обращения, которым, предположительно, подверглись руандийские политические оппоненты в изгнании или другие общественные деятели со стороны вооруженных групп. По мнению заявителя, с учетом всех вышеуказанных обстоятельств его высылка, а также высылка его семьи будут незаконными по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 6.3 Решения).

Комитет принимает к сведению аргумент заявителя о том, что по запросу Руанды Интерполом был выдан международный ордер на его арест, в результате чего возникла опасность его последующей экстрадиции в Руанду Бельгией (пункт 6.4 Решения).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что утверждения заявителя были тщательно изучены Государственным секретариатом по вопросам миграции и Федеральным административным судом, которые пришли к выводу о том, что заявитель и его семья не представили достаточных аргументов в доказательство того, что в Бельгии они подвергнутся серьезному и реальному риску применения к ним запрещенных видов обращения, и что заявитель не представил доказательств того, что Бельгия нарушит принцип недопустимости принудительного возвращения (пункт 6.5 Решения).

Комитет напоминает, что в соответствии с Дублинским регламентом, поскольку шенгенские визы заявителю и его семье были выданы бельгийскими властями, Бельгия несет ответственность за обработку их ходатайства о предоставлении убежища. Принимая к сведению утверждения заявителя о том, что Интерполом был выдан международный ордер на его арест по запросу Руанды, где ему грозит казнь через повешение за государственную измену, Комитет отмечает, что ничто не позволяет сделать вывод о том, что Бельгия не будет рассматривать его ходатайство о предоставлении убежища с учетом своих обязательств по Конвенции, государством-участником которой она является, и в частности с учетом принципа недопустимости принудительного возвращения. Комитет считает, что доводы заявителя о том, что его ходатайство о предоставлении убежища не будет рассмотрено надлежащим образом, являются необоснованными, с учетом того, что он еще ни разу не подавал никакого ходатайства о

предоставлении убежища в Бельгии (пункт 6.6 Решения).

Комитет считает, что, несмотря на примеры, приведенные заявителем, не было доказано, что в Бельгии он и/или его семья подвергнутся серьезному и реальному риску применения к ним видов обращения, запрещенных статьей 3 Конвенции. В частности, заявитель не представил аргументов, доказывающих, что бельгийские власти не будут готовы или способны обеспечить их защиту, если безопасность автора и/или его семьи окажется под угрозой. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что данная жалоба в том виде, в котором она была представлена заявителем, является явно необоснованной и, следовательно, неприемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции и правилом 113 b) своих правил процедуры (пункт 6.6 Решения).

Выводы Комитета: признать сообщение неприемлемым (пункт 7 Решения).

выдворение в Болгарию

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *Р.И.Х. и С.М.Д. против Дании.* Сообщение № 2640/2015. Сообщение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 13 июля 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение авторов о том, что их высылка с четырьмя детьми, включая двух несовершеннолетних детей, в Болгарию на основании принципа «первой страны убежища» по Дублинскому регламенту создаст опасность такого отношения к ним, которое противоречит статье 7 Пакта. Комитет отмечает, что авторы обосновывают свою аргументацию, в частности, социально-экономическим положением, в котором они окажутся, включая отсутствие доступа к финансовой или социальной помощи, а также к программам интеграции для беженцев и просителей убежища, равно как и общие условия приема просителей убежища и беженцев в Болгарии. Авторы утверждают, что у них не будет доступа к социальному жилью или временным убежищам; что они не смогут найти жилье или работу и, следовательно, окажутся бездомными и будут вынуждены жить на улице; что им будут угрожать действия ксенофобского характера, и они будут лишены защиты (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что факт получения авторами временной защиты не оспаривается, равно как и то, что они получили вид на жительство в Болгарии в ноябре 2014 года сроком на три года и могли находиться в центре для просителей убежища после того, как получили вид на жительство. Кроме того, Комитет отмечает, что датский Апелляционный совет по делам беженцев пришел к выводу, что авторы не сталкивались ни с какими проблемами при взаимодействии с гражданами и властями Болгарии и что в случае их

возвращения в Болгарию они будут пользоваться всеми необходимыми социальными правами, включая доступ к школьному образованию для детей и доступ к медицинскому обслуживанию (пункт 8.4 Соображения).

Комитет...отмечает, что авторы опираются на информацию, полученную от третьих лиц, и на доклады об общем положении просителей убежища и беженцев в Болгарии, утверждая, что они не будут иметь доступа к жилью в случае возвращения и будут лишены медицинской помощи. В связи с этим Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что согласно закону лица, которым предоставлен статус беженца и защита в Болгарии, обладают теми же правами, что и граждане Болгарии¹¹⁰, а также утверждение государства-участника о том, что авторы не запрашивали медицинскую помощь и не нуждались в ней в период своего пребывания в Болгарии и поэтому не обосновали свое утверждение о недоступности медицинской помощи. В связи с утверждениями о применении насилия на почве ксенофобии Комитет...принимает к сведению утверждение Апелляционного совета по делам беженцев о том, что во время собеседования для получения убежища авторы не указали ни на какие конкретные конфликты и что у них будет возможность обратиться за защитой к соответствующим болгарским органам, если их личная неприкосновенность и безопасность окажутся под угрозой (пункт 8.5 Соображения).

Комитет отмечает, что, несмотря на то, что на практике беженцам и лицам, пользующимся дополнительной защитой, трудно получить доступ на рынок труда или к жилью, авторам не удалось доказать реальный и личный угрожающий им риск в случае их возвращения в Болгарию. Авторы не доказали, что они были бездомными до своего отъезда из Болгарии; они не жили в нищете; и положение семьи с четырьмя детьми, младшему из которых 14 лет, следует отличать от положения автора в решении *Джасин и др. против Дании*, которое касалось больной матери-одиночки с тремя несовершеннолетними детьми, имеющей на руках истекший вид на жительство. Тот факт, что авторы могут столкнуться с трудностями по возвращении, сам по себе не означает, что они окажутся существенно уязвимыми – в условиях, значительно отличающихся от условий многих других семей, – чтобы сделать вывод о том, что их возвращение в Болгарию представляло бы нарушение государством-участником своих обязательств по статье 7 Пакта¹¹¹ (пункт 8.6 Соображения).

Хотя авторы не согласны с решением властей государства-участника об их возвращении в Болгарию как в страну их первого убежища, они не разъяснили, по какой причине это решение является явно необоснованным или произвольным. Не указали они также и на какие-либо процессуальные нарушения во время разбирательства их дела в Иммиграционной службе Дании или в Апелляционном совете по делам беженцев. Соответственно, Комитет не

---

¹¹⁰ Статья 32 (2) болгарского Закона об убежище и беженцах.

¹¹¹ См., например, сообщение № 2569/2015, *Б.М.И. и Н.А.К. против Дании*, Соображения, принятые 26 октября 2016 г., пункт 8.6.

может сделать вывод о том, что высылка авторов в Болгарию государством-участником будет являться нарушением статьи 7 Пакта (пункт 8.7 Соображения).

Выводы Комитета: выдворение авторов в Болгарию не нарушит их прав по статье 7 Пакта (пункт 9 Соображения).

выдворение в *Гамбию*

практика Комитета против пыток

Сообщение: *Е. С. против Швейцарии*. Сообщение № 476/2011. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 21 апреля 2015 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет указывает, что в жалобе заявителя речь идет об опасности того, что он подвергнется пыткам со стороны гамбийских властей, которые объявили его в розыск в связи с его предположительным участием в попытке государственного переворота в марте 2006 года. Комитет отмечает, сколько времени прошло после упомянутых событий, и напоминает, что основная цель рассмотрения жалобы заявителя заключается в том, чтобы определить, может ли он в случае возвращения в Гамбию подвергнуться пыткам¹¹². Комитет констатирует, что государство-участник усомнилось в участии заявителя в государственном перевороте в марте 2006 года, поскольку его рассказ о событиях показался недостаточно достоверным и он не представил удовлетворительных объяснений по поводу тех фактических неувязок, которые представители властей государства-участника отметили в процессе рассмотрения просьбы о предоставлении убежища. Заявитель не представил Комитету никаких иных материалов, свидетельствующих о том, что гамбийские власти разыскивали его в связи с государственным переворотом в марте 2006 года¹¹³ и что они по-прежнему ищут его почти восемь лет спустя. Заявитель также не смог предложить никаких аргументированных доводов в подтверждение подлинности представленных в Комитет документов. В этих обстоятельствах Комитет считает, что заявитель не представил доказательств того, что ему лично в случае принудительного возвращения в Гамбию грозит реальная опасность быть подвергнутым пыткам со стороны агентов государства (пункт 7.4 Решения).

Вывод Комитета: выдворение заявителя в Гамбию не будет представлять собой нарушения статьи 3 Конвенции¹¹⁴ (пункт 8 Решения).

¹¹² Пункт 11.2 сообщения № 61,1996, *X, Y и Z против Швеции*, Соображения, принятые 6 мая 1998 г.

¹¹³ Единственный в данном случае представленный документ является копией ордера об объявлении в розыск военными властями, выданного в апреле 2006 г (государство-участник оспаривает его подлинность); согласно этому ордеру заявитель был объявлен в розыск как дезертир, а не в связи с попыткой государственного переворота.

¹¹⁴ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

выдворение в *Индию**практика Комитета против пыток*

Сообщение: *A. против Канады*. Сообщение № 583/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 9 мая 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [п]ри оценке риска применения пыток... Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о наличии предсказуемой, реальной и личной опасности того, что он будет подвергнут пыткам и, возможно, убит в случае возвращения в Индию, поскольку власти в Пенджабе подозревают его в оказании содействия боевикам и планировании вместе с двоюродным братом убийства руководителей. Комитет отмечает, что заявитель не представил достаточно подробную информацию в обоснование этих утверждений. Например, он не представил сведений о конкретных действиях, в причастности к которым полиция его подозревает, или о лицах, с которыми, согласно подозрениям, он был заодно при осуществлении этих действий. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его национальные органы пришли к выводу, что заявитель не внушает доверие, поскольку, в частности, он в течение трех лет готовился к выезду из Индии и его действия свидетельствуют о намерении продолжить учебу в Канаде: в 2008 году он получил паспорт; в 2009 году он посещал различные курсы английского языка; он подал заявление на канадскую студенческую визу после зачисления в университет на курс по специальности «Менеджмент и медицинские технологии»; он никогда не утверждал, что был связан с каким-либо политическим или радикальным движением; и ему удалось без труда выехать из Индии по действительному паспорту с канадской студенческой визой, несмотря на то, что полиция якобы подозревала его в намерении убить одного руководителя (пункт 7.4 Решения).

Комитет принимает к сведению документацию, представленную заявителем в обоснование утверждения о том, что он подвергался пыткам. Вместе с тем Комитет отмечает, что компетентные органы государства-участника тщательно оценили доказательства, представленные заявителем, и признали их ограниченную доказательную ценность в силу их содержания и времени их появления¹¹⁵. Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не представил каких-либо документальных доказательств того, что против него возбуждено какое-либо уголовное дело или что индийские власти выдали ордер на его арест¹¹⁶. Комитет полагает, что власти государства-участника надлежащим образом изучили основные аспекты

¹¹⁵ См. пункт 4.5 выше.

¹¹⁶ См., в частности, сообщение № 555/2013, *З. против Дании*, Решение, принятое 10 августа 2015 г., пункт 7.7.

утверждений заявителя, прежде чем вынести отрицательное заключение относительно его правдивости. Поэтому Комитет не считает убедительным утверждение заявителя о том, что, несмотря на то, что он уехал из Индии в январе 2010 года, власти в Пенджабе продолжают преследовать и допрашивать членов его семьи в целях установления его местонахождения (пункт 7.5 Решения).

Выводы Комитета: заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его принудительной высылки в Индию он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

выдворение в *Казахстан*

практика Комитета против пыток

Сообщение: *П.А. против Нидерландов*. Сообщение № 611/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 2 мая 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению представленные заявителем медицинские доказательства, согласно которым у него был диагностирован посттравматический стрессовый синдром и он страдает тяжелой депрессией. Комитет принимает к сведению, что, по мнению заявителя, власти государства-участника не приняли во внимание представленные им подтверждающие медицинские доказательства при оценке его прошений о предоставлении убежища, пусть даже такие доказательства были представлены на более позднем этапе (пункт 8.4 Решения).

Комитет...исходит из того, что, даже если он согласится с утверждением, что заявитель в прошлом подвергался пыткам, вопрос состоит в том, угрожает ли ему до сих пор опасность применения пыток в Казахстане (пункт 8.5 Решения).

Комитет...отмечает, что, по мнению заявителя, государство-участник не приняло во внимание его особые обстоятельства, включая его этническую и религиозную принадлежность. Кроме того, по утверждениям заявителя, он опасается, что в случае его возвращения исламские экстремисты, которые уже завербовали одного из его сыновей, будут его преследовать и попытаются завербовать второго его сына. Заявитель считает, что сотрудники полиции и правоохранительных органов в целом, которые жестоко обращались с ним в прошлом, поступят с ним аналогичным образом в случае его возвращения в Казахстан (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель всего лишь сообщил властям государства-участника, что боялся подвергнуться пыткам в случае возвращения в Казахстан, утверждая, что он подвергался пыткам в прошлом и он вновь станет объектом преследований. Комитет при этом отмечает, что государство-

участник не оспаривает факты в изложении заявителя. Комитет подчеркивает, что государство-участник, не ставя под сомнение утверждения заявителя, вместо этого полагает, что он не доказал, что вновь станет объектом преследований в случае возвращения в Казахстан (пункт 8.7 Решения).

Комитет...принимает к сведению некоторые неопровержимые факты, в частности тот факт, что в Казахстане существует значительное русское меньшинство, особенно в северных районах страны; что заявитель, будучи христианином по рождению, признал, что является атеистом; и что заявитель не доказал, что его разыскивают власти Казахстана и что в случае возвращения он станет объектом преследований со стороны властей. Кроме того, заявитель не представил никаких разъяснений относительно его местонахождения в период с 2002 по 2012 год и не указал, сталкивался ли он в это время с какими-либо угрозами пыток или посягательствами. Комитет принимает к сведению, что определенные сообщения о преследованиях, которые упоминаются в сообщении, связаны с делами религиозных активистов, в то время как заявитель не проводил никакой общественной деятельности, за которую он мог бы быть подвергнут преследованиям (пункт 8.8 Решения).

С учетом всей представленной сторонами информации, в том числе об общем положении в области прав человека в Казахстане, Комитет считает, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих ему сделать вывод о том, что его высылка в Казахстан подвергнет его предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 8.9 Решения).

Выводы Комитета: возвращение заявителя в Казахстан не будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

выдворение в Китайскую Народную Республику

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 20113/07 *«Игрек (У) против России»* (вынесено 4 декабря 2008 г., вступило в силу 4 марта 2009 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: [п]ризнавая наличие сообщений о серьезных нарушениях прав человека в Китае в отношении членов движения Фалун Гонг, особенно тех, кто занимает видное место в этом движении, Суд, тем не менее, должен установить, было ли личное положение первого Заявителя таковым, что его возвращение в Китай влекло нарушение Статьи 3 Конвенции (пункт 81 постановления).

Международные сообщения относительно ситуации практиков Фалун Гонг в Китае также говорят в пользу того, что, хотя участники Фалун Гонг

и находятся под угрозой преследования, там, где существует риск жестокого обращения, каждый случай должен рассматриваться индивидуально (пункт 83 постановления).

Заявитель не смог представить существенные свидетельства того, что он практиковал учение в Китае, а также того, что до 2001 года его преследовали, или у него были сложности с выездом из страны. Примечательно также то, что первый Заявитель не смог привести какие либо примеры преследования членов Фалун Гонг в университете, которых он лично хорошо знал по работе и по другим основаниям. Также было установлено, что каких либо прямых связей между группами участников движения в России и в Китае не существовало, не было и иных указаний на то, что китайские власти считают его активным членом движения (пункт 84 постановления).

Суд также отмечает сомнения национальных властей касательно правдивости некоторых утверждений первого Заявителя. В частности первый Заявитель первоначально заявил, что в Китае он не сталкивался ни с какими проблемами и покинул страну без помех. Однако в районном суде он заявил, что в 1999 году его дом был обыскан полицией, а религиозная литература изъята и, что паспорт он смог получить только с помощью университетских друзей... Неупоминание такого важного аспекта его требований никоим образом не было объяснено. Объяснение первым Заявителем задержки в подаче ходатайства о предоставлении временного убежища было сфокусировано на трудностях, которые у него были с получением разрешения на временное проживание через китайскую торговую компанию, которая наняла его для работы в Санкт-Петербурге. Он также не смог привести какие либо публикации или назвать международные встречи Фалун Гонг, в которых он участвовал. Первый Заявитель не представил надежных свидетельств в поддержку того, что его деятельность в Китае или в России подвергала его риску обращения, несовместимого с требованиями Статьи 3 (пункт 85 постановления).

Суд заключает, что не найдено достаточных оснований полагать, что по его возвращении в Китай, первый Заявитель подвергся бы реальному риску обращения, противоречащего требованиям Статьи 3 Конвенции (пункт 88 постановления).

практика Комитета по правам человека

Сообщение: 3. *против Австралии.* Сообщение № 2049/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека 18 июля 2014 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [о]тмечая, что имеются сообщения о серьезных нарушениях прав человека в Китае в отношении приверженцев Фалуныгун, и особенно в отношении тех, кто занимает в движении видное место, Комитет отмечает, что заявления автора

касательно беженцев были тщательно изучены ведомствами государства-участника, которые сочли, что он не продемонстрировал реальную приверженность практике Фалуныгун. Трибунал счел, что изложение им событий до своего отъезда из Китая носит противоречивый и неубедительный характер и что он давал уклончивые и зазубренные ответы на уточняющие вопросы о предположительных событиях. Трибунал также счел, что он не привел достаточных свидетельств того, что он поистине практикует Фалуныгун в Австралии, где он волен делать это. Трибунал отметил, что автор безо всяких трудностей получил паспорт и покинул Китай... и нет никакой информации о том, что его возвращение представляло бы интерес для китайских властей. Комитет отмечает, что автор не выявил каких-то ненормальностей в процессе принятия решений или каких-то факторов риска, которые не приняли бы должным образом в расчет ведомства государства-участника. Автор не согласен с фактологическими выводами ведомств государства-участника, но не показывает, что они явно носят неразумный характер. В свете вышеизложенного Комитет не может прийти к заключению, что представленная ему информация свидетельствует о том, что автору в случае его выдворения в Китай будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 7 Пакта (п. 9.4 Соображений).

Что касается состояния здоровья автора, то Комитет отмечает, что автор страдает хронической сердечной недостаточностью и в будущем ему может потребоваться еще одна операция... Комитет считает, что состояние здоровья автора само по себе не носит настолько исключительный характер, чтобы государство-участник было обязано выполнять свои обязательства по статье 7 Пакта относительно невыдворения¹¹⁷ (пункт 9.5 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник не совершило бы нарушение статьи 7 Пакта, если бы оно выдворило автора в Китай (п. 9.6 Соображений).

выдворение в *Ливан*

практика Комитета против пыток

Решение Комитета против пыток от 11 августа 2017 г. по делу *Е.А. против Швеции* (сообщение № 690/2015).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет ссылается на заключительные замечания по первоначальному докладу Ливана от 30 мая 2017 г., где он выразил озабоченность по поводу отдельных случаев жестокого обращения с мужчинами, подозреваемыми в гомосексуальности, которые содержались под стражей сотрудниками сил внутренней безопасности¹¹⁸. В то же время Комитет отмечает, что сообщенные инциденты не могут рассматриваться в качестве общей и

¹¹⁷ См. сообщения №1957/2010, *Линь против Австралии*, пункт 9.4, и № 1897/2009, *С.Й.Л. против Австралии*, Решение о неприемлемости, принятое 24 июля 2013 года, пункт 8.4.

¹¹⁸ См. CAT/C/LBN/CO/1, пункт 14.

широко распространенной практики по отношению к гомосексуалам. Он также отмечает, что в 2015 и 2016 годах по статье 534 Уголовного кодекса было произведено 76 арестов в год¹¹⁹. Выражая свою озабоченность по поводу существования положения, позволяющего производить уголовное преследование гомосексуалов, Комитет, исходя из имеющейся у него информации, не может сделать вывод о том, что в Ливане каждый гомосексуальный мужчина является объектом преследований со стороны властей (пункт 9.6 Решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что, поскольку его родственники ведают о его гомосексуальности, он окажется в опасности насилия по соображениям чести без всяких способов искать защиты со стороны властей. В этом отношении Комитет замечает, что, хотя, как утверждает, заявитель, его родственники знают о его сексуальной ориентации по меньшей мере с 2013 года, он не предоставил никакой информации о каких-то конкретных угрозах со стороны своей семьи и родственников. Комитет также отмечает утверждение заявителя о том, что власти знают от посольского персонала о его сексуальной ориентации и будут преследовать его по возвращении в Ливан. Таким образом, Комитет считает, что утверждения заявителя, будто он подвергался бы личному риску обращения вопреки статье 3 Конвенции, носят гипотетический характер и не выходят за рамки одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Комитет заключает, что заявитель не справился со своим бременем аргументировать свое дело согласно [3]амечанию общего порядка № 1 Комитета (пункт 9.7 Решения).

В свете вышеизложенных соображений и на основе всей информации, представленной заявителем, Комитет полагает, что заявитель не предоставил достаточных доказательств, чтобы позволить Комитету заключить, что его принудительная высылка в свою страну происхождения подвергла бы его предсказуемому, реальному и личному риску пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 10 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя государством-участником в Ливан не представляла бы собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 11 Решения).

---

¹¹⁹ См. Helem shadow report submitted to the Human Rights Committee entitled «Human Rights Violations against Lesbian, Gay, Bisexual, Transgender and Queer (LGBTQ) individuals in Lebanon» (April 2017). Имеется на http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fICO%2fLBN%2f27152&Lang=en.

выдворение в *Палестину*

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *А.Х.С. против Дании*. Сообщение № 2473/2014. Решение принято Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 28 марта 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что Совет¹²⁰ тщательно изучил жалобу автора и проанализировал его личные и семейные обстоятельства. Он признал, что ни автор, ни его семья никогда не участвовали в какой-либо политической деятельности, что автор не привел убедительных причин конфликта с семьей своей жены, что его заявления по ряду ключевых моментов были противоречивы и неконкретны и что он не представил внятного и логичного объяснения причин, по которым он якобы подвергся преследованиям со стороны ХАМАС. На основе личных собеседований с автором Совет пришел к выводу о том, что заявления автора о его конфликте с ХАМАС в период его работы в университете были недостоверны, что его утверждения о потенциальных нападениях со стороны членов семьи его жены не вызывают доверие и что автору не будет угрожать реальная и личная опасность преследований со стороны ХАМАС в случае его возвращения в Газу. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что оно проанализировало общее положение в Газе на основе постоянно обновляемой справочной информации о стране и не нашло признаков того, что в случае его возвращения в нее автору будет угрожать какая-либо опасность. Автор не пояснил, по каким причинам решение Совета по своему характеру будет являться явно необоснованным или произвольным. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что автор должным образом не обосновал свою жалобу, согласно которой его принудительная высылка будет равнозначна нарушению статьи 7 Пакта, и признает ее неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 7.6 Решения).

Выводы Комитета: считать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 8 Решения).

выдворение в *Республику Кыргызстан*

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *Н.С. против Российской Федерации*. Сообщение № 2192/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 27 марта 2015 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что утверждение автора сообщения о том, что он будет подвергнут

¹²⁰ Датский Апелляционный совет по делам беженцев (далее – Совет).

пыткам в случае высылки в Кыргызстан, были рассмотрены Федеральной миграционной службой государства-участника в ходе процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца, а также в российских судах в ходе процедуры экстрадиции, в результате чего был сделан вывод о том, что он не обосновал свое утверждение о том, что он подвергался пыткам в прошлом, а также о том, что ему будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Кыргызстан. Кроме того, Комитет отмечает, что большая часть доказательств, представленных автором, касается общего положения в области прав человека в его стране происхождения, а не его конкретного случая. Комитет... отмечает отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих, что решения органов государства-участника были явно необоснованными в том, что касается утверждений автора (пункт 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: автору в случае его выдворения в Кыргызстан не будет угрожать реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему статье 7 Пакта (пункт 10.4 Соображений).

выдворение в *Республику Узбекистан*

практика Европейского Суда по правам человека

Решение Европейского Суда по жалобе № 32779/15 «*М.С.С. против России*» (решение вынесено и вступило в силу 23 марта 2017 г.), которым признана неприемлемой и отклонена жалоба Шаюсупова М.С., на предполагаемую угрозу его административного выдворения с территории России в Узбекистан в нарушение статьи 3 Конвенции.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался, что в случае его выдворения в Узбекистан он подвергнется опасности жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Он также жаловался в соответствии со статьей 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в этом отношении.

Заявитель просил применить правило 39 Регламента Европейского Суда, чтобы предотвратить его высылку в Узбекистан. Он утверждал, что он может быть депортирован в Узбекистан в любой момент, поскольку отказы в предоставлении статуса беженца и временного убежища вступили в силу, а апелляционная жалоба на решение о депортации не была приостановлена (пункт 22 решения).

Власти Российской Федерации отметили, что заявитель не подвергался риску немедленной принудительной высылки в Узбекистан, поскольку его экстрадиция в Узбекистан была отменена по истечении срока исковой давности для уголовного преследования, а депортационное или административное разбирательство в отношении заявителя в России не было инициировано (пункт 32 решения).

Власти также утверждали, что «...неспособность заявителя легализовать свое пребывание в России обычными способами (путем получения визы, разрешения на временное проживание или вида на жительство) представляет собой неисчерпание внутренних средств правовой защиты, а отсутствие финансовых средств не могло рассматриваться, как обоснованное оправдание отказа от этих средств правовой защиты» (пункт 33 решения).

Европейский Суд отметил, что «...стороны не оспаривают то, что заявитель был обвинен в совершении религиозных и политически мотивированных преступлений в Узбекистане, и поэтому принадлежит к уязвимой группе, которая подвергается реальной опасности обращения в нарушение статьи 3 Конвенции в случае высылки в Узбекистан» (пункт 37 постановления).

Суд также отметил, что «...при текущем положении дел, экстрадиция заявителя исключается из-за запрета на его уголовное преследование в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, никаких других судебных разбирательств касательно высылки в отношении заявителя не проводится, а неисполненные распоряжения о высылке отсутствуют» (пункт 38 решения).

Европейский Суд установил, что «...письмо ФМС...на которое ссылается заявитель, не может быть принято в качестве доказательства намерения органов власти использовать эти процедуры, поскольку это само по себе не подлежит исполнению...[Р]оссийские органы власти не предприняли никаких мер по высылке заявителя в период с 22 июня 2015 года (дата принятия окончательного решения о предоставлении временного убежища) по 6 июля 2015 года (дата принятия обеспечительной меры Судом), хотя ничто не мешало им это сделать» (пункт 39 решения).

Суд подчеркнул, что «...судебное разбирательство по вопросу депортации может быть открыто лишь в случае неспособности заявителя легализовать свое пребывание в России...С 2012 по 2014 год заявитель законно проживал в России на основании его регистрации в качестве мигранта и возобновляемого разрешения на работу...ФМС...предложила заявителю продлить миграционную регистрацию в качестве первого шага к легализации его пребывания в России...Учитывая, что миграционная регистрация является необходимым условием получения разрешения на работу и вида на жительство, Суд считает, что действия, предпринятые национальными органами власти, пока не свидетельствуют о намерении выслать заявителя из России» (пункт 40 решения).

Суд установил, что «...заявитель не подвержен опасности незамедлительной принудительной высылки в Узбекистан. Таким образом, жалоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции является явно необоснованной» (пункт 41 решения).

Обращаясь к жалобе заявителя согласно статье 13 Европейский Суд напомнил, что «...в соответствии с постоянной прецедентной практикой статья 13 применяется только в том случае, если у лица есть

«небезосновательная жалоба» на то, что он стал жертвой нарушения конвенционного права...Из этого следует, что, поскольку у заявителя нет небезосновательной жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции, его жалоба по статье 13 также неприемлема» (пункт 42 решения).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...жалобы заявителя по статьям 3 и 13 Конвенции должны быть отклонены в соответствии с пунктами 3 (а) и 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 43 решения).

выдворение в *Сенегал*

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *Б.Л. против Австралии*. Сообщение № 2053/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 16 октября 2014 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению заявления автора о том, что в результате его перехода из ислама в христианство в 1994 году в случае его возвращения в Сенегал он подвергнется физическому насилию или может быть убит членами «Братства мюридов» или членами собственной семьи. Комитет отмечает заявление автора о том, что в ноябре 1994 года его родственники напали на него и угрожали принятием против него фетвы «Братством мюридов» и что после того, как он пытался скрыться в городе Каолак, его родственники и другие члены «Братства мюридов» нашли и жестокого избили его. Комитет... принимает к сведению утверждение автора о том, что в Сенегале у него нет возможности получить государственную защиту. Комитет отмечает информацию о том, что, несмотря на признание достоверными большинства представленных фактических сведений по этому делу Судом по пересмотру решений, касающихся беженцев, он счел неубедительным утверждение автора о том, что ему угрожает опасность со стороны «Братства мюридов», и пришел к выводу о том, что в Сенегале у автора есть возможность получить надлежащую государственную защиту (пункт 7.2 Соображений).

Комитет отмечает, что ходатайство автора о получении статуса беженца было тщательно изучено властями государства-участника, которые пришли к выводу о том, что у автора нет веских оснований опасаться преследований. Автор не пытался добиться судебного пересмотра решения об отказе в удовлетворении его ходатайства Суда по пересмотру решений, касающихся беженцев, и не заявлял ни о каких процессуальных нарушениях в решении СПБ.¹²¹ Комитет принимает к сведению, что СПБ признал, что автор обратился в христианскую веру в 1994 году; что в ноябре 1994 года несколько членов его семьи напали на него и держали его взаперти без еды в течение трех дней и что позднее в городе Каолак, где он пытался укрыться,

¹²¹ Суд по пересмотру решений, касающихся беженцев.

он был найден и избит членами его семьи и несколькими членами «Братства мюридов». СПБ пришел к выводу о том, что любые угрозы в адрес автора исходят от его родственников и их соратников, а не от «Братства мюридов» в целом, и не принял утверждения автора о том, что в Сенегале у него не будет возможности получить надлежащую и эффективную государственную защиту. Комитет также отмечает, что автор не привел больше никаких аргументов в пользу того, что он не сможет переехать ни в какой другой район Сенегала. Комитет отмечает, что автор не выявил никакого фактора риска, который не учли должным образом власти государства-участника и никакого другого нарушения в процессе принятия ими решения. Автор не согласен с фактологическими выводами властей государства-участника, но не показывает, что они явно носят необоснованный характер. В связи с этим Комитет приходит к выводу о том, что не было доказано, что власти Сенегала в целом не захотят и не смогут предоставить автору беспристрастную, надлежащую и эффективную защиту от угроз его физической безопасности и что не было бы неразумным ожидать, что он поселится в другом месте, особенно удаленном от города Туба, где ему будет доступна такая защита. При условии, что автор будет возвращен лишь в тот район, где, по мнению государства-участника, ему будет доступна надлежащая и эффективная защита, Комитет не может признать, что возвращение автора в Сенегал будет представлять собой нарушение обязательств государства-участника в соответствии со статьями 6 и 7 Пакта (пункт 7.4 Соображений).

Выводы Комитета: автор не столкнулся бы с реальным риском [недопустимого] обращения..., если бы его выдворили в Сенегал (пункт 7.5 Соображений).

выдворение в Сирийскую Арабскую Республику

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 35346/16 «**М.К. против России**» (вынесено и вступило в силу 27 февраля 2018 г.), которым была исключена жалоба заявителя в части статей 2 и 3 на угрозу смерти или жестокого обращения в случае выдворения в Сирию.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что его выдворение в Сирию, в случае его осуществления, нарушило бы его право на жизнь и запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, предусмотренные статьями 2 и 3 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что из сообщений представителей следует, что заявитель уехал из России в безопасные третьи страны и поселился там. Таким образом, он считает, что заявитель более не подвергается выдворению в Сирию,

ему не угрожает смерть и(или) жестокое обращение в этой стране (пункт 15 постановления).

Суд посчитал, что «...более не оправдано продолжать рассмотрение вышеуказанной жалобы применительно к жалобам на угрозу смерти и(или) жестокого обращения в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции..., а также тесно связанных с ними жалоб по статье 13 Конвенции. Далее, Суд удовлетворен тем, что уважение прав человека, определенных в Конвенции и в Протоколах к ней, не требует от него дальнейшего рассмотрения этой части жалобы...Соответственно, Суд принимает решение об исключении жалобы из списка дел к рассмотрению в том, что касается жалоб по поводу смерти и/или жестокого обращения в случае выдворения заявителей в Сирию из России, а также предполагаемого отсутствия эффективного внутреннего средства правовой защиты в отношении этих жалоб» (пункт 16 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобам №№ 29957/14, 29961/14, 53980/15, 10583/16, 10796/16, 10803/16, 19980/16, 35675/16 и 38237/16 «М.Ш.А. и другие против России» (вынесено и вступило в силу 12 декабря 2017 г.) (вынесено 7 ноября 2017 г., вступило в силу 7 февраля 2018 г.), которым были исключены жалобы М.Ш.А., Р.Х., Х.Р., Б.З., С.У., А.А и Н.Х., а также другие жалобы из списка дел к рассмотрению в части, касающейся жалоб по статьям 2 и 3 Конвенции на угрозу смерти и(или) жестокого обращения в случае выдворения заявителей в Сирию из России, а также на предполагаемое отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении этих жалоб по статье 13 Конвенции. Жалобы, касающиеся угрозы смерти и(или) жестокого обращения в случае выдворения заявителей в Сирию из России, а также предполагаемого отсутствия эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении этих жалоб по статье 13 Конвенции, Европейский Суд признал неприемлемыми в отношении заявителей Х.Д. и Я.А.¹²²

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отметил, что заявители «...М.Ш.А. и Р.Х., а также Х.Р., Б.З., С.У. и А.А.,...выехали из России в безопасные третьи страны и обосновались там. Таким образом, Суд считает, что они более не подвергаются выдворению в Сирию, им не угрожала смерть и(или) жестокое обращение в этой стране» (пункт 30 постановления).

Что касается заявителя Н.Х. и членов его семьи, Суд отметил, что «... 11 января 2017 г. Власти заявили, что внутригосударственные суды отменили решения об их выдворении из России и приняли решения об их освобождении 20 мая 2016 г. Они также утверждали, что заявители подали ходатайства о предоставлении временного убежища в России. Заявители признали эти факты,

¹²² Наряду с этим Европейский Суд установил нарушения статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания М.Ш.А. и Р.Х. под стражей; подпункта «f» пункта 1 и пункта 4 статьи 5 в отношении М.Ш.А., Р.Х., Х.Р., Б.З., Х.Д., и С.У., но не было допущено нарушения в отношении Н.Х. и членов семьи Н.Х., а также А.А.

но утверждали, что их пребывание в России не было урегулировано и что они продолжали подвергаться угрозе выдворения, поскольку российские органы власти могли начать новое производство в любой момент» (пункт 31 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что решение о выдворении Н.Х. и его семьи было отменено, они больше не содержались под стражей, но их иммиграционный статус предположительно не был урегулирован. Однако он подчеркивает, что ранее он пришел к выводу в аналогичных обстоятельствах, что если заявитель не получил разрешения на временное проживание, он все равно считал необоснованным продолжение рассмотрения его дела в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции и принял решение исключить его из списка дел к рассмотрению. Это обусловлено тем, что из доступной информации следовало, что в соответствующий период и на протяжении значительного отрезка времени в будущем заявитель не будет подвергаться риску быть выдворенным и столкнуться с обращением, предположительно нарушающим статью 3 Конвенции, а также с тем, что заявитель мог оспорить будущее выдворение во внутригосударственных органах власти. Суд отмечает, что положение Н.Х. и членов его семьи во многом аналогично ситуации в вышеуказанных делах (пункт 32 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...более не оправдано продолжать рассмотрение вышеуказанных жалоб применительно к их жалобам на угрозу смерти и(или) жестокого обращения по статьям 2 и 3 Конвенции..., а также к тесно связанным с ними жалобам по статье 13 Конвенции. Далее, Суд удовлетворен тем, что уважение прав человека, определенных в Конвенции и в Протоколах к ней, не требует от него дальнейшего рассмотрения этой части шести жалоб... Соответственно, Суд принимает решение *об исключении жалоб* заявителей М.Ш.А., Р.Х., Х.Р., Б.З., С.У., А.А. и Н.Х. и членов его семьи из списка дел к рассмотрению в том, что касается жалоб по поводу смерти или жестокого обращения в случае выдворения заявителей в Сирию из России, а также предполагаемого отсутствия эффективного внутреннего средства правовой защиты в отношении этих жалоб» (пункт 33 постановления).

Суд также отметил, что вышеуказанные выводы не «...препятствуют заявителям подавать новые жалобы в Суд в будущем и использовать доступные процедуры – в том числе процедуру, предусмотренную Правилom 39 Регламента Суда – в связи с любыми новыми обстоятельствами» (пункт 34 постановления).

Что касается заявителей Х.Д. и Я.А., они жаловались на то, что их выдворение в Сирию, в случае осуществления, нарушит их право на жизнь и запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, предусмотренное статьями 2 и 3 Конвенции.

По жалобе Х.Д.¹²³ Суд напомнил, что обычное обжалование выдворения, предлагаемое судом первой инстанции, имеющее автоматический приостанавливающий эффект, является в принципе эффективным средством правовой защиты, которое подлежит исчерпанию, и дальнейшего обжалования не требуется. Суд отметил, что заявитель в самом деле принимал участие в двух заседаниях по вопросу выдворения, сначала используя присвоенное им имя своего брата, затем под собственным именем. Он не обжаловал решения о выдворении от 12 мая 2015 г. или от 13 июля 2015 г. В его замечаниях указывается на то, что он не подал жалобу, поскольку не мог эффективно участвовать в производствах по вопросу выдворения, поскольку они проводились на русском языке, а он плохо владел им. Однако в соответствии с текстом решений о выдворении, заявителю оказывали помощь переводчики, А.М. и Н.М., соответственно, в ходе двух заседаний, о которых идет речь. Заявитель также не оспаривал эти решения и не жаловался на переводчиков. Кроме того, начиная со 2 сентября 2015 г. интересы заявителя представлял М., который посещал его в центре временного содержания и помогал ему при подаче ходатайства о предоставлении временного убежища. Суд также отметил, что «...уже с сентября 2015 года М. мог требовать, чтобы срок для подачи апелляции на решение о выдворении был восстановлен. Однако М. не сделал этого в то время и не предоставил Суду никакого объяснения, почему он попросил возобновить апелляционное производство по делу заявителя только пять месяцев спустя, в феврале 2016 года. Наконец, заявитель не утверждал, что обычное обжалование было по каким-то иным причинам недоступно ему или что оно являлось неэффективным средством правовой защиты в его деле» (пункт 39 постановления).

Европейский Суд установил, что Х.Д. не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в связи с его жалобами по статьям 2 и 3 Конвенции, и отклоняет их в соответствии с положениями пункта 1 статьи 35 Конвенции (пункт 40 постановления).

Суд также посчитал целесообразным прекратить действие правила 39 Регламента Суда в отношении Х.Д. (пункт 41 постановления).

Суд отметил, что вышеуказанные выводы не препятствуют Х.Д. подать новую жалобу в Суд в будущем и использовать доступные процедуры – в том числе процедуру, предусмотренную Правилom 39 Регламента Суда – в связи с любыми новыми обстоятельствами (пункт 42 постановления).

По жалобе Я.А. Суд напомнил, что «...успешное требование о предоставлении временного убежища может приостановить исполнение решения об административном выдворении. Кроме того, лицо, которому

---

¹²³ Х.Д. утверждал, что не мог подать жалобу на решение о выдворении от 12 мая 2015 г. в надлежащий срок, поскольку он не знал русского языка, не был знаком с российской правовой системой и не имел материальных средств, чтобы нанять адвоката. Производство по вопросу выдворения велось на русском языке, а ему на самом деле не был предоставлен переводчик, хотя в тексте решения о выдворении утверждалось обратное.

предоставляется временное убежище в России, может попытаться продлить его срок и обжаловать любое решение об обратном» (пункт 45 постановления).

Суд отметил, что при нынешнем положении дел Я.А. более не подвергается неминуемой угрозе выдворения в Сирию из России, и фактические и правовые обстоятельства, лежащие в основе его дела, больше не являются действительными. Следовательно, заявитель не может более жаловаться на то, что он является жертвой по смыслу статьи 34 Конвенции в отношении его жалобы на то, что он подвергся бы жестокому обращению в Сирии (пункт 47 постановления).

Европейский Суд установил, что жалоба Я.А. должна быть отклонена на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции. С учетом вышеуказанного, Суд также посчитал целесообразным прекратить действие правила 39 Регламента Суда (пункт 48 постановления).

Суд отметил, что вышеуказанные выводы не препятствуют Я.А. в подаче новой жалобы в Суд и в использовании имеющихся процедур, в том числе процедуры, предусмотренной правилом 39 Регламента Суда, в связи с любыми новыми обстоятельствами в соответствии с требованиями статей 34 и 35 Конвенции (пункт 49 постановления).

выдворение в *Сомали*

практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин

Сообщение: *Ф.Ф.М. против Дании*. Сообщение № 70/2014. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) 21 июля 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает заявление автора сообщения о том, что она подверглась преследованиям со стороны членов семьи ее мужа, вызванным их недовольством таким родством в силу ее принадлежности к более низкой касте, и что в 2010 году она перенесла у себя дома серьезное физическое насилие со стороны членов семьи мужа, а именно ей нанесли ножевые ранения и ожоги, и что члены этой семьи возвращались еще дважды и в последнем случае пытались ее убить, но по ошибке убили ее мачеху. Комитет далее принимает к сведению заявление автора сообщения, согласно которому у нее не было возможности обратиться в полицию в связи с тем, что полицейские силы не имеют влияния на юге Сомали, который находится под неформальным управлением деревенских старейшин и под контролем «Аш-Шабааб». Помимо этого, автор заявляет, что отец от ее имени принял предложение о ее вступлении в брак с членом группировки «Аш-Шабааб», которое она отвергла, и что в это же время она тайно вышла замуж за своего жениха. Когда об этом стало известно, члены «Аш-Шабааб» распространили в ее деревне листовки с обвинением ее в нарушении законов шариата и требованием ее выдачи. Автор

сообщения бежала в Могадишо и впоследствии узнала, что в связи с описанными событиями боевики «Аш-Шабааб» похитили и убили ее отца (пункт 8.2 Мнения).

Комитет принимает к сведению заявления государства-участника о том, что автор сообщения не представила достаточных доказательств того, что имеются существенные основания полагать, что в случае возвращения в Сомали для нее существует опасность подвергнуться серьезному гендерному насилию, что ее заявления были рассмотрены иммиграционными властями Дании и что последние пришли к выводу о том, что автору сообщения не угрожает опасность подвергнуться преследованию, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 7 закона «Об иностранных гражданах», и что она не будет нуждаться в предоставлении защиты, как это предусмотрено пунктом 2 статьи 7 Закона, в случае ее возвращения в Сомали; что автор сообщения не представила достоверного объяснения описанных событий, что она не объяснила всех причин своего тайного вступления в брак, что в период рассмотрения дела о предоставлении убежища она с опозданием, только перед началом апелляционных слушаний представила подкрепляющие доказательства со стороны свидетеля, который был знаком с ее отцом, и школьный сертификат и что согласно результатам языкового анализа местом ее происхождения не является юг Сомали, как она утверждает (пункт 8.3 Мнения).

Комитет...принимает к сведению заявления автора сообщения о том, что она вступила в тайный брак по любви, что она встретила лиц, которые могли подтвердить ее показания, только после начала рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, сообщила об этих контактах в кратчайшие сроки и обратилась к государству-участнику с просьбой об их проверке и о своем полном медицинском обследовании для установления факта наличия шрамов на теле и их вероятного происхождения в подтверждение ее заявлений. Автор сообщения также ссылается на очень подробные пояснения, сделанные ей в отношении своей деревни и окрестностей, приводит факты, свидетельствующие о том, что, по заключению специалистов, языковые тесты могут давать ошибочные результаты, и отмечает, что аналитик не имел лингвистической подготовки (пункт 8.4 Мнения).

Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника, что оно не обязано проводить дополнительного расследования в том случае, если достоверность заявления автора сообщения в целом вызывает сомнения и есть основания полагать, что новые показания не изменят результатов оценки. Кроме того, государство-участник заявляет, что у автора сообщения есть защитники в Сомали в лице ее отца и сводных братьев (пункт 8.5 Мнения).

Комитет принимает к сведению, что по сути заявления автора сообщения направлены на оспаривание того, каким образом уполномоченные органы государства-участника рассматривали обстоятельства ее дела, применяли положения национального законодательства и делали выводы...Комитет принимает к сведению, что в материалах дела отсутствуют факты, которые

указывали бы на то, что подходу уполномоченных органов к изучению заявлений автора сообщения в отношении ее страхов, связанных с рисками, которым она могла бы подвергнуться по возвращении в Сомали, были присущи какие-либо недостатки такого рода...Комитет принимает к сведению критические замечания автора сообщения по поводу того, что национальные органы проигнорировали значимость ее утверждений, отдельные доказательства и показания свидетелей в поддержку ее заявлений (пункт 8.6 Мнения).

[У]читывая информацию, представленную сторонами, Комитет делает вывод о наличии несоответствий в заявлениях автора сообщения, что подрывает доверие к ее показаниям, в частности: а) ее решение о тайном вступлении в брак, которое также было представлено как попытка избежать насильственного брака с членом группировки «Аш-Шабааб»; и б) ее утверждение, что сведения об учителе были предъявлены только на этапе апелляции, потому что она не связывалась ни с кем из жителей родной деревни до начала рассмотрения ходатайства, что противоречит ее заявлению о встрече с соотечественницей, которая помогла ей связаться с учителем, во время пребывания в Греции, то есть до прибытия на территорию государства-участника. Комитет...принимает к сведению несоответствия в изложении фактов в отношении шрамов, в том числе утверждение, что на нее напали дома, которое противоречит тому, что она рассказала доктору, давшему ей направление на физиотерапию, о своем избиении на улице. Также было отмечено, что в ходе рассмотрения ее ходатайства о предоставлении убежища изменилось описание характера нападения: она говорила доктору, что ее били по обоим плечам, тогда как во время второго собеседования заявила, что получила «удары в сердце», от которых всё еще не может оправиться. Комитет отмечает, что автор сообщения не представила дополнительной информации или подробностей по этому вопросу. Факт нападения 2010 года был предъявлен только позднее в ходе рассмотрения дела, и автору не удалось это надлежащим образом объяснить. Уполномоченные органы проанализировали все доводы, представленные автором сообщения в процессе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища, и взвесили ее заявления по поводу угроз со стороны родственников ее мужа и боевиков «Аш-Шабааб»; доказательства, представленные ею в отношении района своего происхождения в Сомали, включая заявление свидетеля и школьный сертификат, и ее утверждения о том, что по возвращении в Сомали она может стать жертвой преследования или даже убийства. Тем не менее после рассмотрения всех указанных показаний уполномоченные органы государства-участника сделали вывод, что ее история не вызывает доверия по причине наличия несоответствий или необоснованности (пункт 8.8 Мнения).

[Д]олжным образом оценивая обеспокоенность, которая на законном основании может быть выражена в отношении общей ситуации в области прав человека в Сомали и, в частности, в контексте прав женщин, Комитет считает, что ничто в материалах настоящего дела не дает ему оснований сделать вывод о

том, что уполномоченные органы государства-участника не уделили должного внимания ходатайствам автора о предоставлении убежища. Исходя из этого, Комитет не может установить, что рассмотрение ее ходатайства о предоставлении убежища уполномоченными органами государства-участника осуществлялось с нарушением его обязательств согласно Конвенции (пункт 8.8 Мнения).

Выводы Комитета: при рассмотрении ходатайства автора сообщения о предоставлении ей убежища и принятии решения о ее последующей высылке в Сомали положения статей 1, 2, 3, 5 или 16 Конвенции нарушены не были (пункт 9 Мнения).

выдворение в Судан

практика Комитета против пыток

Сообщение: *С.С.Б. против Дании*. Сообщение № 602/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 28 апреля 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что по возвращении в Судан заявителю лично будет угрожать применение пыток. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Комитет вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу постоянных и последовательных утверждений о широком применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения государственными субъектами, – как военнослужащими, так и сотрудниками полиции, – которые по-прежнему совершаются во многих районах Судана¹²⁴ (пункт 8.3 Решения).

Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что в случае возвращения в Судан ему будет угрожать реальная личная опасность применения пыток, поскольку: сотрудники национальной службы безопасности и сотрудники полиции допрашивали его по поводу участия его брата в деятельности «Движения за справедливость и равенство» и по поводу местонахождения брата; сотрудники службы безопасности несколько раз ударили его ножом; сотрудники полиции угрожали ему смертью; он бежал из военного госпиталя, где он находился под стражей, а затем покинул страну. Он также опасается возвращаться в Судан, поскольку связан отношениями с женщиной-христианкой и поскольку сотрудники полиции обвинили его в том, что в силу таких отношений он не является настоящим мусульманином. Комитет также принимает к сведению замечания государства-участника о том, что его национальные органы пришли к выводу, что заявитель не заслуживает доверия, поскольку, в частности, в ходе собеседований он сделал

¹²⁴ CCPR/C/SDN/CO/4, пункты 15–17.

противоречивые и преувеличенные заявления, а также поскольку он и его партнерша сделали противоречивые заявления по поводу причины их отъезда из Судана (пункт 8.5 Решения).

По данному делу Комитет отмечает, что утверждения заявителя о том, что он рискует подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Судан, основываются на общей репутации Судана в области прав человека и на утверждении о том, что в 2007 году сотрудники службы безопасности и полиции ударили его ножом, угрожали ему и подвергли его аресту, с тем чтобы заставить его рассказать о местонахождении его брата, который является сторонником «Движения за справедливость и равенство». Комитет...принимает к сведению представления государства-участника о том, что заявитель никогда сам не участвовал в этом Движении, что его политическая деятельность свелась к участию в одной демонстрации и что он сделал противоречивые заявления о событиях, связанных с жестоким обращением с ним и с его арестом. Комитет отмечает, что, даже если он не примет во внимание вышеупомянутые несоответствия и признает эти утверждения подлинными, заявитель все равно не представил никаких доказательств того, что власти Судана разыскивали его в недавнем прошлом или проявили каким-то иным образом интерес к его личности. Комитет...принимает к сведению позицию заявителя о том, что власти должны были распорядиться провести медицинское освидетельствование в целях подтверждения или опровержения того, что в прошлом он был подвергнут пыткам (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что медицинское освидетельствование, испрошенное заявителем в целях подтверждения актов пыток, которым он или она были якобы подвергнуты, должно было быть, в принципе, проведено, независимо от оценки, вынесенной органами власти в отношении достоверности данного утверждения, с тем чтобы органы власти, принимающие решение по тому или иному делу, связанному с принудительным возвращением, могли объективно завершить оценку опасности применения пыток, основываясь на результатах этого медицинского освидетельствования, без какого-либо разумного сомнения. Вместе с тем, учитывая конкретные обстоятельства данного дела, Комитет принимает во внимание период времени, прошедший после событий 2007 года, и напоминает, что, хотя происшедшие в прошлом события могут иметь отношение к делу, главная цель его оценки заключается в том, чтобы определить, существует ли в настоящее время опасность применения к заявителю пыток после его возвращения в Судан¹²⁵. Комитет напоминает о том, что жестокое обращение, которому он подвергся в прошлом, является лишь одним из тех элементов, которые должны быть приняты во внимание, и что соответствующий вопрос, стоящий на рассмотрении Комитета, заключается в том, существует ли в настоящее время опасность того, что заявитель будет

---

¹²⁵ См. сообщения № 61/1996, *X, Y и Z против Швеции*, Мнения, принятые 6 мая 1998 года, пункт 11.2 и № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 года, пункт 7.7.

подвергнут пыткам в случае его возвращения в Судан¹²⁶. Комитет считает, что, даже если предположить, что в прошлом суданские власти применили к заявителю пытки, из этого автоматически не вытекает, что по крайней мере через десять лет после предполагаемых событий ему по-прежнему угрожает опасность быть подвергнутым пыткам в случае возвращения в Судан¹²⁷ (пункт 8.7 Решения).

Выводы Комитета: [в] свете вышеизложенных соображений и на основе всей информации, представленной заявителем и государством-участником, в том числе об общем положении в области прав человека в Судане, Комитет считает, что заявитель не доказал должным образом, как того требует статья 3 Конвенции, наличия серьезных оснований полагать, что по его возвращении в Судан он подвергнется реальной, конкретной и личной опасности применения пыток (пункт 8.8 Решения).

выдворение в *Швецию*

практика Комитета против пыток

Сообщение: *Р.М. против Швеции*. Сообщение № 610/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 30 ноября 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае депортации в Бангладеш он рискует подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, со стороны членов партии «Авами лиг» и сотрудников местной правоохранительной структуры. Однако Комитет отмечает, что объем представленного заявителем сообщения составляет всего полстраницы и что в нем нет никакой подробной информации ни о его политической деятельности в Бангладеш, ни о вынесенном ему ранее обвинительном приговоре от 24 ноября 2005 г. за применение пыток и изнасилование, ни о том, почему упомянутая правоохранительная структура проявляла к нему интерес. Содержание всех представленных заявителем документов, а именно писем представителя Националистической партии Бангладеш, отца заявителя, его адвоката и председателя Национальной комиссии по правам человека, ограничивается утверждением о том, что заявителю грозит опасность из-за его политической принадлежности, без разъяснения его роли в рядах Националистической партии Бангладеш или его предшествующей политической деятельности. С учетом вышеизложенного Комитет отмечает,

¹²⁶ См., например, сообщения № 61/1996, *X, Y и Z против Швеции*, Мнения, принятые 6 мая 1998 года, пункт 11.2; № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 года, пункт 7.7; № 458/2011, *X. против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 года, пункт 9.5.

¹²⁷ См., например, сообщение № 431/2010, *Y. против Швейцарии*, Решение, принятое 21 мая 2013 года, пункт 7.7 и № 458/2011, *X. против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 года, пункт 9.5.

в частности, что заявитель, несмотря на утверждения о его политическом преследовании в Бангладеш, обратился в консульство Бангладеш в Швеции и получил паспорт, не сообщая о каких-либо проблемах. Комитет также отмечает, что в деле нет ни одного доказательства утверждений заявителя о том, что он ранее подвергался пыткам. По этому аспекту заявитель не привел ни сроков, ни подробностей, ни подтверждающих документов. Исходя из представленных ему материалов, Комитет не в состоянии определить, подвергался ли заявитель в прошлом какому-либо преследованию или жестокому обращению или будет ли ему грозить персональная опасность применения пыток в случае его возвращения в Бангладеш. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к выводу, что заявителю не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости (пункт 6.3 Решения).

Выводы Комитета: сообщение считать неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции; препроводить настоящее решение заявителю и государству-участнику (пункт 7 Решения).

выдворение в *Эфиопию*

*практика Комитета по ликвидации дискриминации
в отношении женщин*

Сообщение: *Н.М. против Дании*. Сообщение № 78/2014. Мнение принято Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет) 21 июля 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: по утверждению автора, она состоит в браке с членом Национального фронта освобождения Огадена, в поддержку которого она выступала на собраниях, что представители государственной власти забрали ее мужа из дома, где они совместно проживали, и что, вернувшись в их дом спустя две недели, арестовали ее саму. Она утверждает, что после помещения под стражу она ежедневно на протяжении трех недель подвергалась пыткам и допросам на предмет местонахождения ее супруга и что по прошествии какого-то времени ей удалось бежать, воспользовавшись вспыхнувшей перестрелкой. Она утверждает, что она бежала и смогла в конечном итоге добраться до дома ее тети, которая организовала ее побег на следующий день. По ее словам, она опасается, что может быть вновь арестована и подвергнута пыткам по возвращении на основании принадлежности ее супруга к Фронту освобождения. Автор утверждает, что она подвергалась стрессу и давлению в ходе собеседований и что ей задавались наводящие вопросы, что могло стать причиной противоречивости ее заявлений, на которую ссылается государство-участник (пункт 8.2 Мнения).

Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не смогла представить достаточно убедительные доводы,

которые позволили бы поверить в наличие для нее угрозы стать жертвой серьезного гендерного насилия в случае ее возвращения в Эфиопию, что ее утверждения были рассмотрены иммиграционными органами Дании, которые пришли к выводу, что автору не угрожает опасность подвергнуться преследованию по смыслу раздела 7 (1) Закона об иностранцах и что она не нуждается в предоставлении статуса защищаемого лица по смыслу раздела 7 (2) Закона об иностранцах в случае ее возвращения в Эфиопию, что автор не смогла достоверно описать ход упомянутых выше событий, представить исчерпывающие разъяснения относительно различных версий обстоятельств ее побега, что ее показания о применении пыток представляются поверхностными и надуманными и что она делала противоречащие одно другому заявления относительно того, видела ли она документы, использовавшиеся для ее побега. Он также принимает к сведению заявление государства-участника о том, что оно не видит никаких оснований полагать, что автору действительно задавались наводящие вопросы или что она подвергалась ненадлежащему давлению в ходе собеседований, и что, таким образом, упомянутые противоречия остаются без объяснения (пункт 8.3 Мнения).

Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что ее права, предусмотренные статьями 3, 5 и 7 Конвенции, были нарушены в результате лишения ее возможности выбирать собственную политическую принадлежность и угрозы подвергнуться, в случае возвращения в Эфиопию, преследованию по причине принадлежности ее мужа к Национальному фронту освобождения Огадена. Комитет отмечает, что, государству-участнику не вменяется непосредственное нарушение упомянутых положений Конвенции, но в действительности нарушение, о котором заявляет автор сообщения, состоит в том, что в случае ее принудительного возвращения в Эфиопию она может столкнуться с серьезными формами гендерного насилия со стороны эфиопских властей, обусловленными осуществляемой ими дискриминацией по смыслу этих положений (пункт 8.4 Мнения).

В этой связи Комитет отмечает, что по своей сути заявления автора направлены на оспаривание того, каким образом уполномоченные органы государства-участника рассматривали обстоятельства ее дела, применяли положения законодательства и делали выводы. Таким образом, Комитету необходимо выяснить, были ли в процессе принятия решения по ходатайству автора о предоставлении ей убежища совершены какие-либо нарушения в том смысле, что власти государства-участника не смогли должным образом оценить угрожающую ей опасность подвергнуться серьезному гендерному насилию в случае ее возвращения в Эфиопию. В этой связи Комитет принимает к сведению критические замечания автора по поводу игнорирования уполномоченными органами государства-участника обоснованности ее заявлений, представленной справочной информации и конкретных доказательств применения в отношении нее пыток. Вместе с тем Комитет считает, что после рассмотрения всех представленных автором материалов уполномоченные органы государства-участника пришли к выводу, что

поведанная ею история не вызывает доверия по причине наличия несоответствий и недостаточной обоснованности. Комитет отмечает, что никакие из имеющихся материалов не указывают на то, что при рассмотрении властями заявлений автора были допущены какие-либо подобные нарушения, которые позволяли бы сделать вывод о том, что государство-участник не обеспечило должный учет опасностей, которые могли угрожать автору сообщения (пункт 8.6 Мнения).

В свете вышеизложенного, должным образом оценивая обеспокоенность, которая на законном основании может быть выражена в отношении общей ситуации в области прав человека в Эфиопии, в особенности в контексте прав женщин, Комитет считает, что ничто в материалах настоящего дела не дает ему оснований сделать вывод о том, что уполномоченные органы государства-участника не уделили должного внимания ходатайствам автора о предоставлении убежища. В этой связи Комитет считает, что уполномоченные органы государства-участника при рассмотрении ходатайства автора о предоставлении убежища руководствовались соответствующими обязательствами государства-участника по Конвенции (пункт 8.7 Мнения).

Выводы Комитета: при рассмотрении ходатайства автора о предоставлении убежища и принятии решения о ее принудительном возвращении в Эфиопию положения статей 3, 5 и 7 Конвенции нарушены не были (пункт 9 Мнения).

выдворение в *Шри-Ланку*

практика Комитета против пыток

Сообщение: *Субакаран Р. Тиругнанасампантар против Австралии.* Сообщение № 614/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 9 августа 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: В данном случае заявитель утверждает, что по возвращении в Шри-Ланку он будет задержан, подвергнут пыткам и, возможно, убит военнослужащими Шри-Ланки или связанными с ними военизированными группами за свое участие в 2005 году в школьной театральной постановке, организованной «Тиграми освобождения Тамил-Илама»¹²⁸ (далее – ТОТИ), в связи с чем он подозревается в том, что является сторонником ТОТИ. Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что в 2008 году неизвестная вооруженная банда явилась к нему домой и допросила его о ТОТИ; что в июне 2008 года два лица попытались похитить его из школы; в период с октября 2009 по январь 2011 года он скрывался в церкви Св. Марии в Джафне, поскольку члены вооруженных банд в поисках него неоднократно являлись к членам его семьи; и что в мае 2011 года

¹²⁸Тамильское повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства

[Тамил-Илам](#) на территории Шри-Ланки.

военнослужащие Шри-Ланки провели обыск в его доме, в ходе которого они напали на заявителя и избили его. Комитет также отмечает утверждения заявителя о том, что в июне 2011 года он был похищен большой группой мужчин в белом микроавтобусе, был избит и подвергся сексуальному насилию; и что один из членов банды позволил ему бежать после того, как отец заявителя дал взятку. Комитет далее отмечает утверждения заявителя о том, что, когда он бежал в Малайзию с целью избежать дальнейших преследований, военнослужащие Шри-Ланки и члены вооруженных банд приходили к нему домой и допрашивали его брата, а также о том, что он вновь подвергнется преследованиям со стороны военизированных групп, связанных с армией Шри-Ланки, в случае своего возвращения в страну (пункт 8.5 Решения).

Комитет отмечает утверждение государства-участника о том, что заявитель не смог представить достоверных доказательств и не обосновал того, что имеется предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам со стороны властей страны в случае его возвращения в Шри-Ланку, а также что его утверждения были тщательно рассмотрены в рамках процедур определения статуса беженца и необходимости предоставления дополнительной защиты в соответствии с внутренним законодательством и с учетом нынешней ситуации в области прав человека в Шри-Ланке. Комитет отмечает, что власти государства-участника пришли к выводу о том, что утверждения заявителя относительно преследований в период с 2008 по 2011 год и его предполагаемого похищения в июне 2011 года не заслуживают доверия... Комитет отмечает, что государство-участник не согласилось с тем, что заявитель подозревается в том, что он является сторонником ТОТИ и представляет интерес для военизированных групп армии Шри-Ланки в связи с его участием в школьной театральной постановке в 2005 году. Напротив, оно считает, что тот факт, что заявитель смог покинуть Шри-Ланку по своему собственному паспорту без каких-либо происшествий, свидетельствует об обратном. Принимавшие решения инстанции полагались на информацию, согласно которой обстановка в области безопасности в Шри-Ланке улучшилась после прекращения боевых действий в 2009 году и заявитель не может подвергнуться преследованию по причине своего тамильского происхождения, принадлежности к определенной социальной группе молодых людей или предполагаемых политических взглядов в качестве сторонника ТОТИ. В отношении предполагаемых преследований других участников школьной театральной постановки 2005 года и предполагаемого допроса его брата военнослужащими Шри-Ланки и вооруженными бандами в то время, когда он находился в Малайзии в 2011 году, власти государства-участника не считают, что заявитель является надежным свидетелем в отношении значительной части своих утверждений. Кроме того, государство-участник считает, что он не представил убедительных доказательств того, что власти Шри-Ланки разыскивали его в недавнем прошлом или иным образом проявляли к его личности интерес. Наконец, Комитет принимает к сведению информацию государства-участника о том, что заявитель не был задержан или привлечен к

ответственности сотрудниками полиции Шри-Ланки после его возвращения в Шри-Ланку и ему было разрешено беспрепятственно покинуть аэропорт (пункт 8.6 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель не представил свои комментарии в ответ на замечания государства-участника и не ответил ни на одно из направленных Комитетом напоминаний, что может являться следствием его высылки в Шри-Ланку. В отношении утверждения заявителя о том, что он рискует подвергнуться пыткам по возвращении в Шри-Ланку, поскольку он является молодым тамилем и имеет реальные или предполагаемые связи с ТОТИ, а также является получившим отказ просителем убежища, Комитет принимает решение о том, что жителям Шри-Ланки тамильского происхождения, ранее имевшим реальные или предполагаемые личные или семейные связи с ТОТИ, в случае принудительного возвращения в Шри-Ланку может угрожать опасность применения пыток. В этой связи Комитет отмечает нынешнее положение дел в области прав человека в Шри-Ланке и ссылается на свои заключительные замечания по пятому периодическому докладу Шри-Ланки, в которых он выразил обеспокоенность, в частности, сообщениями о непрекращающихся похищениях, пытках и жестоком обращении со стороны государственных сил безопасности в Шри-Ланке, в том числе военнослужащих и сотрудников полиции, которые продолжают во многих частях страны после завершения конфликта с ТОТИ в мае 2009 года¹²⁹, а также на достоверные сообщения неправительственных организаций¹³⁰ об обращении властей Шри-Ланки с лицами, возвращенными в Шри-Ланку¹³¹... Комитет...напоминает, что, хотя прошлые события могут иметь отношение к делу, главный вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, подвергается ли в настоящее время заявитель опасности применения пыток в случае своего возвращения в Шри-Ланку¹³². Кроме того, Комитет отмечает, что при оценке государством-участником ходатайства заявителя о предоставлении убежища власти государства-участника также учитывали возможный риск жестокого обращения с лицами, которым было отказано в предоставлении убежища, по их возвращении в Шри-Ланку, но не посчитали, что в данном случае власти Шри-Ланки в недавнем прошлом разыскивали его или иным образом проявляли к его личности интерес. Комитет полагает, что в данном случае власти государства-участника надлежащим образом рассмотрели жалобу заявителя (пункт 8.7 Решения).

¹²⁹ См. CAT/C/LKA/CO/5, пункты 9–12.

¹³⁰ Freedom from Torture, *Tainted Peace: Torture in Sri Lanka since May 2009* (August 2015), доступно по адресу www.freedomfromtorture.org/sites/default/files/documents/sl_report_a4_-_final-f-b-web.pdf.

¹³¹ См. сообщение № 628/2014, *Дж.Н. против Дании*, Решение, принятое 13 мая 2016 года, пункт 7.9.

¹³² См., например, сообщения № 61/1996, *X, Y и Z против Швеции*, Соображения, принятые 6 мая 1998 года, пункт 11.2; № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 года, пункт 7.7; или № 458/2011, *X против Дании*, Решение, принятое 28 ноября 2014 года, пункт 9.5.

В свете вышеуказанных соображений и всей представленной заявителем и государством-участником информации, в том числе об общем положении дел в области прав человека в Шри-Ланке, Комитет приходит к заключению, что в данном случае заявитель не смог представить достаточных доказательств¹³³, поскольку он не доказал наличия серьезных оснований полагать, что в случае его принудительной высылки в страну происхождения ему лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность стать жертвой пыток по смыслу статьи 3 Конвенции. Хотя заявитель не согласен с оценкой властями государства-участника его утверждений, он не смог продемонстрировать, что решение об отказе ему в оформлении визы в целях защиты было явно произвольным или равносильным отказу в правосудии (пункт 8.7 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции. Что касается невыполнения государством-участником просьбы Комитета от 24 июня 2014 года о принятии временных мер защиты в отношении заявителя с целью не допустить его депортации и его принудительной высылки в Шри-Ланку 25 июня 2014 года, то Комитет постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 22 Конвенции в связи с отказом от добросовестного сотрудничества с Комитетом, в результате чего Комитет не смог эффективно рассмотреть настоящее сообщение¹³⁴ (пункт 9 Решения).

Сообщение: *Н.К. против Нидерландов*. Сообщение № 623/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 1 мая 2017 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что после возвращения в Шри-Ланку заявителю будет лично угрожать опасность применения пыток. При оценке этой опасности Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет вновь выражает серьезную обеспокоенность по поводу постоянных и последовательных утверждений о широком применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения государственными субъектами, как вооруженными силами, так и полицией, во многих частях страны после завершения конфликта в мае 2009 года¹³⁵. Однако Комитет отмечает, что цель такой оценки заключается в том, чтобы установить, угрожает ли предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она

¹³³ См. сообщение № 429/2010, *Сивагнанаратнам против Дании*, Решение, принятое 11 ноября 2013 года, пункты 10.5 и 10.6.

¹³⁴ См. сообщение № 428/2010, *Калиниченко против Марокко*, Решение, принятое 25 ноября 2011 года, пункт 16. См. также *Турсунов против Казахстана*, пункт 10; и *Д.И.С. против Венгрии*, пункт 11.

¹³⁵ См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

подлежит возвращению, *лично данному лицу*. Из этого следует, что наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране не является само по себе достаточным основанием для определения того, что соответствующему лицу будет угрожать применение пыток при возвращении в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания для подтверждения того, что лично данному конкретному лицу будет угрожать подобная опасность (пункт 10.3 Решения).

В данном деле заявитель утверждает, что в случае его возвращения в Шри-Ланку он будет задержан и подвергнут пыткам. Комитет принимает к сведению заявления государства-участника о том, что заявитель не представил достоверные доказательства и не смог доказать, что в случае возвращения в Шри-Ланку ему лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность подвергнуться пыткам со стороны властей; и что его утверждения были тщательно рассмотрены компетентными национальными органами и судами в соответствии с внутренним законодательством и с учетом нынешнего положения в области прав человека в Шри-Ланке (пункт 10.5 Решения).

Комитет ссылается на рассмотрение им пятого периодического доклада Шри-Ланки¹³⁶, в ходе которого была выражена серьезная обеспокоенность сообщениями о том, что во многих частях страны после завершения конфликта с «Тиграми освобождения Тамил-Илама»¹³⁷ (далее – ТОТИ) в мае 2009 года продолжали иметь место похищения, пытки и акты жестокого обращения, совершаемые государственными силами безопасности Шри-Ланки, включая полицию¹³⁸. Комитет также выразил обеспокоенность по поводу репрессий в отношении жертв и свидетелей актов пыток и актов похищения и пыток в тайных местах содержания под стражей и запросил информацию о том, проводилось ли оперативное, беспристрастное и эффективное расследование любых таких актов¹³⁹ (пункт 10.6 Решения).

В настоящем сообщении Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что он был зарегистрирован в рядах ТОТИ, прошел военную подготовку и принял участие в стычке со шри-ланкийской армией, после чего бежал и вскоре покинул страну; что он участвовал в спортивных мероприятиях, организованных ТОТИ в Нидерландах, и фотографии с этих мероприятий были размещены в сети «Фейсбук»; и что его двоюродный брат был убит в 2006 году из-за его предполагаемых связей с ТОТИ. Комитет также принимает к сведению утверждения о том, что заявитель является молодым тамилем с севера Шри-Ланки, получившим отказ просителем убежища, имеющим хорошо заметные шрамы, который будет в принудительном порядке выслан в Шри-Ланку по чрезвычайному паспорту. В то же время Комитет отмечает, что в

¹³⁶ См. CAT/C/SR.1472 и 1475.

¹³⁷ Тамильское повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства

[Тамил-Илам](#) на территории Шри-Ланки.

¹³⁸ См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

¹³⁹ См. CAT/C/SR.1472, пункты 36 и 42, и CAT/C/SR.1475, пункты 10 и 27.

сообщении нет сведений, свидетельствующих о том, что заявитель или члены его семьи играли какую-либо важную роль в ТОТИ или когда-либо имели проблемы с шри-ланкийскими властями. Кроме того, заявитель бежал из рядов ТОТИ и не принимал участия в каких-либо политических протестах, организованных ТОТИ за рубежом. Он утверждает, что получил повестку от армейского командира в 2012 году и что власти пытались узнать информацию о нем; вместе с тем Комитет отмечает, что с 2012 года заявитель не сообщал о каких-либо последующих мерах армии в связи с его неявкой в лагерь или каких-либо последующих запросах о нем (пункт 10.7 Решения).

Что касается смерти двоюродного брата заявителя, то Комитет отмечает, что заявитель не представил никакой информации относительно конкретной роли его двоюродного брата в ТОТИ и никаких сведений о том, как он был убит, и, что наиболее важно, были ли у кого-либо из членов семьи его двоюродного брата или у самого заявителя до того, как он покинул страну, какие-либо проблемы в связи с деятельностью его брата в рядах ТОТИ. Что касается его участия в организованных ТОТИ спортивных мероприятиях в Нидерландах, то Комитет отмечает, что, даже если власти Шри-Ланки смогут установить его личность по немаркированным фотографиям в «Фейсбуке», эти мероприятия не носили политического характера и сами по себе не делают заявителя видным сторонником ТОТИ. В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что, даже если заявителя будут проверять в аэропорту из-за его чрезвычайного паспорта или шрамов, не существует никаких доказательств того, что он имеет статус сторонника ТОТИ, в результате которого он может подвергнуться личной угрозе применения пыток со стороны властей (пункт 10.8 Решения).

С учетом вышеизложенного и в свете представленных ему материалов Комитет приходит к заключению, что заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его высылки в страну происхождения он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 11 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12 Решения).

Практика Комитета по правам человека

Сообщение: *У. против Канады.* Сообщение № 2280/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 22 июля 2015

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что, если он будет выслан в Шри-Ланку, ему будут угрожать преследования как молодому тамилу из северных районов Шри-Ланки, подозреваемому в связях с организацией

«Тигры освобождения Тамил-Илама» (далее – ТОТИ), и как получившему отказ просителю убежища; и что власти государства-участника произвольно проигнорировали документальные доказательства, которые подтверждают его утверждения о преследованиях, и не придали должного веса тому факту, что до отъезда из страны происхождения он, как сообщается, трижды арестовывался военными по подозрению в членстве в ТОТИ, что, находясь под стражей, он подвергался пыткам и жестокому обращению и что его семья продолжала подвергаться запугиваниям со стороны военных после того, как он покинул страну (пункт 7.3 Соображений).

Комитет принимает к сведению доводы государства-участника о том, что его власти рассмотрели все представленные им документальные доказательства; что объективные и надежные сообщения показывают, что в Шри-Ланке имеют место серьезные нарушения прав человека; что не все молодые тамилы из северных районов Шри-Ланки сталкиваются с реальной и личной угрозой преследования со стороны властей, а только те, кто подозревается в связях с ТОТИ; и что автор не продемонстрировал, что он является лицом, которое подозревается в наличии существенных и конкретных связей с ТОТИ (пункт 7.4 Соображений).

Комитет отмечает, что утверждения автора в основном касаются оценок документальных доказательств, проведенных властями, причем он заявляет, что доказательства были недостаточным образом приняты во внимание и что как минимум некоторые сообщения, как представляется, приводят к выводу о том, что даже минимальная или всего лишь предполагаемая связь с ТОТИ является достаточной причиной, чтобы лицо попало под угрозу преследования в Шри-Ланке. Комитет отмечает, что, согласно сообщениям о положении с правами человека в Шри-Ланке, несмотря на имевшие место изменения, нарушения прав человека, включая пытки, продолжаются; и что, среди прочего, некоторые лица тамильского этнического происхождения, которые подозреваются в связях с ТОТИ, могут нуждаться в международной защите. Комитет ... отмечает, что автор не утверждает, что он был членом ТОТИ или что он каким-либо образом участвовал в деятельности ТОТИ, поддерживал ТОТИ или был связан с деятельностью ТОТИ. Вместо этого он заявляет, что три его задержания военными, его тамильское этническое происхождение и тот факт, что он является получившим отказ просителем убежища, составляют достаточные основания для того, чтобы он воспринимался как лицо, имеющее связи с ТОТИ. В данной ситуации Совет по делам иммиграции и беженцев и Федеральный суд отклонили ходатайство автора о предоставлении ему статуса беженца, поскольку они посчитали, что автор не показал, что он связан с ТОТИ. Впоследствии в ходе процедуры оценки риска до высылки иммиграционные власти заключили, что автор не показал, что у него есть предполагаемые связи с ТОТИ. Изучая эти ходатайства, власти рассмотрели утверждения автора, учитывая также сообщения, полученные от нескольких государств и неправительственных государств касательно положения тамилы в Шри-Ланке. Автор не согласен с принятыми решениями. Тем не менее, он не объяснил,

почему эти решения являются явно неразумными или произвольными, в частности потому, что при их принятии не был учтен соответствующий фактор риска (пункт 7.6 Соображений).

Выводы Комитета: выдворение автора в Шри-Ланку не будет нарушением статей 6 и 7 Пакта (пункт 8 Соображений).

практика Комитета против пыток

Сообщение: *Р.К. против Австралии*. Сообщение № 609/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 11 августа 2016 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждения заявителя о том, что он будет задержан и подвергнут пыткам в случае возвращения в Шри-Ланку как получивший отказ проситель убежища и по причине его связей или связей его родственников с ТОТИ. Комитет... отмечает утверждение государства-участника о том, что заявитель не смог обосновать *prima facie*¹⁴⁰ свое дело для целей приемлемости, поскольку он не представил заслуживающих доверия сведений и не обосновал заявление о существовании предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам со стороны властей в случае его возвращения в Шри-Ланку. Государство-участник также заявило, что утверждения заявителя были тщательно рассмотрены компетентными национальными органами и судами в соответствии с внутренним законодательством и что было принято во внимание нынешнее положение в области прав человека в Шри-Ланке (пункт 8.5 Решения).

Комитет ссылается на свои заключительные замечания по объединенным третьему и четвертому периодическим докладам Шри-Ланки, в которых он выразил серьезную обеспокоенность в связи с сообщениями о том, что практика пыток и жестокого обращения со стороны государственных субъектов в Шри-Ланке, как военных, так и полиции, продолжается во многих частях страны и после завершения конфликта с «Тиграми освобождения Тамил-Ислама» (далее – ТОТИ) в мае 2009 года¹⁴¹... Комитет ссылается на свои заключительные замечания по пятому периодическому докладу Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, в которых он обратил внимание на факты, свидетельствующие о том, что некоторые тамилы из Шри-Ланки стали жертвами пыток и жестокого обращения после их принудительной или добровольной высылки из государства-участника в Шри-Ланку¹⁴². Комитет... ссылается на предварительные замечания и рекомендации Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, сделанные по итогам его официальной поездки в Шри-Ланку, проведенной совместно со Специальным докладчиком по вопросу о независимости судей и

¹⁴⁰ На первый взгляд (лат.).

¹⁴¹ См. CAT/C/LKA/CO/3-4, пункт 6.

¹⁴² См. CAT/C/GBR/CO/5, пункт 20.

адвокатов с 29 апреля по 7 мая 2016 г., в которых было отмечено, что «пытки являются распространенной практикой» и что «действующие правовые рамки и отсутствие реформ в структурах вооруженных сил, полиции, прокуратуры и судебных органов сохраняют реальную опасность того, что практика применения пыток будет продолжаться»¹⁴³. Комитет принимает к сведению также опубликованные неправительственные организации (далее – НПО) и заслуживающие доверия доклады относительно обращения шриланкийских властей с возвращенными в Шри-Ланку лицами¹⁴⁴. Комитет считает, что все вышеупомянутые доклады свидетельствуют о том, что жителям Шри-Ланки тамильского этнического происхождения, которые ранее имели личные или семейные связи с ТОТИ и которым предстоит принудительное возвращение в Шри-Ланку, может угрожать опасность применения пыток¹⁴⁵ (пункт 8.6 Решения).

В настоящем сообщении Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что один из его братьев был убит в 2001 году в связи с его предполагаемыми связями с ТОТИ и что сам заявитель подозревается в поддержке ТОТИ, поскольку он шил одежду для членов ТОТИ. В то же время Комитет отмечает, что заявитель не представил никаких конкретных сведений о роли его брата в ТОТИ и никаких сообщений о каких бы то ни было преследованиях, которым бы подвергались либо сам заявитель, либо его родственники в связи со связями его брата с ТОТИ, особенно с учетом того, что с начала конфликта армия Шри-Ланки базировалась на части их земельных владений. Комитет... отмечает, что с 2001 года, когда был убит его брат, заявитель прожил в Шри-Ланке восемь лет, прежде чем отправился в Индию из аэропорта, имея при себе действительный паспорт и визу. Кроме того, в материалах дела нет никакой информации о том, что заявитель когда-либо подвергался аресту, пыткам или преследованиям со стороны властей или что они разыскивали его до или после его отъезда в 2009 году. Родственники заявителя по-прежнему проживают в своем семейном доме в Тринкомали, и заявитель не сообщал о каких-либо проблемах, с которыми они могли столкнуться после того, как он покинул страну. Заявитель не представил причин, по которым власти могли начать интересоваться его личностью спустя 15 лет после смерти его брата. В этой связи Комитет приходит к выводу о том,

¹⁴³См. предварительные Замечания и рекомендации Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, г-н *Хуана Э. Мендеса*, по итогам официального совместного визита в Шри-Ланку 29 апреля – 7 мая 2016 г. (Коломбо, 7 мая 2016 г.).

¹⁴⁴ See Freedom from Torture, *Tainted Peace: Torture in Sri Lanka since May 2009*, August 2015, available at http://www.freedomfromtorture.org/sites/default/files/documents/sl_report_a4_-_final-f-b-web.pdf; and Yasmin Sooka, The Bar Human Rights Committee of England and Wales (BHRC) and The International Truth and Justice Project, Sri Lanka, *An Unfinished War, Torture and Sexual Violence in Sri Lanka 2009-2014*, March 2014, доступен http://www.barhumanrights.org.uk/sites/default/files/documents/news/an_unfinihsed_war_torture_and_sexual_violence_in_sri_lanka_2009-2014_0.pdf.

¹⁴⁵ См. сообщение № 628/2014, *Дж. Н. против Даниш*, Решение, принятое 13 мая 2016 г., пункт 7.9.

что заявитель не представил доказательств каких-либо связей с ТОТИ, которые могли бы привести к возникновению личной опасности применения в его отношении пыток в Шри-Ланке (пункт 8.7 Решения).

Комитет напоминает, что в соответствии со своим [3]амечанием общего порядка № 1 бремя аргументированного изложения дела лежит на заявителе (пункт 5). По мнению Комитета, в данном случае заявителю не удалось успешно справиться с этой задачей¹⁴⁶ (пункт 8.8 Решения).

Выводы Комитета: высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 9 Решения).

---

¹⁴⁶См. сообщение № 429/2010, *Сиваганаратнам против Дании*, Решение, принятое 11 ноября 2013 г., пункты 10.5–10.6.

II.

II.a Международным договорным органом установлено нарушение права лица на уважение семейной жизни в случае его административного выдворения

выдворение в *Грузию*

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека¹⁴⁷ по жалобам №№ 14594/07, 14597/07, 14976/07, 14978/07, 15221/07, 16369/07 и 16706/07 **«Бердзенишвили и другие против России»** (вынесено 20 декабря 2016 г., вступило в силу 20 марта 2017 г.), в котором установлено нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5, статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁴⁸, пункта 4 Протокола № 4 к Конвенции в связи с незаконным задержанием пятнадцати граждан Грузии, необеспечением им надлежащих условий содержания в специальных учреждениях временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства и отсутствием у них эффективных средств правовой защиты от данных нарушений, а также выдворением соответствующих граждан с территории Российской Федерации без обеспечения надлежащего изучения ситуации каждого заявителя (коллективное выдворение).¹⁴⁹

Власти Российской Федерации утверждали, что Суд должен воздержаться от рассмотрения вопросов, поднятых в индивидуальных жалобах, поскольку в своем постановлении по межгосударственной жалобе «Грузия против России (I)» Суд уже установил нарушение прав конкретных граждан Республики Грузия и, следовательно, прав конкретных заявителей. Власти утверждали, что установление нарушений предусмотренных Конвенцией прав тех же лиц и при тех же обстоятельствах в ходе разбирательств, возбужденных по индивидуальной жалобе, приведет к «привлечению государства к

¹⁴⁷ Далее также – Европейский Суд, Суд.

¹⁴⁸ Далее также – Конвенция.

¹⁴⁹ Наряду с этим было установлено нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5, статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁴⁹, пункта 4 Протокола № 4 к Конвенции в связи с незаконным задержанием пятнадцати граждан Грузии, необеспечением им надлежащих условий содержания в специальных учреждениях временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства и отсутствием у них эффективных средств правовой защиты от данных нарушений, а также выдворением соответствующих граждан с территории Российской Федерации без обеспечения надлежащего изучения ситуации каждого заявителя (коллективное выдворение).

ответственности за одно и то же нарушение», что является неприемлемым согласно международному праву (пункт 35 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...Конвенция предусматривает запрет на «привлечение государства к ответственности за одно и то же нарушение», только в том, что касается подпункта «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции, когда Суд не рассматривает жалобу, которая «... является по существу аналогичной той, которая уже была рассмотрена Судом, или уже является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, и если она не содержит новых относящихся к делу фактов» (пункт 37 постановления).

Суд также напомнил, что «...для того, чтобы жалоба была «по сути аналогичной» она должна не только касаться тех же фактов и жалоб, но и подаваться теми же лицами. Следовательно, это не тот случай, когда подав межгосударственную жалобу, государство-заявитель лишило индивидуальных заявителей возможности подать и добиваться рассмотрения своих жалоб...[P]ассмотрение межгосударственного дела «Грузия против России (I)»...не мешает Суду рассмотреть настоящие индивидуальные жалобы» (пункт 37 постановления).

Большинство заявителей жаловались на то, что они, будучи гражданами Грузии, подверглись коллективной высылке из Российской Федерации в нарушение статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции.

Заявители также утверждали, что с начала октября 2006 года в Российской Федерации действовала скоординированная политика по высылке граждан Грузии. Согласно этой политике заявители задерживались, содержались под стражей и впоследствии высылались без отдельного рассмотрения каждого дела или конкретных обстоятельств каждого заявителя. Заявители не могли выступить и представить свои аргументы в российских судах, а высылались на основании стандартного судебного постановления (пункт 75 постановления).

Европейский Суд напомнил о своей практике, согласно которой «...коллективная высылка по смыслу статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции, должна пониматься, как любая мера, принуждающая иностранцев, как группу, покинуть страну, помимо случаев, когда такая мера принимается на основании обоснованного и объективного рассмотрения конкретного дела каждого отдельного иностранца группы...[P]азумное и объективное рассмотрение дела требует, чтобы каждому соответствующему лицу предоставлялась возможность привести аргументы против высылки компетентным органам на индивидуальной основе...Однако это не означает, что если имело место разумное и объективное рассмотрение конкретного дела в отношении каждого лица, то предпосылки для исполнения решений о высылке более не играют никакой роли при определении вопроса о соблюдении статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции» (пункт 79 постановления).

Суд установил, что «...в отношении [некоторых заявителей] суд или иной российский орган не выносил официального решения о выдворении, и они покинули Российскую Федерацию за счет собственных средств...[H]е было

установлено, что сотрудники специального учреждения вынудили [некоторых заявителей] покинуть страну... [И]з-за административной практики, действовавшей в рассматриваемый период, гражданам Грузии в Российской Федерации следовало опасаться задержания, помещения в специальное учреждение и выдворения. Суд [посчитал] понятным, почему некоторые граждане Грузии покинули Российскую Федерацию до вынесения официального решения о выдворении, предвидя свое задержание, помещение в специальное учреждение и выдворение. Тем не менее, в отсутствие такого официального решения о выдворении или какого-либо другого конкретного акта органов власти, Суд [посчитал], что он не может прийти к выводу о том, что эти три заявителя подверглись «мере, принуждающей иностранцев, как группу, покинуть страну... Следовательно, нарушения статьи 4 Протокола № 4 Конвенции допущено не было» (пункты 81-82 постановления).

В отношении остальных заявителей Суд отметил, что «...различные суды вынесли решения об их выдворении из Российской Федерации... [З]аявители стали объектом административной практики изгнания граждан Грузии... [В]ыдворение заявителей не было осуществлено после разумного и объективного рассмотрения дела каждого конкретного лица. Следовательно, имело место нарушение статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции» (пункты 83-84 постановления).

Большинство заявителей жаловались, что процессуальные гарантии, действующие в случае высылки, предусмотренные статьей 1 Протокола № 7 к Конвенции, были нарушены.

Европейский Суд отметил, что «...в статье 1 Протокола № 7 к Конвенции прямо говорится об иностранных гражданах, «законно проживающих на территории Государства» (пункт 87 постановления).

Суд посчитал, что не было установлено, что «[некоторые заявители] были выдворены из Российской Федерации, а также что кто-либо из выдворенных заявителей законно проживал на территории Российской Федерации... Соответственно.. жалоба, поданная заявителями в соответствии с данной статьей, не является достаточно обоснованной, и что доказательства, представленные ему, являются недостаточными для вывода о том, что имело место нарушение... Следовательно, нарушения статьи 1 Протокола № 7 Конвенции допущено не было (пункты 88-90 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 39428/12 *«Габлишвили против России»* (вынесено 26 июня 2014 г., вступило в силу 26 сентября 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель, гражданин Грузии, прибыл в Россию в 1999 году. В 2001 году он получил вид на жительство, который впоследствии регулярно продлевался. Его родители проживали в г. Сыктывкаре с начала 2000-х годов и получили российское гражданство в 2005 году и 2008 году. В

2011 году заявитель женился на гражданке России, которая в 2012 г. родила от него ребенка. В 2011 году заявитель был признан виновным в использовании наркотических веществ без назначения врача, оштрафован на 4000 рублей и в отношении него было вынесено постановление об административном выдворении из России. Также в 2011 году у заявителя был диагностирован ВИЧ, и Миграционная служба вынесла решение об аннулировании его вида на жительство, которое впоследствии было отменено согласно постановлению Верховного Суда Республики Коми. В 2012 году Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков вынесла решение о нежелательности пребывания заявителя в России, которое Верховный Суд Республики Коми оставил в силе. На момент принятия постановления Европейского Суда местопребывание заявителя было неизвестно. Также отсутствует информация о том, было ли осуществлено административное выдворение и сохраняет ли силу запрет на въезд заявителя.

Для оценки того, являлась ли мера в виде выдворения необходимой в демократическом сообществе, Суд использует следующие критерии:

- «- характер и тяжесть правонарушения, совершенного заявителем;
- длительность пребывания заявителя в стране, из которой он/она должен (должна) быть депортирован(а);
- период времени, истекший с момента совершения правонарушения и поведение заявителя в течение такого периода;
- гражданство различных заинтересованных лиц;
- семейное положение заявителя, в частности длительность брака и другие факторы, подтверждающие действительность семейной жизни пары;
- знал(а) ли супруг(а) о правонарушении на тот момент, когда он или она вступал(а) в брак с заявителем;
- есть ли в браке дети, и, если есть, какого они возраста; и
- степень трудностей, с которыми может столкнуться супруг(а) заявителя в стране, в которую должен быть выдворен заявитель» (пункт 47 постановления).

Европейский Суд отметил, что «нельзя обоснованно утверждать, что правонарушения в виде использования наркотиков и употребления наркотиков представляли собой серьезную угрозу общественному порядку» (пункт 50 постановления).

Суд подчеркнул, что «выдворение члена семьи является самой крайней формой вмешательства в право на уважение семейной жизни. Любое лицо, которому угрожает риск вмешательства такой степени, должно иметь в принципе право на определение соразмерности и обоснованности такой меры независимым судом с учетом соответствующих принципов статьи 8 Конвенции» (пункт 52 постановления).

Учитывая все обстоятельства дела, Европейский Суд пришел к выводу, что «судебные разбирательства, в ходе которых были вынесены или оставлены без изменений постановления о выдворении и решение о неразрешении въезда, не соответствовали требованиям Конвенции и не затрагивали все элементы,

которые внутригосударственным органам следовало учесть при оценке того, являлась ли мера по выдворению или неразрешению въезда «необходимой в демократическом обществе» и являлась ли она соразмерной преследуемой законной цели... [С]оответственно, в случае исполнения постановления о выдворении или решения о неразрешении въезда первого заявителя, имело бы место нарушение статьи 8» (пункты 60-61 постановления).

выдворение в *Ирак*

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *Зеяд Халаф Хамади эль-Гертани против Боснии и Герцеговины*. Сообщение № 1955/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 1 ноября 2013 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению заявления автора со ссылкой на статьи 17, 23 и 24 Пакта о том, что его содержание под стражей и возможная депортация представляют собой произвольное и незаконное вмешательство в его личную и семейную жизнь, поскольку это повлечет за собой разъединение семьи и отрицательно скажется на благополучии его детей. Его жена и несовершеннолетние дети являются гражданами Боснии и Герцеговины, не говорят по-арабски и не имеют никаких связей с иракской культурой. Кроме того, они не могут последовать за ним в страну, в которой идет гражданская война и сложилась удручающая обстановка с точки зрения безопасности. Комитет также принимает к сведению довод государства-участника на тот счет, что право на невмешательство в личную и семейную жизнь не является не допускающим отступлений и что оно может ограничиваться по соображениям, отвечающим общественным интересам (пункт 10.7 Соображений).

Комитет отмечает, что высылка автора сообщения повлечет за собой серьезные страдания для его семьи. Если жена и несовершеннолетние дети решат иммигрировать в Ирак, чтобы избежать разлучения, то им придется жить в стране, культура и язык которой им не знакомы. Комитет также отмечает, что, принимая решения о высылке автора, Суд Боснии и Герцеговины и Конституционный суд ограничились ссылкой на то, что автор считается лицом, представляющим угрозу национальной безопасности, не проведя надлежащей оценки такой причины для его высылки. Кроме того, эти суды не предоставили автору сообщения надлежащей возможности осветить вопрос о предполагаемой угрозе безопасности таким образом, чтобы он мог помочь вынести надлежащую оценку последствий его высылки для положения его семьи. Ввиду отсутствия ясных объяснений государства-участника, почему автор сообщения представляет собой угрозу безопасности страны и почему такая информация не может быть сообщена, Комитет придерживается того мнения, что государство-участник не смогло продемонстрировать, что вмешательство в семейную жизнь автора сообщения является обоснованным серьезными и объективными причинами.

Исходя из этого, Комитет считает, что с учетом этих обстоятельств депортация автора будет представлять собой нарушение статей 17 и 23 Пакта (пункт 10.9 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило права автора сообщения согласно пунктам 1, 2 и 4 статьи 9¹⁵⁰ и что выдворение автора в страну его происхождения будет представлять собой нарушение статей 17 и 23 Пакта (пункт 11 Соображений).

выдворение в Исламскую Республику Иран

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *Мансур Лигаэй и другие против Австралии.* Сообщение № 1937/2010. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 26 марта 2015 г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора, согласно которому отказ государства-участника выдать ему визу, повлекший за собой вынужденный отъезд из страны, явился произвольным вмешательством в его семейную жизнь по смыслу статей 17 и 23 и нарушил права его дочери, предусмотренные в статье 24, поскольку в момент отъезда она была несовершеннолетней, и ей не была оказана та защита, на которую она имела право в соответствии с этим положением. Комитет отмечает довод государства-участника, согласно которому решение о том, поедут члены семьи вместе с автором в Исламскую Республику Иран или останутся в Австралии, является сугубо внутрисемейным делом, и действия государства никакого разлучения членов семьи не спровоцировали. Комитет... отмечает утверждение государства-участника о том, что при принятии решения, повлекшего за собой отъезд автора из страны, интересам несовершеннолетнего ребенка было уделено должное внимание, но возобладали в деле императивные соображения национальной безопасности (пункт 10.2 Соображений).

---

¹⁵⁰ Комитет считает, что согласно требованию, предусмотренному в пункте 4 статьи 9 Пакта, суды, рассматривающие вопрос о законности содержания под стражей, должны принимать во внимание все соответствующие факторы, необходимые для оценки законности содержания под стражей. На основе предоставленных Комитету материалов Комитет заключает, что суды не имели доступа к информации, в силу которой Агентство информации и безопасности пришло к выводу о том, что автор представляет собой угрозу для общественного порядка, мира и безопасности государства-участника, и что у них не возникло вопроса, почему сами они не могли быть проинформированы об основаниях, лежащих в основе такой оценки¹⁵⁰. Комитет заключает, что рассмотрение вопроса о законности содержания автора под стражей судами государства-участника не согласуется со стандартами, предусмотренными пунктом 4 статьи 9, и тем самым представляет собой нарушение этого положения Пакта (пункт 10.6 Соображений).

В настоящем деле автор сообщения прожил со своей семьей в Австралии 16 лет, и местные органы никогда ничего не вменяли ему в вину и не выносили ему предупреждений относительно его личного поведения. Два его старших сына начиная с 2003 года являются гражданами Австралии, его младшая дочь родилась и пошла в школу в Австралии, завязав здесь свои социальные связи. Рассмотрев заявку автора на получение постоянной визы, государство-участник приняло решение не выдавать ее автору по имевшимся с его точки зрения «императивным соображениям безопасности», предоставив в то же время остальным членам семьи возможность и дальше пребывать на своей территории. В конечном итоге жена автора не захотела жить в разлуке со своим мужем, они вместе решили, что их несовершеннолетней дочери лучше остаться с ними, и, поскольку автору было отказано в праве оставаться в стране, 27 июня 2010 года они покинули Австралию (пункт 10.3 Соображений).

В данном случае на момент отъезда автор прожил на территории государства-участника на законных основаниях более 16 лет и, судя по всему, без всяких юридических ограничений, причем государство-участник этот факт не отрицает. Автору так ни разу официально и не сообщили, на чем основывался отказ в выдаче визы, из-за которого он был вынужден покинуть страну; ему только в общих словах объяснили, что он представляет угрозу национальной безопасности, о чем свидетельствуют справки о его неблагонадежности, с которыми его не ознакомили даже в виде резюме. Правда, его юридическим представителям дали возможность ознакомиться с имеющимися против него сведениями, но постановлением судьи им было запрещено сообщать автору любую информацию, благодаря которой он мог бы дать им в ответ указания и оспорить заключение, согласно которому он представляет угрозу национальной безопасности (пункт 10.4 Соображений).

С учетом того, что автор прожил в Австралии 16 лет на законных основаниях и все это время имел устоявшуюся семейную жизнь, а также в силу отсутствия какого-либо объяснения со стороны государства-участника тех причин, по которым его лишили права на дальнейшее пребывание в стране, ограничившись заявлением общего порядка, что это делается по «императивным соображениям национальной безопасности», Комитет делает вывод о том, что должная процедура в действиях государства-участника отсутствовала. Соответственно, государство-участник не представило автору обоснованное и объективное оправдание своего вмешательства в его устоявшуюся семейную жизнь (пункт 10.5 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении положений статьи 17 в совокупности с положениями статьи 23 Пакта в отношении автора и его семьи (пункт 11 Соображений).

выдворение в *Казахстан**практика Европейского Суда по правам человека*

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 11870/03 «*Закаев и Сафанова против России*» (вынесено 11 февраля 2010 г., вступило в силу 28 июня 2010 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд прежде всего отмечает, что правонарушение, за которое первый заявитель был выслан, состояло в нарушении регистрационных правил для иностранных граждан. Это правонарушение наказывается Кодексом об административных правонарушениях штрафом от 500 до 1 000 рублей (приблизительно от 11 до 23 евро) и возможным административным выдворением. Европейский Суд также отмечает, что нет никаких доказательств, что первый заявитель уже подвергался штрафу за это правонарушение, несмотря на то, что его нелегальное положение было известно властям до 17 января 2003 г. Учитывая границы санкций в национальном законодательстве и тот факт, что ранее первый заявитель был просто предупрежден о необходимости оформить регистрацию, Европейский Суд заключает, что правонарушение не было особо серьезным и что 17 января 2003 г. первый заявитель был наказан по этому поводу в первый раз (пункт 42 постановления).

Европейский Суд отмечает, что первый заявитель прибыл в Россию в 1992 году и оставался там большую часть времени, за исключением двух периодов, имевших место в 1994 - 1995 годах и в августе 2001 - марте 2002 г. В обоих случаях он был вынужден вернуться в Казахстан в связи с вооруженными действиями и небезопасным положением в Чечне, и оба раза он возвращался в Россию, где его жена и дети оставались с 1995 года. Являясь гражданином Казахстана, первый заявитель не нуждался в визе, чтобы путешествовать по России и, таким образом, не мог встречаться с какими-то трудностями при пересечении границы. Глава администрации поселка в Чечне подтвердил пребывание там первого заявителя в периоды между боевыми действиями (пункт 43 постановления).

Европейский Суд отмечает, что вторая заявительница и четверо маленьких детей являются гражданами России. Они никогда не были гражданами Казахстана, и хотя вторая заявительница родилась и провела свои детские годы в Казахстане, к 1991 году - к моменту распада Советского Союза - она и ее семья вернулись в родную Чечню и находились там 10 лет. Не утверждалось, что у нее были какие-то основания требовать гражданства Казахстана, а для детей эта связь была бы еще менее существенной. Первый заявитель не имеет постоянного места работы в Казахстане, и он не способен обеспечить источник дохода для его семьи с того момента, как его туда выдворили (пункт 44 постановления).

Что касается положения семьи заявителей, до времени выдворения первого заявителя они находились в законном браке на протяжении почти 10 лет. От этого брака родились трое детей, планировалось рождение четвертого. Заявители проживали совместно, заботясь о детях и совместно участвуя в общем домашнем хозяйстве. Наличие между ними сильных эмоциональных связей никогда не оспаривалось. Заявители утверждали, что первый заявитель играл особенно важную роль в воспитании троих старших детей, поскольку вторая заявительница работала после их переезда в Москву. Эта информация подтверждается документами процедуры выдворения (см. § 19) и не оспаривалась властями Российской Федерации. Очевидно, что высылка первого заявителя серьезно отразилась на положении детей и второй заявительницы, особенно с учетом рождения Д.З. в сентябре 2003 г. (пункт 45 постановления).

Европейский Суд отмечает, что заявители и их дети уже подвергались страданиям вынужденной миграции, по крайней мере, два раза в 1994 - 2003 годах. Документы, предоставленные заявителями, описывают хрупкое здоровье их детей и их интеграцию в московскую жизнь ... Утверждение второй заявительницы о том, что новый переезд в незнакомую среду может только противоречить интересам детей и повлечь ухудшение их благополучия, не является явно необоснованным при данных обстоятельствах (пункт 46 постановления).

Европейский Суд учитывает довод властей Российской Федерации о том, что в 2002 году первый заявитель в течение нескольких месяцев не соблюдал российское законодательство о статусе иностранных граждан. Он также отмечает, что им не было предпринято никаких попыток до 2002 года получить разрешение на постоянное место жительства или российское гражданство, несмотря на его длительное проживание в России и брак с российской гражданкой. Хотя такое поведение может порицаться, данное дело отличается от других дел, в которых Европейский Суд полагал, что заинтересованные лица не могли в любое время разумно ожидать, что они смогут продолжить семейную жизнь в стране пребывания... Европейский Суд полагает, что эти доводы особенно значимы в настоящем деле, поскольку значительный период заявители прожили в Чечне, регионе Российской Федерации, перенесшем фактическое крушение системы права и порядка, и где институты государства-ответчика перестали действовать. Очевидно также, что заявители, по крайней мере, пытались соблюдать правовые нормы в Москве в 2002 году...; однако они ничего не добились из-за практических затруднений (пункт 47 постановления).

Европейский Суд находит, что выдворение первого заявителя в 2003 году за нарушение правил пребывания имело долгосрочные негативные последствия для семейной жизни заявителей и их детей. Власти Российской Федерации не учли эти факторы надлежащим образом. При конкретных обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд полагает, что экономическое благосостояние и предотвращение беспорядков и

преступлений не перевешивают прав заявителей, предусмотренных статьей 8 Конвенции (пункт 48 постановления).

выдворение в *Камерун*

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 39417/07 «*Алим против России*» (вынесено 27 сентября 2011 г., вступило в силу 27 декабря 2011 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: административное выдворение из страны создает «вмешательство» в право заявителя на уважение его семейной жизни. Это вмешательство влечет нарушение статьи 8 Конвенции, если только оно не является оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции (пункт 83 постановления).

Европейский Суд напоминает, что сторонами не оспаривалось, что заявитель прибыл в Российскую Федерацию в 1995 году в возрасте 14 лет, а затем был принят в высшее учебное заведение. С 2003 или 2004 года заявитель на законных основаниях проживал в Краснодарском крае с гражданкой Российской Федерации в качестве сожителя. В сентябре 2006 года документ, предоставлявший ему право на пребывание в Российской Федерации, был аннулирован (пункт 86 постановления).

Европейский Суд отмечает, что нарушение, за которое 11 января 2007 г. заявителю было предписано покинуть Российскую Федерацию, состояло в несоблюдении установленных для иностранцев правил «регистрации», относящемся к незначительным административным правонарушениям ... Европейский [С]уд отмечает, что до 15 января 2007 г. Закон о правовом положении иностранных граждан содержал положения о регистрации иностранных граждан. Иностранцы должны были обратиться за «регистрацией» в течение трех дней по прибытии в Россию... Европейский суд учитывает довод властей Российской Федерации о том, что в ноябре 2006 года заявитель был оштрафован за это нарушение (пункт 87 постановления).

Европейский Суд не убежден, что после того, как его регистрация была аннулирована в сентябре 2006 года, заявитель, который более не являлся «законно» пребывающим в стране, имел какую-либо возможность легализовать свое присутствие в Российской Федерации, учитывая применимые положения и процедуры российского законодательства. Согласно Закону о правовом положении иностранных граждан иностранец должен покинуть территорию Российской Федерации по истечении разрешенного ему периода времени пребывания в стране, за исключением случаев, когда в дату истечения этого срока он уже получил разрешение на продление и возобновление данного срока или когда его заявление о

продлении и другие документы были приняты на рассмотрение (пункт 88 постановления).

[П]ри обстоятельствах дела заявитель должен был покинуть Российскую Федерацию, чтобы иметь законное основание обратиться за новым разрешением на пребывание на территории Российской Федерации. Действительно, поскольку заявитель не имел никакого разрешения на пребывание в стране, ему была предоставлена транзитная виза с 7 по 16 ноября 2006 г., чтобы дать ему возможность покинуть Российскую Федерацию. Однако он не выехал из страны, как он объяснил, так как его жена недавно родила второго ребенка, и он должен был заботиться об их первом ребенке. В связи с тем, что поведение заявителя и его возможные попытки узаконить свое присутствие в Российской Федерации могут быть существенными для оценки, Европейский [С]уд полагает, что заявитель действовал без особой тщательности и поэтому попал в «безвыходное положение» относительно своего иммиграционного статуса в Российской Федерации. В то же время необходимо отметить, что заявитель был признан виновным в несоблюдении правил регистрации, а не в пребывании в стране без соответствующего документа, такого как виза или разрешение на пребывание (пункт 89 постановления).

[П]раво должностных лиц применять меру в виде выдворения может создавать важное средство предотвращения серьезных и неоднократных нарушений иммиграционных правил. Схема применения национального иммиграционного законодательства, которая, как в настоящем деле, основана на административных санкциях в виде выдворения, не нарушает статью 8 Конвенции. В любом случае Европейский [С]уд не должен абстрактно рассматривать соответствие иммиграционных процедур Конвенции, но должен убедиться конкретно, какое влияние оказало применение таких процедур на права заявителя, предусмотренные статьей 8 Конвенции (пункт 93 постановления).

[Х]отя национальные власти пользуются определенным усмотрением при вмешательстве в осуществление права, установленного Конвенцией, такого как в настоящем деле, процессуальные гарантии, доступные лицу, имеют особое значение при определении того, осталось ли государство-ответчик в пределах своего усмотрения. Действительно, прецедентная практика Европейского [С]уда указывает, что, хотя статья 8 Конвенции не содержит никаких прямых процессуальных требований, процесс принятия решений, повлекший меры вмешательства, должен быть справедливым и таким, чтобы надлежащим образом обеспечивать уважение интересов, защищаемых статьей 8 Конвенции (пункт 94 постановления).

Европейский Суд не удовлетворен мотивировкой суда кассационной инстанции в части фактических и правовых оснований, связанных с семейной жизнью заявителя, когда решение об административном выдворении из Российской Федерации было оставлено без изменений. Как уже отмечалось, суд не ссылался на применимые принципы Конвенции

относительно наличия частной и/или семейной жизни... Более того, необходимо учитывать, что, если, как в настоящем деле, вмешательство в права заявителя, установленные статьей 8 Конвенции, имело законную цель защиты общественной безопасности или порядка, национальные власти должны оценивать степень угрозы общественной безопасности и порядку со стороны заявителя (пункт 96 постановления).

[Н]есмотря на значение личных показаний, суд кассационной инстанции не провел устного слушания. Также он не нашел необходимым заслушать А. Заявителю было указано, что в соответствии с применимым законодательством выдворение влекло запрет на его въезд в Российскую Федерацию в течение пяти лет и получения разрешения на временное пребывание на тот же срок ... При таких обстоятельствах, как это предусмотрено российским законодательством..., национальные власти должны были рассмотреть вопрос о наилучших интересах и благополучии детей, а также о прочности социальных, культурных и семейных связей с Камеруном и Российской Федерацией (пункт 97 постановления).

[О]тсутствие оценки национальных властей влияния их решений на семейную жизнь заявителя должно рассматриваться как выходящее за пределы усмотрения государства (пункт 98 постановления).

Европейский Суд полагает, что не было четко установлено, что нарушение заявителем требований правил пребывания и регистрации перевешивало то обстоятельство, что заявитель проживал в Российской Федерации продолжительное время, ведя хозяйство с российской гражданкой, с которой у них было двое общих детей (пункт 99 постановления).

II.b Международным договорным органом установлено отсутствие нарушения
права лица на уважение семейной жизни в случае его административного
выдворения

выдворение в *Грузию*

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 72780/12 «*Мурадели против России*» (вынесено 9 апреля 2015 г., вступило в силу 9 июля 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался в соответствии со статьями 8 и 13 Конвенции на то, что постановление об административном выдворении с территории Российской Федерации нарушило его право на уважение частной и семейной жизни (пункт 56 постановления).

Европейским Судом обращено внимание на то, что «...статья 8 не может рассматриваться в качестве налагающей на государство общее обязательство по уважению выбора места проживания семейной парой или по разрешению воссоединения семьи на его территории. Тем не менее, в случае, когда дело касается семейной жизни, а также иммиграции, рамки обязательств государства по допуску на свою территорию родственников лиц, проживающих на его территории, изменяются в соответствии с особыми обстоятельствами соответствующих лиц и общественной заинтересованности» (п. 70 постановления).

Суд напомнил о факторах, которые принимаются во внимание в данном контексте:

- рамки связей в государстве-участнике Конвенции,
- наличие непреодолимых препятствий в отношении пребывания семьи в родной стране соответствующего иностранного гражданина
- вопрос о том, имеются ли факторы иммиграционного контроля (например, история нарушений иммиграционного законодательства) или случаи несоблюдения общественного порядка, которые перевешивают в сторону принятия решения о запрете на въезд (п. 70 постановления).

Европейский Суд уточнил, что «...учитывая, что заявитель покинул Россию в марте 2011 года и впоследствии пытался повторно въехать в Россию, настоящая жалоба относится не к ситуации оседлого мигранта, но к ситуации иностранного гражданина, добивающегося разрешения на въезд в страну» (п. 74 постановления).

Суд установил, что «...когда в ходе проверки документов полицией... заявитель не представил документов, разрешающих его пребывание в России, он объяснил, что, полагая, что он может въехать в Россию из Республики Беларусь без визы, он приехал в Россию для решения определенных коммерческих вопросов и собирался уехать после их решения. Заявитель не упомянул свою семью в качестве причины его приезда в Россию. Также его семья не была упомянута в судебных разбирательствах в районном суде, который признал заявителя виновным в нарушении иммиграционных правил» (п. 75 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...в соответствии с утверждениями заявителя, после его выдворения из России он принял решение поселиться в Республике Беларусь. Так как русский язык является одним из двух официальных языков в Республике Беларусь, Суд не видит непреодолимых препятствий для переезда семьи заявителя в выбранную им страну» (п.76 постановления).

Суд особо подчеркнул, что «...несмотря на неоднократные нарушения иммиграционных правил, заявителю были предоставлены широкие возможности урегулирования его пребывания в России... после того, как он не обратился за продлением срока действия его разрешения на временное проживание в 2004 году и был признан виновным в совершении административного правонарушения на этом основании в апреле 2006 года,

новое разрешение на временное проживание было предоставлено ему в августе 2006 года, несмотря на то, что его запрос о продлении срока действия был подан с опозданием на два года... После того, как заявитель вновь не обратился вовремя за продлением срока действия его разрешения на временное проживание в 2009 году, его заявление было отклонено. Тем не менее, хотя заявителю было указано покинуть Россию по истечении срока действия его разрешения на временное проживание, иммиграционные органы власти особым образом указали, что он может повторно въехать в Россию после исполнения иммиграционных правил... Однако заявитель решил пренебречь упомянутым постановлением и остаться в России незаконно. Когда органам власти стало известно об этом и они.. признали его виновным в совершении административного правонарушения в отношении пребывания в России после истечения срока действия его разрешения на временное проживание, они не вынесли постановление об его административном выдворении, что повлекло бы пятилетний запрет на въезд, а предоставили ему транзитную визу, чтобы он мог покинуть Россию в законном порядке» (п. 78 постановления).

Суд пришел к выводу, что «... поведение заявителя говорило о постоянном пренебрежении законами, правилами и общественным порядком страны проживания... российские органы власти не несли обязательства по разрешению пребывания заявителя в России... Таким образом, нарушение статьи 8 Конвенции не было допущено» (пункты 81-83 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 43553/10 *«Адеишвили (Мазмишвили) против России»* (вынесено 16 октября 2014 г., вступило в силу 16 января 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался, в том числе на то, что его выдворение в Грузию противоречит статье 8 Конвенции (пункт 72 постановления).

Европейский Суд отметил, что он выработал соответствующие критерии, которые мог бы использовать для оценки необходимости применения такой меры, как высылка, и ее соразмерности преследуемой правомерной цели. Такими критериями являются: характер и тяжесть правонарушения, совершенного заявителем; длительность пребывания заявителя в стране, из которой он/она должен (должна) быть выдворен(а); период времени, истекший с момента совершения правонарушения и поведение заявителя в этот период; гражданство различных заинтересованных лиц; семейное положение заявителя, в частности, длительность брака и другие факторы, выражающие наличие семейной жизни у пары; знал(а) ли супруг(а) о правонарушении на тот момент, когда он или она вступал(а) в брак с заявителем; есть ли дети от этого брака, и если есть, каков их возраст; а также тяжесть трудностей, с которыми, вероятно, столкнется супруг(а) заявителя в стране, в которую должен быть выдворен заявитель (п. 76 постановления).

Суд установил, что «...национальные суды распорядились о выдворении заявителя за несанкционированное проживание на территории РФ, которое стало незаконным после того, как органы власти аннулировали его российское гражданство и паспорт гражданина РФ... заявитель не в первый раз привлекался к административной ответственности за незаконное проживание на территории РФ... национальные суды при вынесении решения о выдворении заявителя приняли во внимание его судимости... рассматриваемая семейная жизнь развивалась в течение периода, в который заявитель, и, очевидно, [его супруга] были осведомлены о нестабильности миграционного статуса заявителя в России. В марте 2010 года решение, подтверждающее непрерывное проживание в России, было отменено, и заявитель не добивался судебного разбирательства. В апреле 2010 года российское гражданство заявителя было аннулировано, и его паспорт был признан недействительным. Видимо, присутствию заявителя на территории РФ относились терпимо, что не может быть приравнено к законному пребыванию» (п. 79, 80, 82 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что «... заявитель родился и вырос в Грузии, где до сих пор проживают его родители... дети заявителя находятся в юном и способном к адаптации возрасте... можно обоснованно признать возможность перемещения детей в грузинскую культуру и общество, несмотря на то, что... такое перемещение может повлечь значительные социальные и экономические трудности» (п. 83 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что семейная жизнь заявителя в России не могла перевесить риск, который он представлял для общества, и, следовательно, его выдворение было пропорциональным правомерной цели предотвращения преступления. Таким образом, нарушение статьи 8 Конвенции в случае выдворения заявителя в Грузию отсутствует (пункт 84 постановления).

выдворение в *Китайскую Народную Республику*

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 20113/07 «*Игрек (У) против России*» (вынесено 4 декабря 2008 г., вступило в силу 4 марта 2009 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Суд отмечает, что существо Статьи 8 состоит в том, чтобы защитить человека от произвольных действий органов государственной власти. Суд повторяет, что в контексте и своих позитивных и негативных обязательств по [с]татья 8 Государство должно установить справедливый баланс между конкурирующими интересами человека и сообщества в целом. Однако, в обоих контекстах государство обладает определенными пределами усмотрения. Представляется, что в части иммиграционных отношений [с]татья 8 не налагает на государство общее обязательство уважать выбор супружеской парой страны для их супружеского проживания или санкционировать

воссоединение семьи на своей территории ... Однако, высылка человека из страны, в которой проживают его близкие родственники, может составить нарушение права на уважение семейной жизни, гарантированного в § 1 [с]татья 8 Конвенции (пункт 100 постановления).

Факторами, которые должны быть приняты во внимание в этом контексте, является то, в какой мере семейная жизнь действительно разорвана, степень связи между супругами в Договариваемом Государстве, т.е. имеются ли непреодолимые препятствия для проживания семьи в стране, из которой происходит один или оба супруга, и существуют ли факторы иммиграционного характера (например, наличие истории нарушений иммиграционного законодательства), а также существуют ли соображения публичного характера в пользу высылки... Также важно установить, была ли семейная жизнь создана в тот период времени, когда заинтересованные лица знали, что иммиграционный статус одного из них делал постоянную семейную жизнь в пределах принимающего государства изначально сомнительной .... В таком случае высылка члена семьи, не являющегося гражданином данной страны, может составлять нарушение Статьи 8 только при исключительных обстоятельствах (пункт 101 постановления).

Заявители вступили в брак 5 апреля 2005 года. До этого дня у первого Заявителя не было никаких юридических оснований, дающих право ему оставаться в России, не считая незаконченное рассмотрение жалобы на решение Управления ФМС¹⁵¹ отказать в предоставлении статуса беженца от 20 мая 2004 года. Суд может предположить, что между Заявителями существовали подлинные семейные отношения. Однако, при том, что согласно условиям российского законодательства первый Заявитель не мог быть депортирован до окончания судебных разбирательств по его жалобе, ясно, что его иммиграционный статус до 5 апреля 2005 года не давал ему оснований ожидать, что он получит разрешение на временное проживание в стране (пункт 102 постановления).

Суд не находит исключительных личных обстоятельств, которые предотвратили бы депортацию первого Заявителя в случае, если бы его ходатайство о предоставлении статуса беженца было отклонено, а обжалование такого отказа должным образом завершено. При том, что его связи с Россией были очевидно важны, эти связи не имели такой неотразимой природы, чтобы сделать возвращение первого Заявителя в свою родную страну невозможным. Первый Заявитель провел большую часть своей жизни и академической карьеры в Китае и имел там семью. В любом случае, Заявители никогда не стремились получить разрешение на временное проживание в стране для первого Заявителя в качестве супруга российского гражданина, и поэтому вопрос о том, дали бы ему такое разрешение или нет, остаются открытым. Вопрос о том, согласилась бы второй Заявитель воссоединиться со своим мужем в Китае, также остается открытым (пункт 103 постановления).

---

¹⁵¹ Федеральная миграционная служба.

Жалоба в данной части является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с [пунктами] 3 и 4 [с]татья 35 Конвенции (пункт 104 постановления).

выдворение в *Республику Узбекистан*

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 52812/07 «*Камалиевы против России*» (вынесено 3 июня 2010 г., вступило в силу 3 сентября 2010 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: [о]бращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд прежде всего отмечает, что правонарушение, за которое первый заявитель был выслан, состояло в нарушении регистрационных правил для иностранных граждан. Это правонарушение наказывается Кодексом об административных правонарушениях штрафом от 500 до 1 000 рублей (приблизительно от 11 до 23 евро) и возможным административным выдворением. Хотя это правонарушение не было особенно серьезным, власти отметили, что в феврале 2006 г. у первого заявителя был обнаружен недействительный российский паспорт, и после этого он не принял мер для легализации своего пребывания. Таким образом, его пребывание в России было незаконным длительное время, после того как указанный документ был изъят. Тем не менее представляется, что первый заявитель не принял мер для легализации его пребывания. Национальные суды придали особое значение этому факту, когда принимали решение о высылке первого заявителя (пункт 62 постановления).

Европейский Суд также отмечает, что первый заявитель просил не высылать его в связи с браком с российской гражданкой в районном суде и, через своего представителя, в суде кассационной инстанции. Эти доводы были рассмотрены и отклонены судами, которые заключили, что при обстоятельствах дела семейная ситуация заявителей не перевешивает интерес общественного порядка (пункт 63 постановления).

Европейский Суд отмечает, что заявители не выдвинули дополнительных доводов относительно их семейных или социальных связей в соответствии с упоминавшейся выше прецедентной практикой Европейского Суда, которые могли бы повлиять на оценку равновесия интересов (пункт 64 постановления).

Европейский Суд заключает, что, устанавливая равновесие между достижением законной цели и защищаемыми интересами заявителей, государство не вышло за пределы своего усмотрения, которым оно пользуется в сфере иммиграционных вопросов (пункт 65 постановления).

выдворение в *Соединенные Штаты Америки**практика Комитета по правам человека*

Сообщение: *М. Дж. К. против Австралии*. Сообщение № 1875/2009. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 26 марта 2015г.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его задержание по иммиграционным соображениям было произвольным, необоснованно продолжительным и что он не мог оспорить его законность. Комитет отмечает довод государства-участника о том, что автор был задержан в соответствии с процедурами, предусмотренными законом о миграции; что задержание незаконно находящихся в стране неграждан по истечении срока уголовного наказания в виде лишения свободы может быть необходимо для обеспечения наличия лица, не имеющего действующей визы на пребывание в Австралии, для его высылки, если только не будут найдены причины для его дальнейшего законного проживания в Австралии; и что автор продолжал оставаться под стражей, когда в течение трехлетнего периода подавал апелляционные жалобы на первоначальное решение Трибунала о том, что его виза была аннулирована законно (пункт 11.2 Соображений).

Комитет принимает во внимание, что содержание автора под стражей и его последующая высылка были произведены в соответствии с австралийским законодательством, предусматривающим возможность аннулирования визы по статье 501 закона о миграции вследствие наличия судимостей; что он был взят под стражу согласно закону о миграции как «незаконно находящийся в стране негражданин»¹⁵²; и что он был выслан по статье 198 (6) по завершению его заключительной попытки остаться на территории Австралии путем подачи заявления о предоставлении ему защитной визы. Вне зависимости от этих соображений Комитет должен определить, являлось ли такое задержание, пусть даже произведенное в соответствии с австралийским законодательством, произвольным, как это утверждает автор (пункт 11.3 Соображений).

Комитет отмечает тот неоспоримый факт, что в июне 2004 года автор был освобожден по решению Совета по вопросам исправительных учреждений Квинсленда, согласно которому он мог быть выпущен на свободу для жизни в австралийском обществе. Он ... отмечает, что автор был освобожден условно-досрочно и предположительно в течение года отмечался в полиции и не имел замечаний до принятия представителем Министра решения об аннулировании его визы вследствие наличия судимостей. Автор был помещен в иммиграционный изолятор спустя год после его условно-досрочного освобождения 20 октября 2005 года. Он оставался под стражей до его высылки 8 мая 2009 года, состоявшейся через три с половиной года (пункт 11.4 Соображений).

---

¹⁵² См. раздел 189 закона о миграции.

Согласно полученной Комитетом информации автор стал «незаконно находящимся в стране негражданином» в результате аннулирования его визы и, согласно закону о миграции 1958 года, был автоматически помещен в иммиграционный изолятор до его высылки, которая в итоге произошла через три с половиной года. В течение этого времени власти государства-участника не произвели индивидуальной оценки потребности в дальнейшем содержании автора в иммиграционном изоляторе. Комитет считает, что государство-участник не продемонстрировало на индивидуальной основе, что непрерывное и длительное содержание автора под стражей было обосновано с точки зрения его продолжительности¹⁵³. Государство-участник... не доказало, что для достижения поставленной цели, т.е. для удовлетворения потребности государства-участника в обеспечении явки автора для высылки, не могли быть использованы иные, менее жесткие меры (см. пункт 6.3 выше). Кроме того, автор был лишен возможности оспорить по существу решение о его бессрочном содержании под стражей. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой судебный пересмотр законности заключения под стражу не ограничивается проверкой соответствия содержания под стражей внутреннему законодательству, и должен включать также возможность освобождения лица в случае несовместимости содержания его под стражей с требованиями Пакта¹⁵⁴. По всем указанным причинам Комитет считает, что в сложившихся обстоятельствах содержание автора под стражей нарушало его права по пункту 1 статьи 9 Пакта (пункт 11.6 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что его высылка представляет собой произвольное вмешательство в его семейную жизнь по смыслу статей 17 и 23. Комитет принимает во внимание аргумент государства-участника о том, что автор и его сын не образуют семью согласно статьям 17 и 23, поскольку контакты между ними носили минимальный характер (пункт 11.7 Соображений).

Комитет считает, что решение государства-участника депортировать автора, которое могло оказать долговременное воздействие на его отношения со своим сыном, в сочетании с полным запретом на въезд в Австралию следует считать «вмешательством» в жизнь семьи (пункт 11.8 Соображений).

В свете представленной ему информации Комитет считает, что решение государства-участника аннулировать визу автора было построено на объективных и разумных основаниях, в частности учитывало судимости автора, хотя семейные обстоятельства автора принимались во внимание при вынесении решений представителем Министра и Трибуналом по обжалованию административных решений. В данных обстоятельствах Комитет полагает, что личное семейное положение автора было тщательно проанализировано компетентными органами и что произошедшее вмешательство в семейную

---

¹⁵³ См. сообщение № 2094/2011, *Ф. К. А. Д. и др. против Австралии*, Соображения от 26 июля 2013 года, пункт 94.

¹⁵⁴ См., в частности, сообщения № 2094/2011, *Ф. К. А. Д. и др. против Австралии*, (см. сноску 23), пункт 9.6; и № 1014/2001, *Бабан против Австралии* (см. сноску 22), пункт 7.2.

жизнь автора не является произвольным по смыслу статьи 17 Пакта. Комитет заявляет, что представленные ему факты не свидетельствуют о нарушении статей 17 и 23 Пакта (пункт 11.9 Соображений).